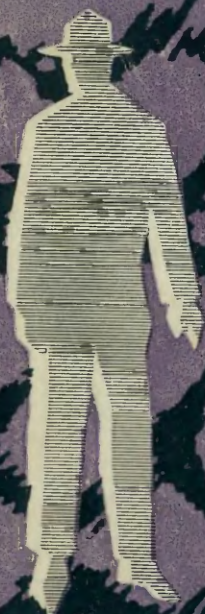

3

АРУБЕЖНАЯ

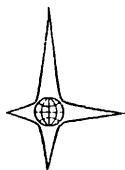
Ф

АНТАСТИКА

Ф. КАШШАИ

телечеловек

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»

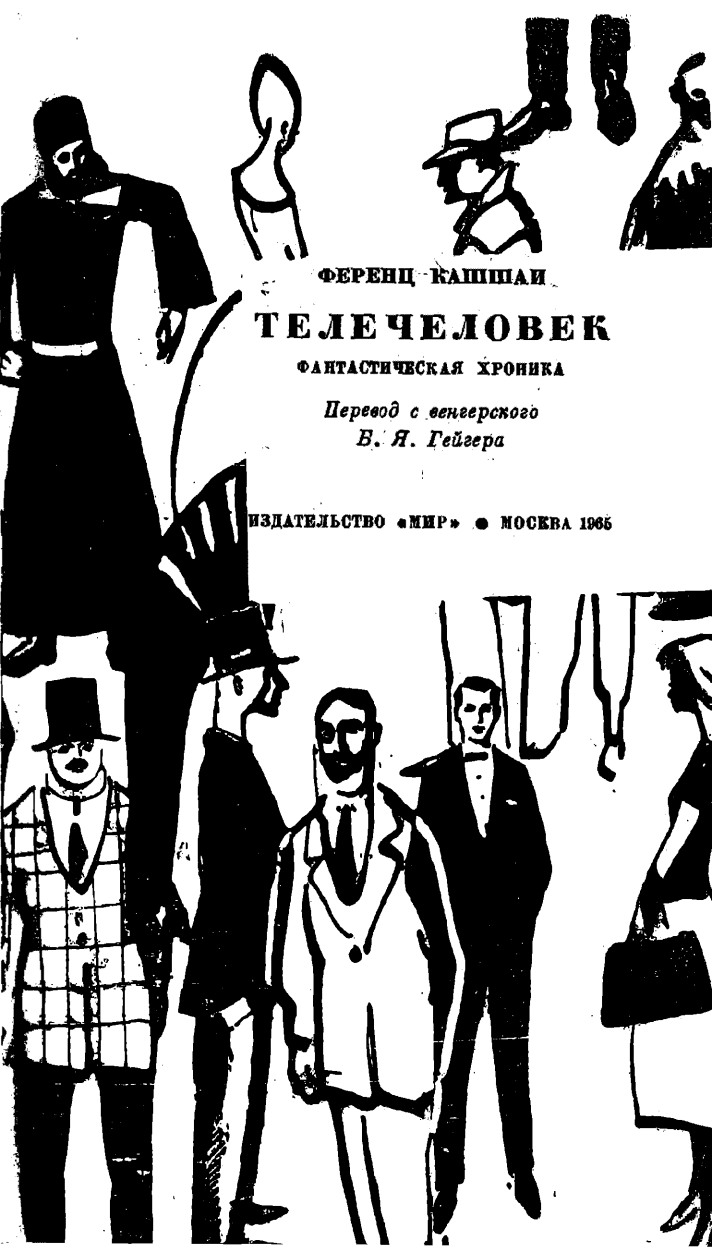
FERENC KASSAI

TELEHUMAN

FANTASZTIKUS KRÓNIKA

**MORA FERENCZ KÖNYVKIADÓ
BUDAPEST 1963**

ФЕРЕНЦ КАПШАИ

ТЕЛЕЧЕЛОВЕК

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

*Перевод с венгерского
В. Я. Гейгера*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» • МОСКВА 1965

Действие повести происходит в конце 60-х годов в вымышленной стране Миклане. Главный герой, талантливый ученый Бирминг, изобрел установку, в которой он использовал последние достижения в области электроники и биофизики. При помощи этой установки ему удастся добиться получения объемного изображения. Случилось так, что изображение самого профессора начинает самостоятельную жизнь. С «двойником» происходит ряд увлекательных приключений, возникает личный конфликт между ним и профессором, раскрывается проблема ответственности ученых за свои изобретения.

Все события происходят на фоне острой борьбы между поборниками войны и сторонниками мира и прогресса.

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

В 1963 году будапештское издательство молодежи литературы им. Ференца Мора выпустило научно-фантастическую повесть Ференца Кашшаи «Телечеловек». Книга сразу же привлекла внимание венгерских читателей, особенно молодежи.

Автор повести более известен в Венгрии как журналист, но в последние годы с успехом работает и в области научной фантастики.

Действие повести, или, как ее называет автор, — «фантастической хроники», происходит в 1968—1969 гг. в вымышленной стране Миклане. В основу сюжета книги положены воспоминания всемирно известного микланского ученого профессора Бирминга, посвятившего свою жизнь изучению проблем телевидения.

Результатом многолетней исследовательской работы и длительного экспериментирования Бирминга является создание принципиально новой стереоскопической биотелевизионной установки. Особенность его открытия состоит также в том, что во время телепередач исчезают все контуры экрана и остается лишь изо-

бражение определенного объекта, в том числе и одушевленного. Во время одного из экспериментов ученый пытается воспроизвести свое собственное изображение, которое в результате непредвиденных обстоятельств неожиданно оживает и начинает вести самостоятельную жизнь.

Таким образом в действие вступает двойник Бирминга, или «Теле-Бирминг», который в отличие от своего создателя сразу же активно включается в политическую и общественную жизнь страны. На конгрессе ученых, посвященном борьбе за мир, теледвойник выступает с сенсационным заявлением, излагая теорию возможного создания так называемого телечеловека. Ученые, в том числе подлинный профессор Бирминг, и общественность всего мира потрясены этим сообщением. Многие из них, как и «автор» теории, отдают себе отчет в том, какие несчастья человечеству может принести это открытие в том случае, если оно будет использовано в военных целях. Поэтому «Теле-Бирминг» развивает бурную деятельность, пытаясь сплотить научные и все прогрессивные силы страны во имя защиты дела мира и предотвращения войны.

Постепенно и подлинный Бирминг оказывается в самой гуще развивающихся событий и становится их активным участником. Под влиянием различных обстоятельств (присутствие на собраниях и митингах общественности, беседы с представителями правительства и военных кругов, встреча и разговор со своим двойником) он в значительной степени пересматривает свои прежние взгляды и уже ины-

ми глазами смотрит на роль ученого в обществе, понимает его огромную ответственность перед человечеством.

Книга Кашшаи написана в увлекательной форме, читается очень легко. Автор прибегает к некоторым журналистским приемам, в частности умело подает материал в стиле сенсационных сообщений, типичных для современной буржуазной прессы. Благодаря этому ему удастся лучше раскрыть атмосферу ажиотажа и всевозможных политических спекуляций, создаваемую в капиталистических странах вокруг крупных научных открытий.

Помимо познавательного значения книга Кашшаи имеет и глубокий политический смысл. Она является своего рода обличением нравов и порядков капиталистического общества и милитаристских кругов, стремящихся использовать в своих интересах крупнейшие научные открытия. Вместе с тем в книге раскрывается весьма актуальная и сложная проблема современного буржуазного общества: моральная ответственность ученых перед человечеством за свои научные открытия, которые могут быть использованы милитаристскими кругами в военных целях.

Книга Ференца Кашшаи, несомненно, будет встречена с интересом советскими читателями и даст возможность лучше познакомиться с научно-фантастической литературой братской Венгерской Народной Республики.

Б. Шевыкин

Профессору Бирмингу посчастливилось тайно переправить из тюрьмы рукопись своих мемуаров. Однако в дальнейшем весь тираж его книги был конфискован микланскими властями. Как сказано в первом пункте обвинительного заключения прокуратуры по делу против ежедневной газеты «Микланс фьючер» и издательства «Прогресс», им вменялось в вину, что они «намеревались предать гласности описание изобретения, исключительно важного для национальной обороны, и тем самым выдать иностранным державам государственную тайну первостепенного значения».

Голословное утверждение микланских властей не соответствует действительности. В своих мемуарах профессор Бирминг не приводит абсолютно никаких технических данных; он касается только того, что ему лично пришлось пережить, и описывает те гонения, которым он подвергся как ученый-изобретатель. Помимо мемуаров профессора, мы воспользовались официальными протоколами, докладами, донесениями и другими документами, а также газет-

ными статьями, которые хоть в какой-то мере проливают свет на столь нашумевшее «дело Бирминга» и помогут читателям составить о нем ясное представление. Там, где это необходимо, текст мемуаров и других материалов мы снабдили примечаниями и комментариями.

Не только в Европе, но и в самом Миклане широко распространена версия, что профессор Бирминг давно эмигрировал из Миклана и что его, вероятно, уже нет в живых, а арестован всего-навсего его теледвойник, поскольку-де скандальное поведение последнего «представляет серьезную угрозу общественному спокойствию и безопасности». Были распущены слухи, что репродуцированные Бирмингом теледвойники взбунтовались против своего создателя и даже убили его. Являясь, в сущности, своеобразными роботами, они якобы с механической неумолимостью стремятся всех уподобить себе и создать общество, в котором будет беспощадно подавляться все живое, чувствующее, мыслящее — все то, что составляет неотъемлемое свойство человеческой личности. В результате все люди лишатся индивидуальности и будут превращены в бездумных роботов.

Публикуемый нами дневник профессора Бирминга — достойная отповедь этим клеветническим измышлениям.

Микланские власти привлекли авторов этих строк к судебной ответственности, ложно обвинив их в том, будто они — «искусственно созданные люди» (о той кампании травли, которая развернулась против биороботов, или так называемых искусственных людей, речь пойдет ниже, в самой книге). Мы до суда были осво-

бождены из-под ареста под большой залог и только благодаря этому получили возможность переправить в Европу рукопись мемуаров профессора Бирминга.

Мы выражаем самую искреннюю признательность Всемирному комитету солидарности с профессором Бирмингом и всем людям доброй воли, настоятельные требования которых вынудили микланское правительство выдать нам заграничные паспорта и визы на выезд. После издания в Европе книги «Телечеловек» мы намерены вновь вернуться на родину, преисполненные твердой решимости продолжать борьбу за то, чтобы освободить профессора Бирминга и использовать его выдающееся открытие в мирных целях, прежде всего в самом Миклане.

Хирл Ринчес,

главный редактор газеты
«Микланс фьючер»

Сид Стенсен,

директор издательства
«Прогресс»

12 июля 1969 года

Более всего людям помогают сплотиться воедино узы дружбы, и важно, чтобы их поступки всегда служили укреплению этих уз!

СПИНОЗА

Я был приглашен в клуб Бэклахэм ровно к восьми вечера. Было около пяти, и я уже собирался домой, чтобы переодеться, как вдруг разразилась гроза. Дождь хлынул как из ведра, и поначалу казалось, что он быстро пройдет. Но не тут-то было... Мне почему-то пришло в голову, что ярость его неиссякаема, как у людей, в минуту ссоры старающихся излить друг на друга всю злость, накопившуюся за многие годы натянутых, неприязненных отношений.

Итак, я собирался съездить домой переодеться и, если останется время, пройтись до клуба пешком. Так хотелось подышать свежим воздухом! Даже не припомню, когда в последний раз позволил себе такую роскошь. А ведь когда-то, в юности, я очень любил длительные прогулки, особенно после дождя. Вот и сейчас я с наслаждением представил, как шагаю не спеша, сопровождаемый мелодией, доносящейся откуда-то издалека. Сверкающий после дождя асфальт, приглушая, доносит ко мне эти

звуки. Этот чуть приглушенный шумок как бы дает человеку почувствовать, что он не одинок, когда на крыльях мечты о будущем, о счастье, о славе уносится в неведомый мир...

Да-да, я отчетливо припоминаю, что предавался именно таким мечтам и именно дождь настроил меня на лирический лад. Тогда я не придавал особого значения своему настроению, так как слишком устал, чтобы утруждать себя самоанализом. Но теперь я начинаю вспоминать, как, находясь во «Дворце стереоскопического эффекта» (так мы прозвали одно из грандиозных зданий, в которых размещались превосходно оборудованные экспериментальные цехи, лаборатории и студии Монсенского научно-исследовательского телецентра), на тринадцатом этаже, и всматриваясь в серую пленку дождя, я испытывал чувство какой-то неудовлетворенности, ощущение безвозвратной потери. На мгновение перед моим мысленным взором промелькнул образ Люси. «Душевная боль,— невольно подумал я,— в конце концов утихает, притупляется, остается лишь легкая грусть, как отблеск ушедшего счастья...»

Словом, я бы покривил душой, утверждая, что в тот момент придавал какое-то значение своим ощущениям. Всю важность их я осознал лишь позднее.

Решив еще раз перелистать конспект лекции на тему «Наука и будущее человечества», с которой мне предстояло выступить вечером в клубе, я заглянул в кабинет своего секретаря Нилла Керсена. Он как раз что-то диктовал автоматической пишущей машинке.

— Хелло, Нилл! — приветствовал я его. — Ну, как конспект? Переписан?

— Все, профессор! — он протянул мне отпечатанные на машинке листы.

И тут мне в голову пришла одна мысль.

— Пройдусь-ка в студию, Нилл. Если я кому-либо понадобится, переключите телефон туда. Договорились?

— Разумеется.

— Хочу еще раз проверить эту новую установку, — пояснил я.

Нилл понимающе улыбнулся одними глазами — лицо его по-прежнему сохраняло привычную сдержанность. Ниллу понятна радость творчества, которая овладевает всем существом ученого и приковывает его к любимому детищу, созданному силой его ума. Мое отношение к нему было неизменно благожелательным, но сейчас я почему-то подумал: «Пожалуй, Нилл несколько наивен и очень уж серьезничает». И тут же устыдился своей мысли: разве причина этого — не в том, что он осознает свое высокое научное призвание?

Я поймал себя на том, что превозношу Нилла из желания хоть чуточку загладить перед ним свою вину за невольный обман. Правда, вряд ли это можно было назвать обманом, но факт остается фактом: я направлялся в студию не только ради того, чтобы еще раз тщательно проверить схему новой установки, над которой я долго и упорно трудился. Мне просто захотелось репродуцировать самого себя в момент чтения лекции и попробовать со стороны оценить себя в качестве лектора. Вообще-то я не новичок в этом деле, но каждый раз, находясь

на университетской кафедре, невольно испытываю чувство какой-то неуверенности. А именно сегодня мне хотелось бы выступить с особенным блеском. Впрочем, возможно, мне просто надо было чем-то заполнить время в ожидании, пока идет дождь.

Установка находилась в небольшом зале, рядом со студией, откуда я на особой волне посылал сигналы телепередачи только на приемное устройство аппарата. Приемник внешне мало чем отличался от уже известной телевизионной установки моей же конструкции.

Телевизионная установка стояла прямо на полу. Она имела форму цилиндра высотой в человеческий рост. Корпус и все детали ее были изготовлены из особого прозрачного вещества (ниже я расскажу об этом подробнее). Внешне аппарат представлял собой сплошной экран. Приемник работал от трансляционной сети, как обычный телевизор системы Т-Б. Репродуцируемые на экране фигуры свободно перемещались в пространстве, создавая полную иллюзию живых людей. Зрителю казалось, что он сидит в зале с круговым обзором, в центре которого движутся настоящие люди из плоти и крови. Если посмотреть на аппарат с противоположной стороны или сбоку, словом, откуда угодно, можно увидеть все тех же «действующих лиц», тот же объект передачи. Особый газ, заполняющий цилиндрический экран, так преломляет электронные лучи, испускаемые катодными лампами под различными углами, что они, сливаясь, образуют естественное стереоскопическое цветное изображение. Этот эффект достигается также благодаря равномерному

рассеиванию лучей по всей поверхности цилиндрического экрана. Нажав специальную кнопку, можно включить или выключить систему питания постоянного тока.

Мне захотелось не только посмотреть на себя со стороны, но и зафиксировать на экране собственное изображение. Поэтому я включил телерекордер, смонтированный в нижней части приемника. Как известно, этот прибор фиксирует на пленке телевизионные изображения.

После этого я перешел в студию, где включил камеры и стал читать текст лекции вслух. Откровенно говоря, читал я довольно монотонно; лицо мое выражало скуку и усталость. В этом я убедился, как только вышел из студии и с помощью телерекордера принялся внимательно разглядывать собственное изображение.

Помнится, я подумал: а вправе ли лектор навязывать свое мнение другим и выдавать то, что он считает бесспорным, за непреложную истину? Разумеется, дело обстоит совсем по-другому, когда читаешь лекции в университете. Там мне приходится излагать с кафедры сугубо научные проблемы. Закон чисел и математические формулы не допускают произвольных толкований. Число — это строго определенное и точное понятие. Математические величины — факты, с которыми, точно так же как и с реальной действительностью, нельзя не считаться. Когда же мне случалось читать лекции на социальные или философские темы, меня не покидало ощущение, словно я совершаю насилие над человеческим мышлением, пытаюсь навязать слушателям свой

ход мыслей и собственную логику. Ведь у каждого человека свои, индивидуальные желания и суждения. Нельзя забывать, что жизнь — это не что иное, как извечная борьба, столкновение противоположных мнений, желаний и действий самых различных людей, стран и народов. Зачастую отдельный индивидуум не в состоянии привести в стройную систему даже собственные поступки и чувства.

Внезапно аппарат перестал действовать.

У меня сохранился текст лекции, и я точно помню, на чем именно остановился, когда произошла «авария».

Вот этот текст:

«Будущее — дело грядущих поколений. Нельзя искусственно воздействовать на естественный процесс развития жизни. Единственное, что мы в состоянии сделать, — это в меру наших сил и возможностей поднимать науку на более высокую ступень, дабы будущие поколения могли продвигать ее еще дальше. До тех пор пока на земле будут существовать люди, неизбежны противоречия и столкновения интересов.

В наши дни много говорят о войне. Наука не властна непосредственным вмешательством решить вопрос, быть или не быть войне. Однако путем воздействия на человеческий разум и популяризации естественнонаучных знаний она может разъяснить существование таких основополагающих истин, которые имеют общечеловеческое значение. Усвоив эти истины, человечество, очевидно, легче сможет осознать и свои общие интересы. Однако, как свидетель-

ствуется исторический опыт, прогресс науки всегда опережает рост человеческого сознания. Следовательно, в этой сфере не приходится рассчитывать на ускоренный процесс развития...»

На этом месте аппарат отказал. Возможно, вышли из строя батареи питания. Мгновенно была забыта лекция, с которой мне предстояло выступить сегодня вечером, и все знаменитости и светила науки, которые должны были присутствовать в клубе Бэклахэм. Что случилось с батареями? Утром они действовали безотказно.

Размышляя над этой загадкой, я достал из верхнего кармана пиджака радиэфон.

— Нилл?

— Что случилось, профессор?

— Видимо, вышли из строя батареи. Сейчас некогда выяснять почему. По-моему, запасные батареи находятся в шкафу «С».

— Совершенно верно. Сейчас принесу, — ответил он.

Я включил аварийную линию и осветил детали цилиндрического приемника. Через несколько минут Нилл принес запасные батареи.

— Что могло случиться? — поинтересовался он.

— Мне и самому хотелось бы знать, — ответил я.

— Может быть, помехи вызваны грозой?

Почему же их не было в самом начале?

Продолжая говорить, я вынул из аппарата батареи. Странно — по внешнему виду они были в полной исправности.

— С вашего разрешения, профессор, я отнесу их в лабораторию и там проверю,— предложил Нилл.

— Да, пожалуйста. И, будьте добры, о результатах проверки немедленно сообщите.

Явно обескураженный, Нилл вышел.

Когда этот молодой ученый по окончании университета поступил ко мне в конструкторское бюро, он с беспримерным рвением включился в экспериментальную работу, взяв на себя детальную разработку части проекта. Да, да! Именно части, я не оговорился, так как Нилл был посвящен далеко не во все и знал лишь часть задуманной мною конструкции.

Сменив батареи, я провозился с аппаратом еще около получаса, прежде чем, к огромной своей радости, убедился, что он работает превосходно, и только после этого выключил осветительные приборы. И тут я снова увидел своего двойника — собственное репродуцированное стереоскопическое изображение. Привычным движением я отрегулировал резкость изображения на экране приемника, точно зная расположение нужных кнопок, и перешел в студию.

По стеклам по-прежнему барабанил дождь. Вот в такие же сумерки, в ненастную погоду я расстался с Люси... Как давно это было! На ее волосах блестели капельки дождя. «Зонтик не спасет, все равно насквозь промокнешь в такой ливень», — кажется, сказал я тогда, а может, только подумал...

Я неплотно прикрыл за собой дверь, и из демонстрационного зала донесся голос «репродуцированного Бирминга» — так в шутку прозвали сотрудники моего «двойника». Аппарат

абсолютно точно воспроизводил каждое мое слово.

Только я собрался поделиться с Ниллом своей радостью; как услышал неистовую брань:

— А-а, дьявол тебя поберет!

Вслед за этим послышался грохот, словно опрокинули что-то тяжелое.

— Осторожнее! — испуганно вскрикнул я.

«Вероятно, вернулся Нилл и случайно опрокинул телевизионный аппарат» — это было первое, что пришло мне в голову. Однако в ответ на мое восклицание донесся слабый шорох, словно что-то покатилося по полу демонстрационного зала с мягким изоляционным покрытием. Этот едва уловимый звук удалось слышать лишь потому, что внезапно воцарилась полная тишина: установка вновь перестала работать.

Я поспешил к двери. Как сейчас помню, в ту минуту меня больше беспокоила участь Нилла, чем судьба самого аппарата. Мне казалось, что Нилл нечаянно наткнулся в темноте на установку и сильно ушибся.

Когда я распахнул дверь, в демонстрационный зал ворвалась узкая полоса света. Там никого не было. Я включил электрический свет и окончательно убедился, что зал абсолютно пуст. Не зная, что и подумать, я совершенно растерялся.

На том месте, где стояла установка, тоже ничего не оказалось... Я в недоумении обвел зал глазами. «Не мог же аппарат сам опрокинуться и исчезнуть... Неужели похищен?» — размышлял я, присев на корточки и подбирая с полу

какие-то винтики и гаечки, вероятно, забытые мной на крышке таинственно исчезнувшего аппарата.

— Кто-нибудь здесь есть? — громко крикнул я, выбежав в коридор.

Впереди послышался чей-то говор; я бросился туда. За первым поворотом коридора я отчетливо расслышал голос «репродуцированного Бирминга»:

«В наши дни много говорят о войне...»

Я стал громко звать Нилла. Никто не откликался. И только уже почти дойдя до лестницы, я сообразил, что нужно немедленно объявить тревогу, вызвать по радиотелефону охрану. Но осуществить свое намерение я не успел: в следующий миг кто-то сзади нанес мне сильный удар по голове и я рухнул на пол, потеряв сознание.

Очнувшись, я не сразу сообразил, что со мной и где я. Вокруг крошечная тьма. И только через несколько секунд память начала восстанавливать подробности случившегося. Я взглянул на часы. Фосфоресцирующие стрелки показывали девять часов. Значит, я пролежал без сознания целых два часа!

К счастью, удар только оглушил меня. Поднявшись, я некоторое время стоял в нерешительности, не зная, что предпринять: то ли бежать на место происшествия и еще раз удостовериться во всем, то ли поднять на ноги охрану? Последнее казалось наиболее целесообразным, но сначала я решил еще раз позвонить Ниллу. Он по-прежнему не отвечал.

«Что же с ним случилось?» Я соединился с проходной.

— Добрый вечер. Говорит Бирминг. Вы не помните, когда ушел господин Керсен?

— Господин Керсен? — изумленно переспросил вахтер. — Но ведь господин Керсен вышел вместе с вами, господин профессор, около шести часов вечера.

— Вместе со мной? — Теперь наступила моя очередь изумляться. — Да, да... Извините, пожалуйста... я сегодня немного рассеян. Действительно, мы вместе с ним ушли... но потом я вернулся, забыл кое-что в лаборатории. Совсем было запамятовал...

— Разве господин профессор до сих пор в лаборатории?

— Разумеется.

— Вам звонила из театра госпожа Лиан. Я переключил ее на коммутатор клуба Бэклахэм.

— Клуба Бэклахэм?

— Так точно. Вы же сами, господин профессор, уходя, так распорядились. Помните, вы еще сказали, что к восьми вечера будете там вместе с господином Керсеном.

— Кто сказал? Я?!

— Да, господин профессор, я слышал это из ваших собственных уст.

— Из моих?..

— Не извольте сомневаться, я говорю вам истинную правду.

— Значит, и Керсен ушел в клуб?

— Так точно.

— Благодарю вас. Доброй ночи.

Я попытался собраться с мыслями. Итак, моя телеустановка продолжала действовать даже за пределами студии. Иначе дежурный

вахтер не мог бы «меня» видеть. Выходит, меня оглушил Нилл и он же похитил мой аппарат! Правда, в глубине души я пытался отбросить это нелепое подозрение. Но, увы, факты свидетельствовали явно не в пользу Нилла.

Поскольку я находился на государственной службе, на мне лежала вся ответственность за случившееся, тем более, что речь шла об изобретении особой важности. Тревога за судьбу открытия усугублялась негодованием на обидчика. Но еще больше меня взволновала внезапная догадка... Именно она и побудила меня в первый момент воздержаться от того, чтобы поднять тревогу и вызвать охрану.

Я решил пока ничего не предпринимать и прежде всего связаться с клубом Бэклахэм.

Знакомый приветливый голосок Дотти Скотт, заведующей секретариатом клуба, прервал меня на полуслове:

— Хелло, господин профессор! Что же вы бросили своего помощника?

Я остолбенел.

— Бедняга Керсен, его со всех сторон атаковали члены клуба. Он мужественно защищал вас, но его засыпали градом вопросов.

«Что же получается: Керсен в клубе... И защищает меня?!»

— Что там происходит, в клубе?

— О, значит, господин профессор не в курсе, вам даже не известно, какую оживленную дискуссию вызвала ваша лекция?

«О чем она? Неужели я перестал соображать? Выходит, после того удара по голове у меня помутился разум?» (Впоследствии в своих интервью корреспондентам и в беседах

с журналистами я частенько поддерживал версию о собственном помешательстве.)

— Дотти, заклиная вас господом богом, не шутите со мной!

— Но помилуйте, господин профессор,— Дотти была явно обескуражена,— я вовсе не шучу.

-- Послушайте, значит, Керсен в клубе?

— Конечно, какие тут могут быть сомнения?!

— Дотти, умоляю, задержите его.

— Полагаю,— игриво проговорила разом подобревшая Дотти,— что это не потребует от меня особых усилий.

— Послушайте, Дотти, это очень важно. Задержите его в клубе до моего прихода. Через десять минут постараюсь быть там.

С этими словами я повесил трубку.

Вахтер проходной с нескрываемым изумлением уставился на меня, но, признаться, в тот момент я не придавал этому никакого значения.

— В клуб Бэклахэм! — бросил я шоферу.

Машина свернула на широкую асфальтированную ленту бульварного кольца Бари, окаймленного яркими огнями фонарей и неоновых реклам. Ослепительный свет мигающих огней проникал в машину и то исчезал, то бил прямо в глаза; каждый сноп света, казалось, пронизывал вас насквозь, подобно тревожным мыслям, одолевающим человека.

Как понять все происшедшее? Может, в бессознательном состоянии я и впрямь отправился с Ниллом в клуб и читал там лекцию? А что если это был не я?.. Можно ли допустить, что в результате сильного потрясения я

полностью потерял контроль над собой? Но если принять версию, что я был в клубе, каким же образом я очутился в коридоре, там, где меня сбили сильным ударом по голове? Нет, одно с другим совершенно не вяжется. Уж не схожу ли я с ума? Я стал лихорадочно припоминать труднейшие формулы, имена старинных знакомых, номера телефонов своих коллег и исторические даты, восстанавливать в памяти расплывчатые воспоминания детских лет... Все это мне удалось без особых усилий. Следовательно, совершенно невероятно, чтобы я не помнил событий, происшедших всего каких-нибудь два часа назад, когда «профессор Бирминг» читал свою лекцию в клубе.

Допустим, Нилл искал меня и, не найдя, отвез в клуб телевизионную установку, чтобы в порядке смелого эксперимента использовать ее для воспроизведения моей лекции. Но это слишком дерзкая и поистине «сенсационная» идея! К тому же установка в лучшем случае могла воспроизвести только вступительную часть лекции — ровно столько, сколько я успел передать в студии на ее запоминающее устройство.

Я опустил до отказа стекло автомобиля; в машину ворвался прохладный, чудесный воздух, какой обычно бывает после дождя. Я с жадностью вздохнул полной грудью. Дождь только что перестал. Мостовая сверкала влажным блеском. Казалось, будто неоновые огни реклам насмешливо подмигивают мне, как бы намекая, что кто-то, выдающий себя за профессора Бирминга, свободно разгуливает нынче вечером по улицам города.

Автомобиль свернул в парк, в центре которого высилось здание клуба, и, бесшумно проскользнув между вековыми деревьями, в горделивом безмолвии застывшими вдоль аллеи, резко затормозил у подъезда. Едва я успел войти в роскошный вестибюль с колоннами, как сразу заметил, что атмосфера приветливости и уюта, обычно царящая в клубе, на сей раз чем-то нарушена. Члены клуба, важные господа во фраках, собравшись группами, оживленно беседовали. Кто-то из них, заметив мое появление, обратил на меня внимание остальных. Все как один повернулись в мою сторону.

«Не иначе пялят глаза на мой костюм,— подумал я.— Но не ехать же мне домой переодеться!»

Я обвел взглядом вестибюль, тщетно разыскивая Нилла Керсена. И только было хотел направиться в салон, как внезапно ко мне подскочил какой-то здоровенный детина. Не дав опомниться, он на ходу навел на меня объектив фотоаппарата и, щелкнув затвором, заснял. От удовольствия его широкое, губастое лицо расплылось в неудержимой улыбке. Трудно было представить, что эти растянутые до самых ушей губы способны выговаривать какие-то слова, но, к моему глубокому удивлению, он выпалил:

— Господин профессор! Ваша сегодняшняя лекция произвела фурор!

«И он о «моей лекции»,— промелькнуло у

меня в голове. — Значит, Дотти Скотт ничего не преувеличила?»

— Газета дала мне задание взять у вас интервью. Чем вы руководствовались, утверждая...

Однако репортеру не удалось закончить фразу. Его оттеснили сбежавшиеся со всех сторон корреспонденты других газет.

Я вконец растерялся. Мне во что бы то ни стало нужно отыскать Нилла, а тут приходится давать интервью по поводу «моего» выступления!

Журналисты, перебивая друг друга, забросали меня вопросами. Поднялась невообразимая сумятица. Нечленораздельные крики и обрывки фраз слились в форменную какофонию. Лишь на какое-то мгновение, подобно вспышкам магния, мое сознание пронизывали бессвязные слова, отдельные скороговоркой произнесенные фразы:

— Интерв...

— Вы сказали...

— Значит, по-вашему, война...

— Как вы понима...

В этот миг, глядя поверх толпы, я вдруг увидел Нилла Керсена и Дотти Скотт. Они медленно спускались по широкой лестнице, ведущей в салон, и, улыбаясь друг другу, спокойно беседовали. Нилл предложил Дотти сигарету и предупредительно чиркнул спичкой.

Назойливость репортеров вывела меня из терпения. Воспользовавшись короткой паузой и стремясь избавиться от них, я необдуманно выпалил:

— И не спрашивайте! Я сам ничего не знаю, ровным счетом ничего!

Эти слова как громом поразили всех. На лицах озадаченных репортеров появилось выражение крайнего изумления. Видимо, я переборщил. Пожалуй, раз уж выступление приписывалось профессору Бирмингу, следовало взять всю ответственность на себя.

Пытаясь как-то поправить дело, пока еще не поздно, я примирительно произнес:

— Лекция как лекция. Ничего особенного.

Словом, чего уж тут скрывать, «интервью» оказалось маловразумительным. Но так не хотелось, чтобы газетчики подняли шум вокруг всей этой загадочной истории!

Пока корреспонденты с лихорадочной быстротой что-то записывали в свои блокноты (любопытно, что именно они строчили?), я пробился сквозь толпу навстречу Дотти и Ниллу.

Лицо Нилла не отражало ни малейших следов угрызения совести или смущения. Он направлялся ко мне со своей обычной приветливой, несколько сдержанной улыбкой. Выражение его лица хранило еще следы нежности, оставленные интимной беседой с Дотти. Беглого взгляда на него было достаточно, чтобы полностью отмести подозрение в похищении аппарата, а тем более в покушении на мою персону! Уж если бы он действительно завладел моим изобретением, то постарался бы давно скрыться и, во всяком случае, не появился бы в клуб. А что, если... И прежняя догадка с новой силой вспыхнула в моей памяти. Нет, нет, об этом даже подумать страшно... Мне было бы во сто крат легче, если бы преступление совершил именно Нилл!

Нужно немедленно переговорить с ним с глазу на глаз. Но Дотти встретила меня такой очаровательной улыбкой, что просто духу не хватило оставить ее в одиночестве. Пришлось на некоторое время отложить объяснение с Ниллом.

— Дорогой профессор, Нилл в восторге от вашей лекции!

— О, милая Дотти, у меня не меньше оснований быть в восторге от Нилла.

При этих словах я метнул подозрительный взгляд в его сторону, но лицо молодого человека сияло безмятежной радостью.

— Где же госпожа Лиан? Почему ее нет с вами? — поинтересовалась Дотти.

— А разве она была здесь?

Дотти и Нилл уставились на меня. К счастью, я вспомнил свой разговор с вахтером и просьбу мнимого Бирминга, чтобы Лиан позвала ему в клуб. «Так значит, Лиан приехала прямо сюда. — На какой-то миг я закрыл глаза, чтобы скрыть охватившее меня смущение, и попытался овладеть собой. — И мой теледвойник встретился с ней!..»

— Извините, Дотти, но мне крайне необходимо переговорить с Ниллом с глазу на глаз.

Кажется, девушка и сама догадалась, что произошло что-то необычное.

— Может, вам лучше подняться наверх, в малую гостиную, — предложила она с несвойственной ей робостью, неуверенным жестом откинув со лба прядь белокурых волос.

— Зайду за тобой, как только освобожусь, — бросил Нилл.

Десятки любопытных взглядов провожали нас до самой двери гостиной.

Нилл заговорил первым:

— Господин профессор, я даже представить себе не мог возможности столь быстрой эволюции.

— ??

— Я имею в виду эволюцию ваших взглядов.

— Моих взглядов?

Нилл явно растерялся, не зная, как реагировать на эти вопросы. С трудом поборов робость, он пытался продолжить прерванную мысль:

— Вашу позицию по вопросу о войне... словом, вы прекрасно понимаете, господин профессор, о чем я говорю...

— Да, да, разумеется, продолжайте, пожалуйста.

— Конечно, вы наживете немало врагов, но я полагаю... нет, пожалуй, это не то слово... я абсолютно уверен, что...

— Нилл, — перебил я, — напомните, пожалуйста, что именно я говорил сегодня вечером о войне?

С этими словами мы вошли в гостиную.

Сквозь плотно обитую дверь не проникало ни малейшего звука. Мягкие, удобные кресла располагали к откровенной, доверительной беседе. Но нам, видимо, не доставало полного взаимопонимания. Разговор не клеился.

Мне не раз доводилось беседовать с Керсеном на самые различные темы. Нилл всегда был со мной откровенен и порой высказывал такие суждения, которые, доведись их слышать

кому-нибудь из начальства, могли бы привести к серьезным последствиям. Признаться, воззрения Нилла, по молодости склонного к радикальным, свободолобивым идеям, обычно не приводили меня в особый восторг. На сей раз я и подавно не испытывал ни малейшего желания вступать в дискуссию по этому поводу.

Мой последний вопрос так поразил Нилла, что он долго не мог прийти в себя.

— А разве вы, господин профессор, забыли...

— Представьте, Нилл,— прервал я его,— решительно ничего не помню. Но зачем же вы то притворяетесь, будто обо всем забыли?

— Помилуйте, господин профессор...

— Не перебивайте. Дайте мне кончить. Что вы натворили? Отвечайте, где телевизионная установка и что с ней стало?!

Огорошенный Нилл от изумления совершенно лишился дара речи.

— Вы имеете в виду батареи, господин профессор? — запинаясь, выдавил он.

— Нет! Я говорю о моей телевизионной установке!

— Но ведь я уже докладывал вам, господин профессор...

— Когда и кому докладывали?

Нилл побледнел.

— Господин профессор, я вас решительно не понимаю.

— Вы отлично понимаете, о чем идет речь.

— Когда мы вместе с вами вышли из лаборатории, я подробно рассказал вам об обнаруженном дефекте в батарее...

— Погодите. Я же вам сказал, что ничего не помню. Когда вы рассказывали?

— Когда мы вышли из «Дворца».

Я невольно подался вперед. Видимо, в эту минуту у меня был столь угрожающий вид, что Нилл инстинктивно отпрянул назад.

— Имейте в виду, Нилл, все, что вы сейчас говорите, чрезвычайно важно!

— Но, бога ради, что произошло? Скажите же наконец! Умоляю вас...

— Это вы должны обо всем откровенно рассказать! Выкладывайте, что произошло после того, как вы поднялись в лабораторию проверить батареи.

Нилл нерешительно переминался с ноги на ногу.

— Ну, говорите же.

— Только я собрался доложить вам об обнаруженном дефекте...

— Дальше.

— ...Как вы вошли в студию.

— А потом?

— Но ведь, господин профессор...

— Что было потом, я вас спрашиваю?!

— Потом мы отправились в клуб. По дороге я подробно рассказал вам о неисправности...

— Вы не заметили во мне ничего особенного?

— Тогда еще нет.

— Так. Значит, позже все-таки заметили. И когда же? — Нилл покраснел.

— Не стесняйтесь. Тут не до церемоний!

— Если начистоту, — только сейчас, господин профессор.

Сколько раз мне приходилось впоследствии вспоминать об этой беседе!

Нилл в эту минуту был серьезен как никогда, и все-таки я его одернул:

— К черту ваши шутки! Мне сейчас не до них!

Нилл промолчал. Мне вдруг стало жаль его. Я подумал, не проще ли сказать ему прямо: «Нилл, «репродуцированный Бирминг» исчез. Его кто-то похитил. Я подозреваю вас. Что вы можете на это сказать?» Однако какой-то внутренний голос предостерегал меня от этого шага: «Не раскрывай всего Ниллу, ведь если окажется, что твой двойник вовсе не похищен...»

— Нилл, поймите: все, что произошло за последние несколько часов, совершенно изгладилось из моей памяти. Очевидно, я совершил нечто такое, за что теперь должен нести ответственность. Поэтому мне необходимо знать все до мельчайших подробностей — что я говорил и что делал.

— Не хотите ли вы этим сказать, господин профессор, что прочли свою лекцию в невменяемом состоянии?

— Вот именно, Нилл. Продолжайте.

Да, признаться, у Нилла было куда больше оснований отнестись ко мне с неподдельным состраданием. Он испуганно смотрел на меня. Что ж, винить его нельзя, внешне мое поведение не оставляло никаких сомнений в том, что Ниллу приходится иметь дело с умалишенным.

— Господин профессор... Может быть, вы все-таки объясните, что с вами происходит? — с трудом выговорил он.

— Сколько же можно повторять, Нилл: вопросы задаю я, ваше дело отвечать на них!

— Хорошо, хорошо. Так вот, господин про-

фессор, вы рассказывали о своей юности. Говорили, что люди должны постоянно дерзать, добиваться осуществления своей сокровенной мечты.

— Дальше.

— А потом призывали меня хранить верность идеалам и не соглашаться ни на какие компромиссы.

— Словом, я подстрекал вас к бунту?

— Такого слова произнесено не было, господин профессор, вы лишь сказали, что наука должна способствовать не только техническому, но и общественному прогрессу.

— Как же вы реагировали на это?

— Я был бесконечно счастлив; признаться, для меня явилось полной неожиданностью, что господин профессор столь последовательно разделяет мои взгляды.

— Гм, интересно! Дальше, Нилл, постарайтесь вспомнить все как можно точнее. И что же, мы шли пешком?

— Господину профессору захотелось прогуляться после дождя. Мы решили пройти по Национальному парку, но затем господин профессор вспомнил, что ему необходимо переодеться.

— Ах, переодеться?

— Да, к лекции.

По мере того как я убеждался в искренности Нилла, во мне нарастало ощущение неотвратимой беды, такое чувство, словно я проваливаюсь в бездонную пропасть. Все мое существо безжалостно сжимали какие-то чудовищные тиски...

— Интересно, где же я переоделся?

- Разумеется, у себя дома.
- На проспекте Крети?
- Да, на вилле.
- Вы проводили меня прямо домой?
- Да.
- А как мы добрались туда?
- Помнится, вы, господин профессор, сказали, что не прочь хоть разок попробовать, как ездят простые смертные...
- Простые смертные?
- Да.
- Стало быть, мы поехали на автобусе?
- Нет, в метро.
- А потом?
- Вы переоделись, а затем мы направились сюда, в клуб.

Мой мозг работал с молниеносной быстротой, и вместе с тем казалось, что в голове не рождается ни одной сколько-нибудь разумной мысли. Так что же, выходит, мой теледвойник является ко мне домой и ведет себя там, как хозяин? В таком случае напасть на его след и задержать несложно. Но насколько все это вероятно? Уму непостижимо...

- Как мы добирались сюда?
- На машине господина профессора.
- Какой именно?
- На синем «Беккере».
- И вы утверждаете, что в клубе я выступил с докладом?
- Разумеется!
- Ну, а потом?
- Незадолго до вашего выступления позвонила госпожа Лиан.
- Не тяните, Нилл.

— Вскоре она приехала сюда; очевидно, вы пригласили ее. После доклада вы вместе с ней сели в машину.

— Куда мы отправились?

— Вы не сказали.

— А с вами мы о чем-нибудь условились?

— Нет. Впрочем, договорились, что завтра утром продолжим эксперименты.

— Где именно?

— В нашей студии, во «Дворце».

— Там, где находился «репродуцированный Бирминг»?

— Да. Дело в том, что тот же дефект может обнаружиться в любой другой батарее...

— В чем же, собственно, заключается этот дефект?

— Происходит самопроизвольный контакт ступени бета-батареи с зоной гамма-лучей и в результате — короткое замыкание. При незначительном изменении конструкции этот недостаток легко устранить.

— Согласен.

Нилл вопросительно взглянул на меня, как бы ожидая дальнейших объяснений.

— Нилл, как вы собираетесь провести остаток вечера и ночь?

— Часов до 12 пробуду с Дотти в клубе, потом поеду домой.

— Минутку, Нилл. Мне хотелось бы удостовериться, действительно ли все было так, как вы говорили. Не откажите в любезности позвонить ко мне на виллу, на проспект Крети. Выясните, пожалуйста, когда я ушел из дому. Трубку сразу же передайте мне: я хочу сам услышать ответ.

Бедняга Нилл, какое же испытание выпало на его долю в этот злополучный вечер! Дрожащей рукой он набрал номер.

К телефону подошел Давид, мой слуга.

— Добрый вечер! Говорят из клуба Бэклахэм, попросите, пожалуйста, профессора Бирминга... Уехал? Когда? Без четверти восемь? Благодарю вас.

Я отчетливо слышал ответы.

— Вам нездоровится, профессор?

Признаться, вся эта комедия мне изрядно надоела, но иначе не удалось бы выудить у Нилла ни единого слова о похождениях мнимого Бирминга. Интуитивно я чувствовал, что по-прежнему должен хранить в строжайшей тайне этот из ряда вон выходящий случай. Волей-неволей приходилось продолжать спектакль.

— Да, Нилл. Прескверно себя чувствую.

— Что-нибудь случилось?

— Длинная история. Как-нибудь в другой раз.

— Могу ли я чем-либо вам помочь?

— Да, да, безусловно.

— К вашим услугам.— Нилл церемонно поклонился.

— Пока прошу вас об одном: постарайтесь задержаться в клубе до полуночи, как намечали, а в полночь отправляйтесь домой. Ночью я вам позвоню, возможно даже не один раз.

— А не лучше ли проводить вас домой и остаться с вами на ночь?

— Благодарю вас, Нилл, этого не нужно. И, предупреждаю, поступайте, как договорились. Это в ваших же интересах.

У меня даже мелькнула мысль, не лучше ли позвонить в полицию и недолго думая посадить Нилла за решетку, обвинив его в похищении «репродуцированного Бирминга». Однако я тут же отверг эту мысль. Ясно, что Нилл говорил чистую правду. Это подтвердил и Давид, мой слуга. Но, с другой стороны, не могу же я рисковать и допустить, чтобы все случившееся было предано гласности. К тому же сейчас невозможно предугадать, к каким последствиям приведет это происшествие. В течение этой ночи я должен убедиться, действительно ли мой двойник обрел самостоятельное существование или тут замешан Нилл. Если вопреки нашей договоренности Нилл сбежит, его виновность будет доказана, и тогда придется поднять на ноги полицию.

Провожаемый тревожным взглядом Нилла, я вышел из клуба, преисполненный решимости найти и обезвредить искусственно созданного профессора Бирминга. Уже в тот момент у меня не оставалось сомнения, что в результате моего недосмотра биокамеры случайно были включены.

3

Микланс Трибюн

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В КЛУБЕ БЭКЛАХЭМ
ПРОФЕССОР БИРМИНГ ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ НАШЕГО
ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Сегодня вечером в клубе Бэклахэм профессор Бирминг выступил с лекцией «Наука и будущее человечества», которую ожидали с огромным нетерпе-

нием. В переполненном до отказа конференц-зале клуба можно было встретить наиболее знатных особ и выдающихся деятелей нашей столицы, приехавших на выступление всемирно известного ученого. Среди собравшихся был Моресс К. Эррестон, вице-председатель сената, с супругой. На госпоже Эррестон было вечернее платье из фосфоресцирующего материала, которое произвело колоссальное впечатление на присутствующих. Если смотреть на него с разных сторон, оно приобретает не только самые различные оттенки, переливаясь яркими красками, но и совершенно новый покррой и фасон. Однако наибольшую сенсацию произвело выступление профессора Бирминга. Обычно лояльный, неизменно здравомыслящий ученый, далекий от политики и широко известный своей гуманностью, человек независимых суждений, что не позволяло ему примкнуть ни к одной политической партии, на сей раз пренебрег своими принципами и допустил крайне резкие выпады в адрес общественного строя Миклана.

Вот что заявил Бирминг: «В наши дни много говорят о войне. В решении вопроса — быть или не быть войне — многое зависит от науки. Ученые не имеют права оставаться в стороне от борьбы народов за упрочение мира, они обязаны открыто выступать перед широкой общественностью. Необходимо разъяснять людям, что противоречия и столкновения интересов, противопоставление друг другу различных индивидуумов, групп, народов и стран происходят отнюдь не из самой природы человека, они ей вовсе не присущи...

Нам, деятелям науки, надлежит выполнить благородную миссию: нести правду в народ, если мы хотим оправдать высокое звание ученого. Наука всегда активна в борьбе за прогресс, и мы должны неустан-

но проявлять эту активность! Мы обязаны создать общество, которое зиждется на признании общности интересов всего человечества. В наши дни величайшее благо человечества — прочный мир. Но решение вопроса о войне и мире не должно быть привилегией отдельных лиц. Иначе говоря, право решать столь жизненно важные для народов вопросы не может быть узурпировано отдельными личностями, подобно тому как они распоряжаются своей частной собственностью. Господству частной собственности приходит конец!»

Слова профессора Бирминга буквально ошеломили собравшихся. Они встретили речь ученого громовым молчанием (если не считать жидких аплодисментов отдельных почитателей). Однако атмосфера в зале постепенно накалялась и достигла апогея, когда слушатели начали задавать вопросы лектору.

— Вы что, стали красным? — в упор спросил известный банкир Хиггенс.

Профессор Бирминг, насупив брови, некоторое время обдумывал ответ, затем возразил с иронией:

— Вы столь бесцеремонно подчеркнули свое презрение, господин банкир, словно сомневаетесь, имеется ли у меня вклад в банке. Смею вас заверить, имеется, но только не в вашем. Надеюсь, вы удовлетворены?

Ответ Бирминга вызвал в зале ропот неодобрения.

Дж. Акхим, глава правительства штата Среднего Миклана, спросил:

— Значит ли ваше выступление, профессор, что вы сторонник общества, созданного по принципу коллективизма?

— Я сторонник любой разумной идеи! — парировал ученый.

Ответив еще на несколько вопросов, профессор Бирминг неожиданно заявил, что в настоящий момент он не располагает временем и на остальные вопросы охотно ответит в следующий раз.

Столь бесцеремонный уход только подлил масла в огонь. Наш специальный корреспондент обратился к некоторым общественным деятелям, присутствовавшим на лекции, с просьбой высказать свое мнение по поводу этого беспрецедентного выступления. Приводим выдержки из их ответов:

С. Редди (директор Юго-Восточной нефтяной компании): «По-моему, профессор Бирминг стремится поразить нас политическими сенсациями, поскольку он уже не способен удивить мир научными открытиями. Не думаю, чтобы его откровения следовало принимать всерьез».

Г. Рихардс (председатель сенатской комиссии по делам просвещения, профессор университета): «Я давно знаю коллегу Денни Бирминга и считаю его талантливым ученым. У него, безусловно, выдающиеся способности. Но вряд ли я кого-нибудь удивлю, если скажу, что он не политик. Профессор Бирминг — гуманист. Я мог бы привести его же собственные слова из только что прочитанной лекции «Наука и будущее человечества» (цитирует на память): «Никому не дано права говорить от имени всего человечества, ибо каждый человек — это всего лишь отдельный индивидуум. Поэтому выступать от имени всего человечества означает, по существу, не более как говорить от имени отдельной личности, отдельного индивидуума. Любая концепция, исходящая из принципа коллективизма, таит в себе серьезную угрозу личности. Допустима лишь одного рода общественная идея: такая договоренность между людьми, в соответствии с которой они перестанут навязывать друг другу свои идеи и

свою волю». Сегодняшнее выступление профессора Бирминга находится в вопиющем противоречии со взглядами, которых он придерживался до сего времени, и мне кажется, оно объясняется политической неискрушенностью моего ученого коллеги».

Сообщение, полученное после того, как приведенный выше материал был уже сверстан:

БИРМИНГ ИДЕТ НА ПОПЯТНУЮ!

Примерно через час после своего внезапного ухода профессор Бирминг вновь появился в клубе Бэк-лахэм. Одетый в свой обычный рабочий костюм, он выглядел явно смущенным и даже встревоженным. Пытаясь вначале уклониться от ответов на многочисленные вопросы журналистов, Бирминг вынужден был все же заявить: «И не спрашивайте! Я сам ничего не знаю!» И добавил, уже более примирительным тоном: «Лекция как лекция. Ничего особенного». Не означает ли это замечание, что профессор Бирминг выступал с лекцией в состоянии аффекта?»

4

Восстанавливая сейчас события того памятного вечера, я должен со всей объективностью признать, что и впрямь производил впечатление невменяемого. Суди сам, читатель: может ли человек в здравом уме доискиваться истины, интересуясь тем, что он сам сделал или сказал и куда направился. Но не мог же я признать, что тот Бирминг — это вовсе не я. Вот и пришлось мне взять на себя столь неблаго-

видную роль и играть ее до конца. Я пустился по следу своего «двойника» в надежде помешать ему натворить таких дел, которые мне, истинному Бирмингу, грозили непредвиденными последствиями.

Когда я пришел к Лиан, та удивилась не меньше Нилла, но затем успокоилась, решив, что я несколько поглупел от радости по поводу столь выдающегося научного открытия.

— Хелло, профессор! Ведь вы собирались спать? — шутливо встретила она мое появление.

— С чего вы взяли, дорогая?

— А разве не вы сами недавно заявили мне, что после всех треволнений непременно должны отдохнуть?

— Отдохнуть? Где?

Лиан бросила на меня насмешливо-удивленный взгляд:

— Разумеется, у себя дома!

— Да, да! Вы правы... Простите за столь поздний визит... Столько волнений! Мне действительно пора домой.

— Дорогой профессор, не собираетесь ли вы раскачиваться, как маятник, между проспектом Крети и моим домом?

— Не шутите, Лиан, на мою долю нынче выпало столько всего...

— Я по крайней мере знаю лишь о ваших поразительных экспериментах. Вы с таким жаром рассказывали о них!

— Разве? — недоуменно переспросил я.

В темных глазах Лиан вспыхнула тревога.

— Я велю приготовить крепкий кофе, хорошо?

И она потянулась было к звонку, но я ее отстранил. Прикоснувшись к ее руке, я почувствовал, как дрожат мои пальцы.

— Прошу вас, Лиан, расскажите все по порядку.

— О чем, мой дорогой?

— О каких экспериментах я рассказывал?

— Помнится, вы говорили, что человечество обогатилось эпохальным открытием — колоссальным достижением современной цивилизации, способным ускорить прогресс, придать ему невиданный размах... Но, бога ради, чем вы так встревожены?

— Лиан, мне грозит непоправимая беда.

— Уж не присвоил ли кто-нибудь ваше изобретение?

— Гораздо хуже. Главное, я сам во всем виноват. Но прошу вас, продолжайте.

Поднявшись со стула, Лиан принялась порывисто ходить по комнате. Пушистый ковер полностью поглощал звук ее шагов, и это еще больше раздражало меня, усугубляя и без того тягостное молчание. Я заранее знал, о чем она станет спрашивать, и прекрасно понимал, что лучше всего самому откровенно признаться во всем. Может быть, нам вдвоем и удалось бы найти выход из создавшегося положения. Но так не хотелось впутывать Лиан в эту историю: ведь тот, кого посвящают в тайну криминального дела, невольно становится соучастником преступления.

— Денни, почему бы нам не поговорить начистоту? — Слова Лиан прозвучали вдруг необычайно торжественно. На какое-то мгновение мне даже показалось, будто она нахо-

дится на сцене. Мой же голос звучал глухо, как у охрипшего суфлера.

— Лиан, прошу вас, будьте снисходительны. Для меня все это очень важно, все, до мельчайших подробностей. Что еще я говорил вам о своем изобретении?

Приходилось все время контролировать себя, чтобы не проговориться о мнимом Бирминге, не назвать его в третьем лице, иначе говоря, взять на себя все, что бы он ни натворил и ни наговорил. Довольно курьезный случай проявления солидарности!

Лиан как-то сразу сникла. Замолчав, она села, лицо ее вдруг стало грустным.

— Вы, Денни, не только крупный ученый, но и талантливый актер. У вас необычайный дар перевоплощения и умение с поразительной быстротой менять свое настроение... Еще так недавно вы сидели здесь, окрыленный победой, а теперь... Что же могло произойти за столь короткий срок?

— Со временем узнаете. А теперь расскажите же, наконец, что я говорил вам о своем открытии?

— Денни, почему вас это так волнует? Не понимаю, какая опасность может вам грозить? Перестаньте вести допрос. Ведь вы вернулись, чтобы разделить со мной свою радость, не так ли?

Теперь пришла моя очередь шагать из угла в угол. Мне во что бы то ни стало нужно выяснить, что известно тому, другому Бирмингу, о моем изобретении. Но как это сделать, чтобы не вызвать подозрения Лиан?

— Лиан, дорогая, вы знаете меня давно... И, наверное, лучше, чем любую свою роль.

— Вы, профессор, для меня непостижимы, вы сложнее самой трудной роли.

— Лиан, я рассказывал, в чем суть моего изобретения?

— Из ваших восторженных слов я могла лишь понять, что речь идет о чем-то выдающемся, грандиозном, доселе невиданном... Но чем же вызваны ваши опасения?

— А о принципе работы установки я тоже говорил?

— Вы утверждали, что телевидение стоит на пороге величайшей технической революции, которая, несомненно, произведет колоссальный переворот в жизни всего человечества. Но как же тогда понять ваши слова, что вы сами во всем виноваты?

— А так, что я поделился своим открытием с одним человеком и тот присвоил его и всю техническую документацию в придачу.

— Кто же это?

— Я сам, Лиан.

По выражению ее лица было видно, что я совершил новый промах. К счастью, Лиан поспешила мне на выручку, бросив, как утопающему, спасательный круг. Она мягко спросила:

— Денни, ты очень боишься, что твое открытие могут использовать совершенно в иных целях?

Мы говорили друг другу «ты» только в самые интимные минуты.

— Да, да, Лиан.

— Но если тебя это так пугает, ты ведь не допустишь, чтобы дело приняло такой оборот...

— Ох, дорогая, порой не все от нас зависит.

— Тогда до поры до времени ты должен сохранить все в тайне!

О, скольких усилий стоило мне, чтобы удержаться и не воскликнуть: в том-то все и дело, что сейчас это уже невозможно; мой теледвойник, то есть я сам и в то же время не я, прикрывается моим именем! Он знает все, что известно мне самому, приходит ко мне на квартиру, как к себе домой, словом, настоящий Денни Бирминг! И он ни за что не отвечает, за все в ответе я. При этой мысли я содрогнулся: что же, выходит, он волен делать все, что ему взбредет в голову, как ничем и никем не ограничиваемый в своих поступках индивидуум! В его власти опозорить, дискредитировать меня, ни в чем со мной не считаться...

— Теперь ты понимаешь, Лиан, что я совершенно выбит из колеи? Вспомни, не приводил ли я сегодня каких-нибудь технических данных и не объяснял ли принцип устройства аппарата? Не говорил, в чем именно заключается само открытие?

— Ты мне не веришь, Денни? Неужели ты всерьез думаешь, что я способна предать тебя?...

— Побойся бога, дорогая, мне надо лишь собраться с мыслями.

— Ты утверждал, Денни, что говоришь мне то, что позволяешь сказать лишь самому себе,— медленно произнесла Лиан.

Наши взгляды встретились... «Самому себе?» Это меня ничуть не удивило. После всего случившегося такая фраза вполне объяснима и закономерна для моего двойника. Но любо-

пытно, какое же значение приобретали мои действия или слова именно теперь, когда они совершались или произносились не мной самим...

— Так оно и есть, Лиан. Ну, и дальше?

— ...что доверяешь мне больше, чем самому себе.

Как же может доверять самому себе тот, кто, в сущности, вовсе и не является самим собой?!

— Лиан, все это верно... Но я, вероятно, наговорил кучу нелепостей. В том состоянии, в каком я был... Вряд ли у тебя сложилось ясное представление обо всем.

— Денни, ведь я никогда даже и не пыталась просить, чтобы ты посвящал меня в свои дела больше, чем ты сам сочтешь нужным.

— Но я и без того не таил, что было у меня на душе. Правда?

— Да, Денни. Ты говорил чудесные слова...

— Ты помнишь их?

— Разве такое можно забыть? Ты говорил, Денни, что однажды уже испытал горечь разочарования и даже не представлял, что после Люси способен еще раз полюбить кого-то на всю жизнь... Да и сама жизнь представлялась тебе мгновенной вспышкой пламени, вслед за которой наступает тление и угасание... Но потом ты понял, что ничто не вечно под луной, все проходит, даже чувство - разочарования. Денни, дорогой, я напоминаю тебе это потому, что, мне кажется, ты снова стал прежним: пытливым, полным сомнений, мудрым! Вспомни, не так давно ты утверждал, что мудрость — это вера во что-то.

— Я так сказал?

— Да, да, Денни, и не делай вид, будто ты все забыл. Ведь все это было так недавно.

Бедняжка Лиан! Она догадывалась, что я скрываю от нее что-то. Она многое отдала бы за то, чтобы вновь видеть меня таким, каким видела того, другого Бирминга, по ее словам, «так недавно».

— Прошу тебя, дорогая, продолжай.

— Хорошо, продолжу, если это действительно поможет тебе собраться с мыслями. Ты сказал, что своим открытием обязан этой вере, поскольку работа — это не бегство от жизни; созидательный труд — это сама жизнь, в светлые начала которой человек должен верить...

Нас прервал телефонный звонок. Лиан взяла трубку. По обрывкам слов я мог догадаться, что спрашивают меня. Лиан действительно передала трубку мне. И хотя голос на другом конце провода перешел почти в шепот, я узнал его сразу: то был мой собственный голос.

— Говорит Денни Бирминг, — раздался приглушенный шепот. — Вы профессор Бирминг?

— Да. Слушаю вас. — Эти слова — о ужас! — я произнес так же приглушенно, как тот, другой «Бирминг»...

— Никто, кроме вас, меня не слышит?

— Нет, я держу трубку у самого уха, — ответил я, удивляясь не столько его словам, сколько тому, что я еще в состоянии произносить нечто членораздельное.

— Пусть вас не раздражает мой шепот, — продолжал голос на другом конце провода, — я нарочно говорю так тихо, чтобы не вызвать подозрение у Лиан. Мне хотелось бы поставить

вас в известность, что я взял пару ваших костюмов, а также прихватил несколько незаполненных бланков из чековой книжки. Не обессудьте за эти самочинные действия. Таким уж вы меня сконструировали, я вынужден позаботиться о том, чтобы быть респектабельным. И еще одна просьба: не пытайтесь преследовать меня. Когда понадобится, я сам явлюсь к вам.

— Откуда вы говорите? — вырвалось у меня.

— С проспекта Крети, разумеется. Вы уверены, что, кроме вас, меня никто не слышит?

— Вполне, — ответил я.

— В таком случае до свидания, профессор! Желаю вам всего наилучшего. Мне пора.

Едва слышный щелчок возвестил, что нас развели.

— Кто это? — спросила Лиан.

— Один знакомый, — ответил я с напускным спокойствием.

3

Вряд ли стоит подробно останавливаться на том впечатлении, которое производило мое поведение на всех окружающих. Поставьте себя только на минутку на место моего слуги Давида, которому приходилось отвечать на такие вопросы: «Напомните, Давид, куда я должен идти?» или «Я вам случайно не говорил, когда вернусь домой?» Выяснялось, что «я» ни о чем не говорил, однако опустошения в гардеробе и чековой книжке, хранившейся в ящике письменного стола, произвел действительно немалые.

Совершенно ясно, что нужно было как можно скорее напасть на след «телечеловека». В полном отчаянии я носился по этажам, обшаривая все помещения, углы и закоулки. Однако «репродуцированный Бирминг» не оставил ни малейших следов пребывания в моем доме. Уже совсем потеряв было всякую надежду, я вдруг обнаружил на журнальном столике в своем кабинете лист бумаги, исписанный моим почерком. Пробежав глазами записку, я убедился, что никогда не писал ее. В ней наспех, лаконичным стилем было написано буквально следующее: «2 октября 1968 года. После многочисленных экспериментов благодаря счастливой случайности изыскания неожиданно увенчались успехом. Я оживлен! Жизнь прекрасна! Я буду бороться! Завтра конгресс. Тра-та-та-та! Призывно трубите, горны!»

В полном изнеможении я опустился в кресло. Но тут же, спохватившись, вскочил и стремглав бросился вниз по лестнице, сопровождаемый недоумевающим взглядом Давида. Усевшись в машину, я на предельной скорости помчался в лабораторию и решил не покидать «Дворца стереоскопического эффекта», пока не докопаюсь до сути дела.

Машина послушно свернула на авеню Бари. Несмотря на поздний час, по улицам разгуливали шумные толпы людей. Яркие рекламные огни манили ночных гуляк, суля им неизведанные удовольствия. На мгновение я представил себя в роли случайного посетителя ночного бара, нелепо восседающим на высоком табурете, с которого так беспомощно свисают ноги... Никогда прежде я не впадал в такое безмерно

угнетенное состояние из-за жизненных невзгод, как теперь, когда по воле нелепого случая оказался во власти «человека», который принял мое обличье, воспользовался моей одеждой и все же остался мне совершенно чуждым, даже враждебным, хотя он и приходит в мое жилище, как к себе домой, и, судя по всему, принадлежащие мне вещи считает своим законным достоянием!

Опыты по передаче биоэлектрических токов по телевидению велись уже давно, однако до сих пор результаты были весьма незначительными. Как выразился мой загадочный двойник, «оживление» достигнуто «благодаря счастливой случайности». Что ж, увидим...

Машина въехала в ворота Монсенского научно-исследовательского телецентра. В свете фар засверкали широкие окна лаборатории. Перед стереотелевизионной студией машина, заскрежетав тормозами, остановилась. Из проходной выглянул заспанный вахтер.

Теперь, когда я пишу свои воспоминания, передо мной с новой силой оживают картины той ужасной ночи: снова все кажется дьявольским наваждением, каким-то страшным кошмаром. В тот момент я чувствовал себя совершенно обессиленным.

Скоростной лифт в мгновение ока поднял меня на четырнадцатый этаж. Вот здесь, у лестницы, меня ударили по голове, то бишь «я» сам себя стукнул. А вот и студия, зал стереотелевизионной приемной станции, лаборатория. Здесь хранились все записи с техническими вы-

кладками, формулами, расчетами и описанием изобретения.

Однако на обычном месте записей не оказалось и никаких материалов обнаружить не удалось. Я схватился за телефон:

— Алло! Это квартира Нилла Керсена?

Отозвался сонный, незнакомый мне мужской голос:

— Керсен улетел с профессором Бирмингом.

— Вы не ошибаетесь?

— Я же ясно сказал, улетел с профессором Бирмингом!

— Куда?

— На конгресс.

— На какой конгресс?

— На антивоенный конгресс, в Бодиэн.

— Когда они вылетели?

— Ровно в полночь.

Вот это сюрприз! Но в ту ночь, готовый ко всему, я уже ничему не удивлялся.

Приближался рассвет. Я не стал возвращаться домой и не раздеваясь улегся на диване в комнате отдыха рядом с лабораторией.

6

Из утренних газет я окончательно убедился, что попал в пренеприятный перепплет, из которого не так-то легко выбраться.

С газетными отчетами я ознакомился в несколько необычной обстановке — в Государственном комитете по научным исследованиям, в кабинете министра. Это произошло после того, как мне удалось на время убедить министра, что мои умственные способности находятся,

увы, не в лучшем состоянии, правда, но не зависящим от меня обстоятельствам.

Рано утром раздался телефонный звонок и кто-то весьма вежливо, но не терпящим возражений тоном попросил меня явиться в Комитет по научным исследованиям ровно к двум часам пополудни для консультации с членами правительства по весьма неотложному делу.

Меня ввели в просторный комфортабельный кабинет министра. Однако на сей раз ни широкий кожаный диван, ни глубокие кресла, ни двери, обитые звуконепроницаемой материей, ни окна, занавешенные плотными гардинами, не создали у меня иллюзии уюта и полной изолированности от внешнего мира. Это объяснялось не только тем, что в кабинете, помимо министра, находился незнакомый мне человек, но главным образом тем, что в пристальном взгляде министра мне почудилась какая-то предвзятость, недоброжелательность, почти нескрываемое раздражение. Однако вначале весь разговор проходил в неизменно учтивой форме. При виде меня министр встал, вышел из-за стола и, протягивая руку, произнес:

— Прежде чем представить вас нашему гостю, позвольте от души поздравить вас, уважаемый профессор.

— Простите, господин министр, с чем именно?

Министр широко осклабился, словно норовя выковырнуть языком кусочек мяса, застрявший в зубах.

— Ну, ну, не скромничайте! Разумеется, с величайшим, эпохальным открытием, господин профессор.

Затем, не дав мне произнести ни слова, он представил присутствовавшего в кабинете незнакомца. Мы обменялись рукопожатием. Министр жестом пригласил нас за стол, на котором рядами стояли сверкающие хрустальные бокалы и бутылки виски.

Наполняя бокалы, министр заметил:

— В присутствии представителя сената вы можете быть предельно откровенным.

— Собственно говоря, мне непонятно, что именно хотят от меня услышать...

Внезапно дверь распахнулась, и в кабинет буквально влетел Монсен. Его взъерошенный чуб и громоподобный бас сразу же внесли какую-то разрядку.

— Прошу прощения, господа! Задержался на совещании ревизионной комиссии, отчет, обсуждение финансов... Черт возьми, профессор, ну и кашу вы заварили!

Заметив, что все хранят молчание, как в палате тяжелобольных, Монсен оборвал свою тираду и укоризненно посмотрел на меня.

Министр поднял бокал:

— За ваше изобретение, профессор.

От удивления я только и нашелся, что сказать:

— Откуда вы о нем знаете?

Монсен сдвинул свои мохнатые брови:

— Дорогой Бирминг, в конце концов вы довольно длительное время экспериментируете в нашем телецентре, на наши средства, и я полагаю, что...

— Но достигнутые результаты — это всего лишь фикция.

— Фикция? — Министр сделал большие глаза.

— Разумеется, мы еще далеки от поставленной цели.

— Но разве не вы громогласно заявили о блестящем завершении экспериментов?

— Я?

Все трое уставились на меня. Монсен потирал лоб, остальные, чувствуя неловкость, заерзали в креслах.

Министр поставил бокал.

— Значит, господин профессор, вы опровергаете собственные слова?

— Прежде всего я хотел бы знать, что именно я говорил.

Министр резко повернулся, опрокинув бокал с золотистым напитком.

— Не взыщите, уважаемый профессор, но ваши слова... у нас такое впечатление, что вы, простите, не совсем в своем... словом, вы, вероятно, чрезмерно переутомлены.

— Так оно и есть, — с живостью подхватил я.

— Тут, как я вижу, собирались делить шкуру неубитого медведя? — презрительно бросил незнакомец.

— Прошу вас выражаться яснее, — попросил я.

— Читайте газеты — там сказано достаточно ясно, — заметил министр и, взяв из пачки, лежавшей на письменном столе, свежую газету, сунул ее мне.

Микланс Трибюн

СЕНСАЦИЯ! ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ ВЕКА!

**ПРИ ПОМОЩИ БИОЭЛЕКТРОТЕЛЕВИЗИОННОГО АППАРАТА
МОЖНО РАЗМНОЖАТЬ ЛЮДЕЙ**

Наш специальный корреспондент сообщает из Бодиэна:

После вчерашнего памятного выступления профессора Бирминга в клубе Бэклахэм его появление на Бодиэнском антивоенном конгрессе ни для кого не явилось неожиданностью. По мнению здешних комментаторов, сенсационное сообщение ученого преследовало главным образом одну цель — привлечь к Бодиэну внимание широкой общественности, до сих пор проявлявшей недостаточный интерес к происходящему здесь конгрессу сторонников мира. Надо признаться, эта цель, несомненно, достигнута. Что же способствовало успеху ученого? О чем он говорил? В переполненном до отказа зале заседания конгресса Бирминг подробно рассказал о, пожалуй, величайшем за всю историю цивилизации открытии. Он заявил, в частности (цитируем дословно):

«Современная наука достигла невиданных успехов. Но подобно тому как промышленное производство немыслимо без четкого трудового содружества всего коллектива, так и современный уровень развития науки настоятельно выдвигает задачу рациональной организации всего общества. Без этого его гармоничное развитие невозможно. Более того, в противном случае научные открытия могут привести человечество к гибели.

Теперь позвольте перейти к сущности открытия, которое несправедливо приписывать исключительно

мне одному, ибо его осуществление было бы абсолютно невозможно без использования достижений целого ряда ученых всего мира.

Изобретение основано на следующем принципе. Как с достоверностью установлено наукой, все клетки человеческого организма, все железы, в том числе и железы внутренней секреции, мышечные ткани и т. д., излучают электрические импульсы. Эти сигналы при помощи специальных приборов мы можем улавливать, репродуцировать, транслировать и т. д.

Об использовании биотоков человеческого организма в лечебных целях вы, вероятно, уже слышали. Несколько лет назад проводились успешные опыты по оживлению.

Примерно в то же время была сконструирована искусственная рука, электронное запястье которой управляет движениями пальцев с точностью, не уступающей действию нормальной человеческой руки. Электрический импульс, возникающий в силу нервного возбуждения, вызванного мыслью: «Сделаю такое-то движение рукой», улавливают при помощи электродного браслета, затем этот импульс усиливают, трансформируют, и этот эффект приводит в действие искусственную металлическую руку. На аналогичном принципе основано устройство искусственной ноги, снабженной радиолокационной установкой; такая нога реагирует на любое препятствие, даже на неровность почвы.

С той поры наука и техника шагнули далеко вперед, особенно после того, как были созданы специальные устройства, позволяющие осуществлять дистанционную передачу биотоков от различных органов человека.

Представьте себе нечто подобное стереоскопическому телевизионному аппарату, который вместе со

всеми исключительно сложными компонентами и деталями изготовлен из вещества, состоящего из сверхчувствительных молекул и на ощупь поразительно напоминающего ткань человеческого тела. Это вещество чрезвычайно чувствительно к малейшему воздействию биотоков.

Ферленские исследователи уже с 1939 года успешно работают над созданием искусственных мышц из пластических материалов. На одной из всемирных выставок они экспонировали микроскопическое синтетическое «мышечное волокно», способное поднять и опустить предмет весом два грамма.

Ферленские ученые и инженеры недавно осуществили заветную мечту человека — самому летать по воздуху. Несколько недель назад они демонстрировали в нашей столице людей, снабженных специальными придатками к конечностям. Биотоки центральной нервной системы передают волевой импульс «Я хочу летать» особому устройству — искусственным крыльям, благодаря которым человек может подняться в воздух.

Мышечные волокна, из которых сотканы искусственные крылья, превосходно реагировавшие на импульсы, идущие из мозга, были изготовлены из совершенно нового, никому не известного материала. Этот материал, состоящий из сверхчувствительных молекул, обладает чудесным свойством: под воздействием биотоков, аккумулируемых специальными батареями, размещенными в аппарате, он может принимать форму человеческого тела!

На экране биоэлектронного аппарата появляется изображение человека (разумеется, наше описание весьма условно, ибо экрана мы даже не видим), причем изображение объемное, в натуральную величину. Однако на батарейный приемник из студии переда-

ют не только изображение человека, но и биотоки абсолютно всех органов и систем репродуцируемого человеческого организма: нервной системы, мозга, сердца, мышц и т. д. Вещество из сверхчувствительных молекул, восприняв импульсы биоэлектрических токов, тотчас же начинает функционировать. До тех пор пока «передача» (повторяю, и это выражение также условно, так как в данном случае речь идет о неизмеримо более сложном процессе, нежели обычная телевизионная передача) продолжается, телечеловек, или будем называть его «репродуцированный человек», стоящий перед телевизионной камерой, обладает всеми способностями и особенностями, присущими его «оригиналу», который находится в студии. Это значит, он обладает способностью мыслить, принимать решения, разговаривать, действовать и т. п.».

Заключительные слова знаменитого ученого были встречены с огромным воодушевлением. Делегаты, стоя, восторженно приветствовали эпохальное достижение научной мысли. Когда возгласы одобрения и бурные овации несколько утихли, профессор Бирминг продолжал:

«Это историческое достижение современной науки может послужить на благо всему человечеству. Но не следует забывать, что при определенных обстоятельствах оно может навлечь на него и неисчислимые бедствия. Я подчеркиваю со всей ответственностью, что теледвойник является точной копией человека, с которого он репродуцирован, следовательно, было бы грубейшей ошибкой называть его искусственным человеком. Но, дорогие друзья, вы только вдумайтесь как следует, что это означает: ведь достаточно несколько затормозить репродуцирование биотоков мозга и нервной системы на создаваемых нами людей, как мы получим уродливое существо, лишенное, например,

таких человеческих качеств, как способность трезво мыслить и чувствовать! С помощью подобных «роботов» можно совершать самые чудовищные злодеяния! Поэтому я еще раз повторяю: обладателем столь важного научного открытия может стать только высокоорганизованное, всесторонне и гармонично развитое общество, общество, в котором будет исключена любая возможность злоупотребления этим открытием и использования его во вред человечеству. В противном случае в любой момент мы можем стать свидетелями ужасных трагедий: существа, лишенные способности мыслить и чувствовать, могут совершать самые неслыханные преступления. В то же время, повторяю, это открытие может стать источником небывалого подъема благосостояния и процветания всего человечества. Мы сможем репродуцировать с одного человека сотни, тысячи копий. Если, например, таким образом воспроизвести меня, то я буду обладать тысячами рук и мне станет под силу обратить вспять многоводные реки, превратить безжизненные пустыни в цветущие края или построить небоскребы до самого поднебесья... В одно и то же время я смогу отдыхать где-нибудь на берегу Тихого океана и прокладывать дорогу в непроходимых джунглях Юго-Восточной Азии. Человек получит возможность гармонично развивать удивительные способности, которыми его столь щедро наделила природа, и он станет ее властелином. Однако такое всестороннее развитие личности возможно только в рационально организованном обществе. Нельзя допустить использования репродуцированных людей в военных целях!»

Наш комментатор пишет:

Если не придавать особого значения словам профессора Бирминга, который недостаточно убедил-

тельно объяснил, почему он предоставил пропагандистский материал Бодизэнскому конгрессу, мы должны признать (если только его сообщение не очередной пропагандистский трюк), что стоим перед фактом всемирно-исторического значения. Верная своим традициям левая печать поднимает невероятный шум вокруг всей этой истории и старается нажать на ней политический капитал. Однако мы со своей стороны хотим подчеркнуть ту неопровержимую истину, что открытия, подобные изобретению профессора Бирминга, возможны только в нашем подлинно свободном мире, в технически развитом обществе и лишь при наличии такого уровня культуры, какого достиг профессор Бирминг. Только свободная личность и общество, способное максимально гарантировать ее священные права, могут создать такие замечательные творения. Этот неоспоримый факт ничем нельзя опровергнуть, даже совершенно неожиданной политической переориентацией известного ученого и его по меньшей мере странными воззрениями на рационально организованное общество.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Сегодня в полдень профессор Бирминг вернулся в столицу, где, как он заявил, намерен продолжать свои эксперименты.

«Ну, как?» — прочитал я немой вопрос в глазах моих собеседников, хотя никто не высказал его вслух.

— Я привык с уважением относиться к убеждениям моих противников и терпеливо выслушивать их точку зрения. — Надо же было сказать хоть что-то!

— О чем вы говорите? — гневно спросил министр.

Было видно, что он очень нервничает и с каждой минутой становится все раздражительнее.

— О газетном отчете, разумеется.

— Но какого же противника и чью точку зрения имеете вы в виду?! Мало того, что вы разгласили совершенно секретные сведения, являющиеся государственной тайной, и тем самым нарушили условия, поставленные при заключении с нами контракта. Вы еще усугубляете вину, используя секретные материалы в целях антиправительственной, враждебной пропаганды!.. И после этого вы еще смеете поучать нас относительно свободы мнений? Разумеется, нельзя отрицать ваши заслуги как выдающегося ученого, мы ценим ваш авторитет в научном мире. Но всему есть предел. Мы никому не позволим посягать на престиж микланского правительства! Вы ведете слишком серьезную игру, профессор, как бы вам не пришлось раскаиваться!

Вот как далеко зашло дело, уважаемый читатель! Припертый к стенке, не видя иного выхода, я решил разом разрубить гордиев узел:

— Да ведь я не был в Бодиэне!

7

Смысл моих слов, очевидно, не сразу дошел до них. Первым опомнился представитель сената, долговязый, малоподвижный человек с острыми, пытливыми, бегающими глазками.

— То есть как это вы не были в Бодиэне? Ведь в газете черным по белому написано ваше имя! Денни Бирминг — это вы? Или тут какая-нибудь ошибка?

— Людям свойственно ошибаться, никто из нас не застрахован от ошибок, — неуверенно произнес Монсен.

— В данном случае вы действительно глубоко заблуждаетесь, — заверил их я.

— Как прикажете вас понимать? — строго спросил министр.

— Вам может показаться, что я сошел с ума. И не вы первый пришли к такому заключению.

— Как ни печально, но вы, профессор, производите именно такое впечатление, — процедил министр.

Монсен попытался спасти положение:

— После столь головокружительного успеха не мудрено...

— От этого вы тоже отрекаетесь? — министр развернул другую газету. — Репортер уверяет, что получил от вас презабавное интервью! Вот, полюбуйтеся.

Слибенден

ИНТЕРВЬЮ ПРОФЕССОРА БИРМИНГА

Нашему корреспонденту удалось перехватить профессора Бирминга на аэродроме, где он в обществе молодого ученого Нилла Керсена ожидал самолет, вылетающий в столицу.

— Разрешите задать вам несколько вопросов, господин профессор.

— К вашим услугам.— Профессор поклонился.

— Какое значение имеет ваше изобретение?

— Я уже говорил об этом на конгрессе. Теледвойники — живые существа, следовательно, перед ними открывается широкое поле деятельности во всех сферах.

— В научно-фантастических романах часто описываются восстания роботов против их создателей. Не грозит ли и нам такая опасность со стороны телелюдей? Вы, кажется, тоже высказали такое опасение.

Профессор Бирминг загадочно улыбнулся.

— Бунт бунту рознь.

— Не откажите в любезности, господин профессор, объяснить, какой смысл вы вкладываете в эти слова?

— Теледвойники в точности воспроизводят положительные и отрицательные качества того конкретного человека, чьей копией они являются. Все зависит от субъекта, с которого они ренродуцированы. Само собой разумеется, субъект может оказаться подлецом, негодяем, деспотом — встречаются же такие типы в жизни.

— В последнее время ваши философские воззрения претерпели поразительные изменения. Чем объяснить, что вы выступили на конгрессе поборником нового общественного строя, организованного на принципах коллективизма?

— Оставаясь по-прежнему противником какого бы то ни было подавления личности, я убежден, что не может быть подлинно свободным человек, не сознающий себя частицей коллектива — общества, ибо только оно может гарантировать свободу личности. Ведь истинная свобода предполагает безграничную свободу

действий. И только общество может предоставить человеку широкое поле деятельности, возможность проявить ничем не ограничиваемую творческую инициативу. Иначе говоря, общество расширяет рамки личной свободы индивидуума. Это непреложная истина, логически вытекающая из самой сути моего открытия. Поэтому у меня есть все основания утверждать, что перемены в моих взглядах обусловлены самой жизнью, ее развитием и эволюцией.

К сожалению, интервью с профессором Бирмингом пришлось прервать, так как в этот момент объявили посадку на самолет. Поднявшись по трапу, профессор обернулся и, улыбаясь, дружелюбно помахал нам рукой.

Хотя интервью было кратким, мне потребовалось довольно много времени для его тщательного изучения. Наибольший интерес для меня представил не столько сам диалог, на мой взгляд несколько гротескный, сколько анализ собственных умозаключений и воззрений по поводу вопросов, которые задавали моему теледвойнику. «Репродуцированный Бирминг» не так скрытен, как я... Нет, нет, пора рассказать обо всем начистоту», — подумал я. Вспомнив, какой оглушительный удар по голове нанес мне «бунтарь», я решил прибегнуть к помощи правительства для поимки и обезвреживания беглеца. Ведь в конце концов это все-таки не живой человек, а аппарат, искусное творение человеческих рук и мозга.

— Господа, — торжественно произнес я, — эти высказывания принадлежат не мне, а моему теледвойнику, «репродукционному Бирмингу».

Будь я не столь взволнован, зрелище, представшее моему взору, показалось бы, вероятно, весьма комичным! Монсен растерянно заморгал глазами, долговязый представитель сената смешно, словно гусак, вытянул шею, а министр с закушенной нижней губой был похож на азартного игрока, проигравшего все свое состояние.

— Ре-репродуцированный Бирминг? — он заикался от волнения.

— Совершенно правильно.

— Что все это значит? — он по-прежнему недоумевал.

— Это значит, что экспериментальный электронный аппарат под воздействием биотоков и впервые примененных мною лучей вчера вечером «ожил».

— Ожил?

— Да.

— Но...

— Вас интересует, почему я допустил, чтобы он убежал?

— Разумеется!

— Передатчик был выключен вовремя.

— Так в чем же дело?!

— Но аппарат продолжал работать...

Монсен подскочил как ужаленный:

— Это же колоссально, Бирминг, вы гений! Какая жизнетворная сила, какая живучесть! Натуральный человек!

Однако министр был настроен весьма скептически.

— Да, да, это поистине колоссально. Искусственный Бирминг наделал шуму на весь мир, взбудоражил общественное мнение, разгласил

беспрецедентную по своему значению военную тайну...

— Военную тайну? — Я не поверил своим ушам.

Теперь настал черед представителя сената. Вытянувшись во весь рост, он с высоты своего «величия» напыщенно произнес:

— Дорогой профессор, полагаю, вы понимаете, что столь ценное изобретение мы тотчас же обратим на пользу нашей великой державы, на укрепление ее военной мощи. Как вы знаете, на солдат теперь трудно полагаться, простые люди становятся все менее благонадежными...

— Вы же сами убедились, — вмешался министр, — что злобредная пропаганда сторонников мира возымела действие на психологию даже вашего теледвойника. Я надеюсь, вы поймете, что мы должны оградить общество от их пагубного влияния, противодействовать этой пропаганде всеми доступными нам средствами!

Долговязый представитель вновь принялся разглагольствовать. Слова сыпались из него, как из рога изобилия, он говорил скороговоркой, как бы стремясь наверстать упущенное:

— Надо немедленно объявить тревогу, мобилизовать полицию и вооруженные силы, поднять на ноги весь Миклан! Теледвойник должен быть схвачен в самый кратчайший срок!

— Это не так уж сложно, — заметил я, — если учесть, что «репродуцированный Бирминг» без всякой опаски ходит ко мне домой, хотя...

— Хотя? — в один голос спросили министр и представитель сената.

— Он самовольно взял у меня кое-какую одежду и изрядно опустошил чековую книжку. По-моему, это указывает на то, что он собирается жить самостоятельно.

— Кстати о самостоятельности,— бросил министр.— Ведь ваш теледвойник с самого начала ведет себя не так...

— Как действовал бы я? — подхватил я.

— Разумеется!

— По-видимому, в этом состоит одно из удивительнейших преимуществ моего аппарата: вы сами убедились, теледвойник профессора Бирминга наделен способностью самостоятельно действовать и принимать решения на основе собственного волеизъявления!

— Вот это да! — воскликнул Монсен.— Вы заговорили языком своего друга!

— Что вы хотите этим сказать?

— Я имею в виду вашего теледвойника, профессор.

Реплика Монсена меня несколько озадачила. После минутного замешательства я все же продолжил свою мысль:

— Словом, биокамеры передают мысли не механически, а функционально, они в полном объеме переносят все функции центральной нервной системы и других органов, и, таким образом, теледублер...

— Вы сказали «теледублер»? — хором воскликнули все трое и многозначительно переглянулись.

Я мучительно раздумывал, как бы растолковать им все это попроще.

— Поймите, бога ради, ведь «репродуцированный Бирминг» — это не что иное, как я сам

в копии, ну, мой дубликат, что ли. Поэтому не удивительно, если подчас мы с ним будем употреблять одни и те же выражения.

Окаменевшее было лицо министра несколько оживилось. Он сел и холеными пальцами принялся вертеть ножку бокала. Видимо, этот жест настроил его на юмористический лад, правда, далеко не безобидный.

— Итак, милейший профессор. стало быть, вы-то и есть главный бунтарь! Ваша вторая «натура» выдала вас с головой, что называется, со всеми потрохами! Ха-ха-ха!

Засмеялись и мы, но это был смех сквозь слезы.

В тон министру Монсен тоже попытался шутить:

— Думается, вы собираетесь организовать облаву на самого себя, дорогой профессор!

Не знаю, как остальным, но мне от этой плоской шутки стало не по себе.

— Я — сторонник демократических свобод, в частности свободы слова и действий на пользу общества. Это известно всем...

— Вот и предоставьте нам свободу действий в поимке вашего теледвойника, — поспешно подхватил министр.

8

— По-моему, — продолжал он, — начать следует с того, чтобы опровергнуть в какой-нибудь газете достоверность всех сообщений об открытии Бирминга. При этом неплохо бы вернуть в статью какие-нибудь морализирующие рассуждения, можно подпустить и философии.

— Но как это сделать, госнодин министр, чтобы не прослыть...

— Сумасшедшим?

— Вот именно!

— Придется с этим примириться. Из двух зол надо выбрать наименьшее. Хуже, если за границей будут знать правду о вашем открытии! Вашего «репродуцированного Бирминга», профессор, мы скоро обезвредим, и вы сможете продолжать свои эксперименты. Конечно, в обстановке строгой секретности, вы ведь понимаете, нельзя допускать никакой огласки... А тем временем страсти улягутся, и о «помешательстве» профессора Бирминга скоро забудут. Любая новость через три-четыре дня перестает быть злободневной.

— Все это так, господин министр, но надо же как-то объяснить, почему я отказываюсь от своего сообщения!

— Напишите, что вам захотелось высмеять участников Бодиэнского конгресса и доказать, что все эти одержимые глашатаи так называемой мирной пропаганды,— эти слова, язвительно улыбаясь, министр произнес с подчеркнутым сарказмом,— подобны безмозглым пешкам в чужих руках. Они сами способны поверить во что угодно и требуют того же от других...

— Неплохо! — бросил Монсен.

— ...и сами,— продолжал министр, пропустив его реплику мимо ушей,— под стать теледублерам. Кстати, откуда вы взяли это словцо?

— В древнегреческом языке слово «теле» имело два значения,— пояснил я,— «дальний» и «совершенный».

— Одним словом, сравните их с теледубле-

рами, число которых при желании можно бесконечно умножить, воспроизводя от одного субъекта, и они будут хором повторять все, что им прикажут.

Представитель сената даже прищелкнул языком:

— Недурно придумано! Тут уж никто не сочтет вас безумцем, скорее наоборот!

— А в остальном положитесь на меня, уважаемый профессор,— продолжал министр.— Чековая книжка при вас?

— Да.

— Превосходно! Ну-ка, взглянем... Гм... Вырвано девять чеков, я запишу их номера. Пусть только ваш Бирминг заявится в банк: там мы устроим ему западню и схватим! Да, чуть было не забыл: как же так, профессор? Совсем недавно вы уверяли, что добились лишь частичных результатов, и вдруг теперь...

— Неожиданным успехом мы обязаны одной непредвиденной случайности, в существо которой мне до сих пор не удалось разобраться. В данную минуту я еще не могу объяснить, чем вызван столь необычайный эффект, а всякого рода предположения считаю неуместными.

— Необходимо как можно скорее установить истину. Бирминг, не забывайте об обязательствах перед правительством. Государство заинтересовано в их неукоснительном и точном выполнении.

— Постараюсь сделать все, что в моих силах, господин министр.

— Скажите, профессор, знает ли еще кто-нибудь о характере и сущности ваших экспериментов, разумеется, я имею в виду тот период,

когда вашему аппарату еще не были приданы функции живого организма?

— В нашем телецентре, — опережая меня, торопливо проговорил Монсен, — экспериментальные работы были организованы таким образом, что различным группам исследователей поручались только отдельные задания. Единственное, о чем они знали, — это что мы работаем над проблемой повышения эффективности лечебного действия биотоков.

— А ваши ближайшие сотрудники? — глядя на меня в упор, спросил министр.

— В центральную лабораторию, где ведутся завершающие эксперименты, доступ имеет только мой секретарь-помощник, Нилл Керсен. Однако биоэлектроника — это абсолютно незнакомая ему область, и он не имеет ни малейшего понятия о целях моих исследований.

— Достаточно, профессор. Мы постараемся держать вас в курсе всех событий. А вы обязательно напишите статью. Впрочем, пожалуй, мы можем избавить вас от этой деликатной миссии: мы сами напишем ее от вашего имени и опубликуем, скажем, в «Микланс трибюн». И хотя эта газета не официальный орган правительства, она близка деловым кругам. Вы домой?

— Да.

— Прекрасно. Желательно, чтобы, выезжая из дому, вы уведомляли нас об этом. Это облегчит работу следственных органов.

* * *

События разворачивались с головокружительной быстротой. Не успел я вернуться до-

мой, как раздался телефонный звонок — говорил личный секретарь министра:

— Хелло, профессор! Мы нашли ваш портсигар. Он действительно оказался у нас!

— Позвольте, о каком портсигаре вы говорите? — я опешил.

— То есть как? Выйдя от нас, вы тотчас вернулись за забытым портсигаром. Но мы нигде не могли его обнаружить. Помните, мы же вместе искали его.

— Я искал?

— Портсигар нашелся минуты через две после вашего ухода... Он каким-то чудом оказался под скатертью.

— Кто оказался под скатертью?

— Портсигар, разумеется.

— Скажите, господин министр у себя?

— Да.

— Будьте добры, соедините меня с ним!

Узнав, в чем дело, министр даже поперхнулся.

— Вы в самом деле не курите?

— Никогда не курил.

Из трубки донеслась приглушенная ругань, торопливая перебранка с секретарем, затем снова послышался голос министра:

— Проклятие, Бирминг! Значит, он был здесь, под самым нашим носом! Какая дерзость! Самому залезть в пасть льва! И я разговаривал с ним! (Снова послышались ругательства и проклятия — это министр давал волю своим чувствам.) Профессор, мы должны схватить его сегодня же, во что бы то ни стало! Слышите?!

Прежде чем ознакомить читателя с дальнейшим ходом событий, мне хотелось бы привести выдержки из газетных статей и сообщений, наделавших много шума и вызвавших самые фантастические кривотолки относительно моей персоны. Газетные полосы пестрели кричащими заголовками, связанными с моим открытием. Эта сенсация по-прежнему оставалась в центре внимания печати. Сам же я вынужден был в это время отсиживать дома и о драматических событиях узнавал из сообщений газет. Невероятный ажиотаж, поднятый вокруг моей особы, не мешал мне с удовольствием попивать черный кофе.

Должен признаться, у меня немного отлегло от сердца, после того как я поделился тайной, столь угнетавшей меня. Мне казалось, что «репродуцированного Бирминга» удастся задержать в самое ближайшее время и я смогу спокойно заняться прерванной работой. Правда, мысленно я вновь и вновь возвращался к тому, что переполняло тревогой и волнением мою душу. Ничего удивительного, ведь пока я прохлаждаюсь в своем особняке, кто-то в моем обличье, но чуждый и враждебный мне, жил моей жизнью где-то неподалеку, а может быть, и вдали от меня...

Из дневных и вечерних газет мне стало совершенно очевидно, что сообщение о создании теледвойника предельно распалило воображение людей.

Ньюс Кроникл

**СТРАХ ПЕРЕД „ИСКУССТВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ“
ПАНИКА В МЮЗИК-ХОЛЛЕ! ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОБ ОБНОВЛЕНИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА**

После сенсационного сообщения профессора Бирминга о создании телечеловека в полицию и редакции газет непрерывным потоком поступают заявления о злодеяниях, якобы совершаемых пресловутыми телесуществами. Не далее как сегодня в полицейский участок Стэнлейского округа прибежала супруга богатого торговца госпожа Х. Рооле, взлохмаченная, в расстроенных чувствах, и заявила, будто ее мужа подменили искусственным человеком. До самого последнего дня господин Рооле вел себя безупречно, был неизменно внимателен, хотя и отличался некоторой холодностью. Последнее не удивительно, ибо счастливое супружество длится уже двадцать один год и шесть месяцев. Сегодня в полдень он заявился домой в приподнятом настроении, со свежими следами губной помады на воротничке рубашки. Когда госпожа Рооле вполне резонно потребовала объяснения по поводу столь необычного поведения, он, не обращая ни малейшего внимания на ее священный гнев, схватил свою благоверную в объятия и игривым (!) тоном принялся уверять, что она — ангел небесный, очаровательное создание и пусть-де она осыпает его бранными словами, все равно он, Рооле, не изменит веселого расположения духа, потому что ему теперь все трын-трава, дескать, он все вокруг видит в розовом свете. Мало ли что может быть в жизни... Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля. А между тем до этого дня, подобно всем благонамеренным людям, как бы благодушно они ни были настроены, он, Рооле, не позволял себе

петь даже в ванной. Имея в виду столь необычные явления, как игривое настроение, не приличествующее почтенному главе семейства, пение шансонеток в особенности, а также следы губной помады неизвестного происхождения, госпожа Рооле твердо убеждена, что ее супруг стал несчастной жертвой профессора Бирминга, поднавшего под влияние коммунистической пропаганды. Как она уверяет, подлинный Рооле томится где-нибудь в застенках или в тайнике, откуда домой передают лишь его телевизионное изображение, то есть репродукцию. В связи с этим исключительным событием госпожа Рооле требует неусыпной охраны со стороны полиции с целью обеспечения ее личной безопасности, поскольку она не рискует переступить порог собственного дома до тех пор, пока там обитает это чудовище. Кроме того, она настаивает на немедленном аресте профессора Бирминга и освобождении подлинного ее супруга.

Наш корреспондент связался с господином Рооле, который самым категорическим образом опровергал все, по его выражению, «дикие вымыслы» супруги. «Мне и в голову не приходило, что несколько пятен губной помады могут начисто лишить жену рассудка! Поверьте, я натуральный, доподлинный Рооле, можете в этом не сомневаться». И в доказательство почтенный коммерсант с силой ударил себя в грудь.

Корреспондент далее сообщает:

Сегодня вечером в Поло — захолустном городке Восточного Миклана, подарившем стране известного археолога Е. Диардесса и родоначальницу современного детективного романа госпожу А. Инделлен, — произошло сенсационное событие, повергнувшее всех в величайшее смятение. Поначалу все шло очень мирно, как и всегда. Зажглись уличные фонари. Наслаж-

даясь приятным осенним вечером, толпы гуляющих заполнили городские бульвары и скверы. Партер и галереи всех ярусов мюзик-холла были набиты битком. За столиками посетители, распивая кока-колу и прочие напитки, с нетерпением ожидали выступления ансамбля «Мерцающие звезды». Появление на сцене танцовщиц вызвало восторженные возгласы и дружные аплодисменты всего зрительного зала. Грянул джаз. В такт бешеным ритмам оркестра в искрометном вихре проносились обнаженные женские ноги и плечи, окутанные клубами табачного дыма, приобретающими в лучах прожекторов самую причудливую окраску. Звуки музыки перемежались звоном бокалов и приглушенным смехом. Но вот Биб Женн принялся неистово колотить ударными палочками, и все почувствовали, что наступает кульминационный момент ночного представления — гвоздь программы под интригующим названием «Обнажающиеся звезды». Затаив дыхание, мужчины, как зачарованные, устремили на сцену жадные взоры. Атмосфера в зрительном зале накалялась. Уже казалось, что не Биб Женн орудует палочками, а они сами с остервенением, в истерическом экстазе дергают руки ударника. Внезапно барабанная дробь оборвалась, и наступившая тишина буквально оглушила зрителей. Тихо заиграл оркестр, и пол нежную, замирающую мелодию двенадцать танцовщиц, судорожно извиваясь, принялись сбрасывать с себя одежды, бесстыдно обнажая тела. В клубах сгущающегося табачного дыма тела растекались, становились бесформенными, и лица зрителей причудливо сливались в одну сплошную массу. Прожекторы бросали на сцену разноцветные снопы света: лиловые, золотисто-желтые, сине-зеленые... Огни рампы переливались все быстрее, и вскоре все здание мюзик-холла было охвачено ярким танцующим пламенем. Ка-

залось, будто языки его пронизывают сцену и зрительный зал множеством крошечных бликов. Мелькавшие на сцене обнаженные тела женщин, устремленные на них разгоряченные взгляды зрителей — все смешалось в дикой карусели. Когда же оркестр заиграл бравурный марш и танцовщицы направились за кулисы, откуда-то вырвался душераздирающий крик:

— Война! Началась война!

Отчаянный вопль всколыхнул весь зал. Люди в панике повскакали с мест и сломя голову бросились к выходу, сбивая с ног и топча друг друга. Началась дикая давка. Огни рампы разом погасли. Персонал театра покинул свои места. В итоге четверо получили серьезные увечья. Когда же обезумевшие от страха, в изодранной одежде зрители выскочили на улицу, то воочию убедились, что жизнь не выбита из привычной колеи. Они долго не могли прийти в себя. Некая госпожа Римери у выхода из театра лишилась чувств. Подоспевшая скорая помощь отправила ее в больницу в тяжелом состоянии. Очнувшись в машине, она упорно твердила одно и то же: «Война! Грянула война! Мы все сгорим в ее огне!» Наш корреспондент посетил госпожу Римери в больнице. Все еще под впечатлением пережитого несчастная женщина срывающимся голосом рассказала, что ей показалось будто зрительный зал мюзик-холла заполнили теле-репродуцированные свирепые злодеи, которые намеревались устроить там дикую резню.

А вот еще сообщение:

Сегодня в Ведомство по бюджетным ассигнованиям обратился с прошением некий Дж. Фоггин, житель округа Грохоум. В этом прошении он настаивает

на том, чтобы ему предоставили государственную долгосрочную ссуду для сооружения под принадлежащим ему домом надежного противоатомного убежища и оснащения его специальным оборудованием.

«В грядущей термоядерной войне человечество неминуемо погибнет,— пишет он,— но я размножу себя по методу профессора Бирминга и тем самым обеспечу человечеству возможность выжить и сохраниться. После войны весь земной шар станет единой империей; ее назовут Фоггинией. Люди забудут о разногласиях, расприх, мождоусобицах, ибо население земли будет состоять исключительно из подобных мне существ. Обращаюсь к вам с просьбой передать профессору Бирмингу мои наилучшие пожелания и глубочайшую признательность. Своим гениальным изобретением он подал мне блестящую идею, имеющую всемирное значение. Я новоявленный Адам, прародитель будущего человечества!

По предварительным подсчетам, мне понадобится около десяти миллионов для реконструкции, усиления перекрытий и расширения моего убежища. Дополнительно 25 миллионов потребуется на приобретение камер, аппаратов, приборов особого назначения и прочего оборудования. Кроме того, прошу затребовать у профессора Бирминга инструкцию о способе пользования всеми его приборами и установками, а также подробное описание их устройства и указания, как устранять дефекты и всевозможные помехи и неполадки. Меня интересует также, на какой срок гарантирует Бирминг бесперебойную работу своих установок? Насколько они стабильны? В противном случае любая неполадка может привести к поголовному вымиранию рода человеческого, к гибели всей Фоггинии! Но человечество избежит такой участи, если мне будут предоставлены дополнительные ас-

сигнования на сумму 15 миллионов для изготовления запасных частей, а также для капитального ремонта действующих приборов, аппаратов и установок. Итого я прошу Ведомство выделить на указанные цели всего-навсего 50 миллионов. Это — сущий пустяк по сравнению с тем, во что обойдется правительству новая мировая война! Какая уйма денег будет выброшена на ветер! А сколько убытков причинит атомная бомбардировка, которая превратит в руины все города нашей страны! Я же прошу каких-нибудь 50 миллионов! Стоит ли рисковать судьбами людей, процветанием Фоггинии из-за такой ерунды, как 50 миллионов? Уповая на вашу государственную мудрость и здравый смысл, я преисполнен оптимизма».

По имеющимся сведениям, Ведомство по бюджетным ассигнованиям в ближайшее время намерено рассмотреть это несколько оригинальное, но, безусловно, стоящее предложение. Правда, по мнению хорошо информированных кругов, нынешний крайне напряженный бюджет создает весьма неблагоприятные перспективы для одобрения проекта по предоставлению долгосрочного кредита на сумму 50 миллионов. Было высказано предположение, что в ходе обсуждения проекта могут возникнуть некоторые сомнения относительно того, кому именно Фоггин возвратит ссуду, если все человечество обречено на гибель. В то же время отмечалось, что если оригинальный опыт Фоггина увенчается успехом, то его репродукций за глаза хватит и для Ведомства по бюджетным ассигнованиям. Они-то и обеспечат погашение задолженности и возврат всей суммы кредита.

В заключение мне хотелось бы привести текст заявления, помещенного за моей под-

писью, но написанного не мной, хотя я в принципе и согласился с министром, что его следует опубликовать.

Микланс Трибюн

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРОФЕССОРА БИРМИНГА

Редакция нашей газеты с глубоким удовлетворением публикует заявление профессора Бирминга, которое, несомненно, явится горькой пилюлей для всех, кто, преждевременно торжествуя, готов радоваться тому, что гениальный ученый якобы признал их идеи. Ответ профессора Бирминга со всей очевидностью свидетельствует о неизменности его убеждений и служит блестящим подтверждением его редкой одаренности, истинного таланта и незаурядных способностей. Он также еще раз подчеркивает гибкость ума и тонкое чувство юмора, присущие нашему маститому ученому. Известное разочарование, вызванное тем, что сенсационное заявление о крупнейшем научном открытии оказалось всего лишь хитроумным трюком, с лихвой компенсируется полнейшим фиаско идейных противников профессора Бирминга. Как говорится в старинной поговорке, хорошо смеется тот, кто смеется последним...

«Ознакомившись с откликами печати на мое выступление перед Бодиэнским конгрессом, я убедился, что различные политические группировки стремятся произвольно истолковать мои высказывания и использовать их в своих корыстных целях. Самое курьезное во всей этой истории, что ни у кого не хватило здра-

вого смысла хотя бы на минуту усомниться в научной достоверности моего сообщения! А ведь речь идет о явном абсурде, нелепой выдумке! В различных городах и провинциях страны широко распространились ни на чем не основанные панические слухи о бесчинствах и злодеяниях, якобы совершаемых телелюдьми. Я самым категорическим образом заверяю общественное мнение, что все происшедшее не более как безобидная шутка над легковверными простаками. Однако, убедившись, что она вызвала брожение в умах и известное беспокойство, считаю своим долгом выступить с настоящим заявлением.

Итак, что же собой представляют теледвойники?

Это не кто иные, как заклятые враги свободы, обезличенные марионетки, послушно выполняющие волю тех, кто дергает их за веревочку, иначе говоря, тех, кто спускает им директивы.

Моя позиция общеизвестна: полная свобода личности! Я твердо стою на ней, для меня этот принцип превыше всего!

Приношу свои глубочайшие извинения всем тем благонамеренным микланцам, которые приняли за чистую монету мое «научное открытие». В мои намерения отнюдь не входило желание одурачить их, мне важно было высмеять участников Бодийэнского конгресса.

Денни Бирминг»

Около десяти вечера мне вручили телеграмму:

«Поздравляю профессор тчк сконструированная вами установка действует безотказно тчк Ваш Бирминг».

Газета «Слабенден» снабдила мое заявление следующими комментариями:

Профессора Бирминга запугали!

Читатели и журналисты были немало поражены, прочитав в дневном выпуске «Микланс трибюн» заявление профессора Бирминга, в котором он признает свое бодиэнское выступление ни больше ни меньше как «безобидной шуткой», которой якобы хотел заклеить «врагов свободы, обезличенных марионеток, послушно выполняющих волю тех, кто спускает им директивы». Но все те, кому довелось слушать его в Бодиэне, не верят этому опровержению. Участники Бодиэнского конгресса даже не допускают мысли, что столь уважаемый ученый мог пасть так низко и превратить в пошлый фарс, в объект злых шуток науку, служению которой он посвятил всю свою жизнь. В определенных кругах высказывают предположение, что профессор Бирминг вынужден был отказаться от своего сенсационного сообщения, которое потрясло всю мировую прессу, под давлением правительства, не заинтересованного в разглашении тайны изобретения.

В тот самый день, когда было напечатано «мое» (читай — министра) опровержение, газета «Микланс фьючер» опубликовала статью, в которой я якобы публично заявил о своем намерении расторгнуть контракт с правительством.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРОФЕССОРА БИРМИНГА

Нет ничего естественнее настоящего и вполне закономерного требования общественности предать широкой гласности техническую документацию, связанную с новейшими достижениями биоэлектронного телевидения. Я охотно опубликовал бы все технические данные, относящиеся к моему изобретению, однако некоторые обстоятельства пока исключают такую возможность. Заранее предвижу, что кое-кто попытается приклеить мне ярлык «изменника родины» в связи с моим окончательным разрывом с микланским правительством. Я еще раз заявляю, что отмежевываюсь от него и впредь не желаю иметь с ним ничего общего; я также категорически протестую против чудовищных попопзновений использовать мое открытие в военных целях. Однако я полностью отмечаю всякие обвинения в измене, так как мое решение продиктовано исключительно чувством истинного патриотизма. Подчеркиваю, война принесет Миклану неисчислимые бедствия, а возможно, и полное уничтожение.

В чем заключается суть моего изобретения? В общих чертах публика с ним уже знакома. Однако состав вещества из сверхчувствительных молекул, а также вся технология экспериментов остаются в секрете. Я не раскрою его до тех пор, пока микланское правительство не даст твердых гарантий, что оно использует биоэлектронных репродуцированных теледвойников исключительно в мирных целях.

Что вынудило меня поставить такие жесткие условия?

Длительное время я занимался репродуцированием теледвойника с помощью биотоков в полной надежде

на то, что правительство не намерено использовать мое открытие в военных целях, хотя кое-какие сомнения у меня имелись. Но теперь я окончательно убедился в преступных намерениях правящих кругов. Переговоры, которые я вел сегодня во второй половине дня с представителями правительства...

«Портсигар!» — сразу же подумал я.

...не оставили никаких сомнений на этот счет. Представитель Сенатской комиссии по военным делам заявил...

«Ему удалось разузнать куда больше, чем мне! Я-то и не подозревал, что этот долговязый — ставленник военщины!»

«...Народ становится все менее доверчивым. Люди не хотят слепо повиноваться нам даже в том случае, когда мы напяливаем на них военную форму. Государство нуждается в идеальных солдатах, беспрекословно выполняющих приказы начальства».

Мне удалось разведать планы правительства относительно использования телелюдей. Они сводятся к следующему: доведя какого-нибудь человека до крайней степени озлобления, полной потери способности здраво мыслить, следует внушить ему, что его личной свободе и самой жизни угрожает общество, основанное на принципах коллективизма. Когда, поверив в это, человек будет доведен до крайности, нужно включить камеры и направить биотоки его мозга на телерепродукционные аппараты. С помощью нужного числа установок этого дикаря можно размножить до десятков тысяч и даже миллионов экземпляров. Тем самым правительство получит идеальную армию, которой не понадобится даже военная форма! Армия этих беснова-

тых с остервенением ринется на любого врага и будет действовать «как один человек», твердо убежденная, что сражается за права личности и свободу мысли... А если противник уничтожит 10 миллионов аппаратов, не велика беда! Можно изготовить следующий десяток миллионов!

Если транслировать телелюдям только часть биотоков мозга, их способность к мышлению можно не только ограничить, но и свести к выполнению определенных функций. Однако невозможно лишить нервную систему одной из ее важнейших особенностей — я имею в виду болевые ощущения. Это значит, что гибель десятка миллионов людей явится физической смертью каждого из них со всеми мучениями и переживаниями, ей свойственными! Кто же поверит, что в истребительной войне люди, привыкшие наживаться на чужих страданиях и крови, ограничатся гибелью только этих несчастных теледвойников!

Поэтому я заявляю во всеуслышание: до тех пор пока микланское правительство перед лицом международной и отечественной общественности не откажется от своих чудовищных планов, я не открою секрета нового изобретения. Отказываясь взять на себя подобное обязательство, правительство само вынуждает меня расторгнуть заключенный с ним контракт и считать его утратившим силу.

Денни Бирминг

Внезапно передо мной возникла фигура Давида.

— Пришли корреспонденты, господин профессор.

— Постарайтесь избавиться от них, Давид! Скажите, что меня нет дома.

Немного погодя Давид вернулся.

— Господин профессор, они заявили, что дождутся вашего возвращения. Уселись на ступеньках у подъезда, и все.

— Ну и пусть сидят! Может быть, поужинать?

Однако в этот вечер Давид мог бы и не подавать ужин...

* * *

Если говорить начистоту, то, разумеется, я допускал возможность использования моего изобретения в военных целях. Раз война неизбежна, рассуждал я, пусть уж лучше воюют аппараты. По крайней мере большинство людей сможет выжить. Что же касается утверждений моего теледвойника, будто только разумно организованное общество способно обеспечить гармоничное развитие личности, то должен признаться, что идея общества, в основу которого положен дух коллективизма, всегда нагоняла на меня безотчетный страх. Все те, кто верит в создание бесконфликтного общества, где между людьми царит полное согласие, казались мне безнадежными утопистами. Разве бунт «репродуцированного Бирминга» не доказательство того, что я прав?

Вряд ли нужно говорить, сколько волнений причинило мне поведение теледвойника, помимо моей воли вырвавшегося на свободу! Правда, во время экспериментов мне приходилось слышать его рассуждения и видеть, как он действует. Он всегда точно воспроизводил мое поведение перед камерами. Каким же образом обрел он свой, особый образ мыслей и

почему его жизнь не оборвалась после прекращения передачи? Эти вопросы мучили меня постоянно, и я непременно должен был разобраться во всем, и как можно скорее. Сгорая от нетерпения, в страшном волнении, я со дня на день ждал извещения о том, что «репродуцированный Бирминг» пойман и я могу спокойно продолжать прерванную работу. Панические слухи о создании искусственных людей все больше убеждали меня, что, вероятно, я поступил осмотрительно, не разглашая тайны своего открытия.

Тогда я еще не догадывался, почему правительство не спешит с арестом псевдо-Бирминга.

10

Теперь, когда я уже могу всесторонне проанализировать свое поведение в те дни, память невольно воскрешает во всех подробностях сложные перипетии напумевшего дела и те выводы, к которым я пришел. Попытаюсь, читатель, по возможности объективно обрисовать картину того душевного состояния, в котором я тогда находился.

Должен оговориться: я уже не сомневался, что «репродуцированный Бирминг» обладает полноценной способностью самостоятельно мыслить и действовать. Все его поведение и поступки свидетельствовали об одном: теледвойник полностью перенял мои научные познания и накопленный опыт. На мой взгляд, ему, пожалуй, не хватало только чисто житейского опыта. В самом деле, очертя голову бросаться

в самые рискованные авантюры может только весьма неопытный человек. Таким «человеком» и оказался мой «двойник», поступками которого руководила лишь аккумулярованная энергия.

Я с горечью припомнил, какой удар мне нанес бунтовщик. Но разве судьба не наносила мне подобных ударов раньше, и разве я сам не наносил их другим? Человеческие жизни всегда напоминали мне круги, расходящиеся по воде от брошенного камешка. В детстве я частенько сиживал на берегу и кидал голыши в Зеленое озеро, вблизи которого мы жили. Удивительно, никогда два камня, брошенных в воду, не попадали в одно и то же место, но образовавшиеся круги в конце концов непременно пересекались. Значительно позже нечто подобное я наблюдал и во взаимоотношениях между людьми. Как бы мы к этому ни стремились, наши судьбы никогда не будут полностью совпадать. Пути могут сходиться, пересекаться, мы можем стать кому-нибудь поперек дороги, причинить боль своим близким в силу эгоизма натуры, считаясь лишь с собственными интересами. Так не лучше ли отойти в сторону, замкнуться в себе, чтобы не стать невольной причиной чьих-либо переживаний? Мне вспомнилась Лиан... Как часто я бывал несправедлив к ней, незаслуженно обижал, а ведь при этом испытывал к ней искреннее и глубокое уважение.

По правде говоря, мне бы сейчас только радоваться, ведь неожиданный успех превзошел все самые смелые мечты: мое творение, плод моего ума и фантазии действует самостоятель-

но и дееспособно сверх всякого ожидания! Но любая медаль имеет обратную сторону. Нельзя запутанные обстоятельства, непредвиденные события угнетали меня, обрекали на вынужденное бездействие. В борьбе побеждает сильнейший. Слабого сомнут. На что же может рассчитывать профессор Бирминг, вступая в неравную борьбу с всемогущим микланским правительством? Если бы X не создал атомную бомбу, это сделали бы Y или Z! Рано или поздно она все равно появилась бы. Если Бирмингу удастся сохранить свое открытие в тайне, то такое же открытие, пусть несколько позже, совершит кто-нибудь другой...

Раннер

ПЛОД БЕЗУМИЯ ИЛИ ШУТКА?

Несомненно, наши читатели еще помнят о странном поведении профессора Бирминга после памятной всем лекции в клубе Бэклахэм. С того вечера странные, мягко выражаясь, поступки профессора постоянно множатся. Венцом их, безусловно, следует считать потрясающие события минувшего дня. Во вчерашних газетах появились одновременно два заявления Бирминга. В одном из них он полностью отрекается от сообщения, в котором возвестил о своем открытии, а в другом, наоборот, подтверждает его и рисует самые мрачные перспективы, которые связаны с его изобретением. Уместен вопрос: чему же верить? Допустим, ученого действительно запутали. Но ведь оба заявления появились одновременно! Это что, новая шут-

ка? В таком случае мы вправе спросить: приличествует ли уважаемому ученому столь беспардонно злоупотреблять свободой слова? Как бы то ни было, по меньшей мере странное поведение профессора дает повод к самым неожиданным предположениям...

КРОНИКА

Шумиха вокруг изобретения Бирминга вызвала панику на бирже. Утренние телеграфные сообщения агентств печати в один голос сообщают о небывалом за последние годы катастрофическом падении курса акций. В среднем акции упали на 25—30%. В некоторых случаях это падение приняло поистине угрожающий характер. По мнению деловых кругов, паника на бирже будет иметь самые серьезные последствия и может пагубно отразиться на экономической жизни страны.

МИКЛАНС ФЬЮЧЕР

БЕСПОРЯДКИ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Сегодня университет стал ареной массовых беспорядков. Когда в десять часов утра профессор Бирминг появился в до отказа переполненной, как обычно на его лекциях, аудитории, студенты устроили ему восторженную встречу. Под гром аплодисментов ликующие слушатели дружно провозглашали здравицы в честь любимого профессора.

— Да здравствует Бирминг! Да здравствует наука! — скандировали они.

Когда овации несколько утихли, растроганный профессор обратился к студентам с проникновенной речью:

«Иногда жизнь диктует нам свою волю. Поэтому я позволю себе некоторое отступление от учебной программы. Последние события сделали меня энтузиастом. Я обрел способность воодушевляться, и этим всецело обязан вам. Повсюду говорят: профессор Бирминг создал телечеловека. Может быть, вышло как раз наоборот. (Оживление в зале.) Прошу понять меня правильно. Речь идет о вдохновляющей силе творческого труда. (Аплодисменты.) Вероятно, вы согласитесь со мной: всем нам далеко не безразлично, какими будут теледвойники, то есть какими станем мы сами, чьи ряды пополним собой, чтобы управлять собственной судьбой. (Бурные аплодисменты.) Может быть, я говорю несколько образно, но в данном случае образ следует понимать буквально. Я привык выражать свои мысли в формулах, сложных схемах, числах. В тех случаях, когда мне приходилось говорить о вещах, не являющихся, по моему разумению, научными проблемами в строгом смысле этого слова, мною всегда овладевало чувство какой-то неуверенности. Но теперь я убедился, что к общественным проблемам также следует подходить с научных позиций... Человечество должно создать гармоничный, слаженный коллектив — сообщество свободных тружеников, в котором уже не будут господствовать отдельные индивидуумы или узкие группы лиц, заинтересованных в развязывании новой войны»...

В этот момент в зале возникло какое-то движение, и профессор Бирминг вынужден был прервать свое выступление. Пробившись сквозь толпу студентов,

сгрудившихся около высокой двустворчатой двери, прямо к кафедре направлялись трое в штатском.

— Полиция! — раздался тревожный возглас.

Студенты разом повскакали с расположенных амфитеатром скамей и лавиной хлынули вниз, к проходу. Профессор пытался было водворить порядок, но его призывы потонули во все нарастающем шуме. Через полуоткрытую дверь виднелись мундиры полицейских. Несмотря на гневные протесты слушателей, они пытались проникнуть в аудиторию, но живая стена студентов преградила им путь. Полицейским пришлось отступить. Один из инспекторов подал им знак отойти от дверей, и те незамедлительно удалились.

— Мы получили приказ воспрепятствовать любой политической демонстрации. — Полицейский инспектор подошел к Бирмингу.

Его слова вызвали новый взрыв негодования, отовсюду раздались возгласы, подхваченные сотнями голосов:

— Позор!

— Полицию вон из университета!

— Да здравствует Бирминг!

— Убирайтесь прочь!

Кое-как профессору Бирмингу удалось утихомирить не в меру разбушевавшихся студентов, и он обратился к полицейскому инспектору:

— Вы находитесь в стенах университета, следовательно, должны считаться со здешними традициями. Прежде всего прошу вас, как это принято в порядочном обществе, по возможности членораздельно изложить мотивы, которые привели вас сюда. (Веселое оживление всего зала, дружные аплодисменты.)

Полицейский пришел в явное замешательство.

— Приказ, господин профессор. Лекцию надо кончать!

Грубость инспектора вызвала новую вспышку возмущения, его слова потонули в сплошном шуме и свисте. В тот же момент в аудиторию с трех сторон ворвались отряды полиции. В течение нескольких секунд она превратилась в поле сражения. Вокруг профессора Бирминга образовалось живое кольцо защитников. Студенты отважно сражались, отбиваясь от наседавших полицейских толстыми учебниками и сорванными пюпитрами. Полицейских, пустивших в ход резиновые дубинки, дружными усилиями удалось вытеснить из зала. Потерпев поражение в рукопашной схватке, полиция пустила в ход против разъяренных студентов бомбы со слезоточивым газом. В результате столкновения обе стороны понесли потери: четырнадцать человек было ранено, из них пять полицейских. Полиция арестовала двадцать пять студентов. Профессору Бирмингу удалось беспрепятственно покинуть аудиторию.

Сейчас университет напоминает осажденный город. Студенты сколачивают боевые дружины и возводят баррикады. На экстренном заседании ученого совета в адрес правительства была отправлена телеграмма, в которой ученые протестуют против вторжения полиции, солидаризируются с профессором Бирмингом и требуют немедленного освобождения арестованных студентов.

Газета «Микланс фьючер» опубликовала и снимок, на котором был запечатлен митинг в университете. Мой двойник в сером костюме в полоску, позаимствованном из моего гардероба, ничуть не напоминал пламенного народного трибуна. Должен признаться, меня самого крайне возмутили действия полиции; вряд ли

они могли способствовать тому, чтобы число приверженцев правительства множилось.

Я никак не мог собраться с мыслями. Как же так? Военная контрразведка и полиция разыскивают «репродуцированного Бирминга». Почему же до сих пор его не арестовали?

Словно зверь в клетке, метался я по кабинету. В течение дня Давид несколько раз звонил в министерство, но каждый раз ему отвечали, что министра все еще нет. Роковая развязка драматических событий неотвратимо надвигалась. У меня было такое чувство, словно я выброшен за борт и ничем не могу не только предотвратить, но и замедлить ее приближение.

11

Слабенден

СКАНДАЛ НА ЗАСЕДАНИИ КОНГРЕССА!

КОНГРЕССМЕН О. НЭДДЕРЕ — БИОРОБОТ?

Сегодня на утреннем заседании конгресса происходили бурные сцены. Депутат-радикал Ф. Харрусон обратился к министру внутренних дел с запросом: чем вызвано грубое вторжение полиции в университет? Он потребовал отставки министра. (Возгласы протеста и улюлюканье на скамье крайних правых.)

Отвечая на запрос депутата, министр внутренних дел оправдывал действия полиции необходимостью поддерживать общественный порядок:

— Мы должны со всей энергией и решительностью пресечь подрывную деятельность смутьянов, подстрекающих к анархии и хаосу. (Шум в зале.)

Вслед за тем к министру внутренних дел обратился А. Йенней, депутат от партии центра.

— Как известно, профессор Бирминг потребовал от микланского правительства гарантий, что его открытие не будет использовано в военных целях. Намерено ли правительство удовлетворить это требование профессора Бирминга?

Министр принялся пространно рассуждать о том, что правительство якобы не может принимать просьбу Бирминга всерьез, поскольку-де состояние его психики внушает серьезные опасения...

Однако такой ответ не удовлетворил Йеннея, и он задал новый вопрос:

— Можно ли верить слухам, будто существует двойник профессора Бирминга?

— Стоит ли нам уподобляться паникерам, которым на каждом шагу мерещится тень черта? — уклончиво ответил министр. (Реплика с места: «В таком случае на кой черт арестовали студентов?» Крики, шум.)

Взявший слово О. Нэддере, крайний правый конгрессмен, потребовал немедленного ареста Бирминга и всех его двойников:

— В войне победит лишь нация, спаянная единством. (Неодобрительные возгласы на левом крыле.)

Председательствующий тщетно взывал к спокойствию — его настойчивые призывы потонули в невообразимом шуме.

На трибуне вновь появился Ф. Харрусон:

— Ходят слухи, будто у Бирминга есть двойник, и даже не один. Предлагаю создать комиссию, провести расследование и выяснить, насколько достоверны эти слухи. Если они подтвердятся, то установить, кто же является подлинным Бирмингом. Однако комиссия не должна ограничиться только этим, — продолжал Харрусон под злобные выкрики и обструкцию

правых и одобрительные возгласы на скамьях слева.— Комиссии надлежит также установить подлинность кое-кого из уважаемых членов конгресса. Ведь если существуют поддельные Бирминги, то где гарантия, что нет и поддельных конгрессменов? (Оживление и смех на скамьях слева; оглушительный свист, выкрики справа.) Взять, к примеру, коллегу О. Нэддере... (При упоминании этого имени одни депутаты разразились аплодисментами и одобрительными возгласами, другие принялись громко выражать недовольство. В конце концов любопытство взяло верх, установился относительный порядок и Харрусон смог продолжать.) До сих пор мне казалось, что он появился на свет, как и все прочие смертные; в младенческом возрасте пищал, как и все сосунки, требуя материнскую грудь; в отроческие годы любил играть в салки, порезвиться, и если порой ему приходилось ссориться и даже драться со своими сверстниками, то он, хоть и мнил себя бесстрашным героем, никогда не горел особым желанием сложить свою голову в какой-нибудь стычке... (Нэддере пытается протестовать, но на левом крыле его резко осаживают. Новый взрыв возмущения...) Юношей он по уши влюбился в стройную белокурую красавицу, взял ее в жены, и она родила ему целую кучу малышей. Да, так я полагал до самого последнего момента. Однако теперь, услышав, что конгрессмен Нэддере ратует за истребительную войну, я вправе предположить, уж не имеем ли мы дело с искусственно созданным биороботом? Да, да! Этот конгрессмен сошел с конвейера одного из тех военных заводов, акции которых хранятся в его сейфе! (По залу прокатилась волна глухого ропота, перешедшая в невообразимый гвалт.)

Оратору приходится перекрикивать разбушевавшихся депутатов:

— Все части его организма были подвергнуты термической обработке и основательной закалке. Несмотря на эти меры предосторожности, он уязвим даже для обычной пули, не говоря уже о чем-нибудь другом! Какой бы непроницаемой ни была кожа искусственно сфабрикованного конгрессмена, она не в состоянии заменить брешь!

Последние слова Харрусона потонули в сплошном гуле возмущенных голосов. Скандал достиг своего апогея. В ряде мест словесная перепалка перешла в открытую потасовку. Председательствующий вынужден был закрыть заседание.

КРОНИКЛ

„ПОЛКОВНИК“ СТЕППО ПРЕДЛАГАЕТ СВОИ УСЛУГИ ВОЕННОМУ МИНИСТЕРСТВУ

«Правительство может рассчитывать на моего шефа», — заявил уполномоченный знаменитого «полковника» Степпо.

«Полковник» Степпо — кличка небезызвестного Г. Хабаноса, знаменитого главаря шайки гангстеров. О нем ходят различные кривотолки: одни утверждают, что он откупился от правосудия за баснословную сумму; по словам других, его боевые заслуги в колониальных войнах отмечены высокими правительственными наградами. Как бы то ни было, только этим можно объяснить полную беспомощность полиции, так и не сумевшей обнаружить виновных в ограблении «Граан банка» и в злодейском убийстве на площади Тэррин. Между тем даже профанам было очевидно, что

и в том и в другом преступлении замешан пресловутый «полковник» Степпо.

Свою кличку Хабанос получил еще в те времена, когда находился при штабе экспедиционного корпуса и участвовал в зверском подавлении партизанского движения в Юго-Восточной Азии. Самозванный «полковник» никогда не был офицером, но за «успехи в истреблении туземцев» неоднократно удостоивался высоких боевых наград.

Из достоверных источников стало известно, что уполномоченный «полковника» явился в военное министерство и вручил следующий меморандум своего шефа:

«Предлагаю себя для формирования идеальной армии и надеюсь, что микланское правительство учтет мои заслуги и долголетнюю безупречную службу. Мой рост 192, плечи — косая сажень, зубы — без единого дупла, ни предсмертный хрип, ни смертельная опасность не в состоянии согнать улыбку с моего лица. Атлетическое сложение и высокий моральный дух, изворотливость, ловкость и отвага, граничащая с безрассудством, общеизвестны. Я, полковник Степпо, — живое олицетворение карающего меча современной цивилизации, идеал молодежи и кумир женщин, заклятый враг всех цветных, иммигрантов, иноверцев, любовью антимиклански настроенной партии и личности. Мне тридцать три года, я холост, родился в штате Стиар. Родители умерли, когда я был еще подростком. Но укокошил их не я, хотя они мне порядком осточертели, пичкая порошковым молоком с сахаром меня, полковника Степпо, который, подобно удаву, предпочитает проглотить жертву живьем! Короче, у меня все шансы быть репродуцированным по методу профессора Бирминга. Полагаю, что каждый отдельно взятый полковник Степпо будет носить знаки отличия,

коими удостоен я, поэтому я намереваюсь предстать перед бюрокамерами при всех регалиях. Поскольку ни одна армия не может состоять из одних полковников, прошу каждому четвертому Степпо присвоить звание генерал-майора или генерал-лейтенанта. Чем больше генералов, тем боеспособнее армия. Жалованье, причитающееся всему личному составу армии, надлежит перечислить по меньшей мере за два года вперед на мой текущий счет: Б. 0/205 179, так как фактически всю армию буду составлять я один. Не исключено, что для сосредоточения в одних руках руководства всеми стратегическими операциями я потребую назначить меня на пост верховного главнокомандующего вооруженными силами Миклана, а также военного министра.

Одно только имя — Степпо из Миклана — повергнет в ужас весь мир. Нельзя допустить, чтобы столь выдающаяся личность всю свою жизнь занималась мелкими делишками с целью наживы! Мне требуется широкое поле деятельности, такой простор, где бы все мои дарования могли развернуться в полную силу, где создавались бы наиболее благоприятные условия для проявления ярких особенностей моей недожизненной натуры и самобытного характера.

Любого, кто недооценивает значение подлинной, ничем не ограниченной свободы независимой личности, ждет неминуемая смерть!

Железный кулак главнокомандующего Степпо сразит врагов! Микланцы, положитесь на меня!»

Наш корреспондент не располагает сведениями о реакции правительства (а также нынешнего военного министра!) на предложение полковника Степпо. Из-

вестно только, что Степно не указал срока, в течение которого правительство обязано ответить на его меморандум. Это в известной мере облегчает задачу официальных органов.

Слабенден

**ПРОФЕССОР БИРМИНГ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОС:
„СУЩЕСТВУЮТ ЛИ БИОРОБОТЫ?“**

В связи с упорными слухами, будто некие искусственно созданные люди развили таинственную деятельность, наш корреспондент обратился за разъяснениями к профессору Бирмингу. Ему посчастливилось встретиться с ученым в зале «Хиддард» на митинге, проходившем под лозунгом «Свободу 25 студентам университета!»

— Уважаемый профессор, на Бодиэнском конгрессе вы говорили о возможности создания теледвойников. Нас интересует, существуют ли уже такие двойники и каким образом их можно распознать?

— Суть моего открытия упорно извращают. На Бодиэнском конгрессе я уже говорил, что так называемого теледвойника нельзя создать из ничего. Теледвойник — живое существо, второй, третий, четвертый и т. д. экземпляр какого-то конкретного лица. Поэтому ваш вопрос правильное было бы поставить так: «Видел ли кто-нибудь одного человека, размноженного в нескольких экземплярах?» или «Есть ли у какого-нибудь определенного лица его двойники?»

— Значит, искусственно созданных людей пока нет?

Профессор Бирминг усмехнулся:

— Вы уже читали выступление денутата Харрусо-на на сессии конгресса?

— Разумеется.

— Тогда вам должно быть известно, что искусственно сфабрикованные люди, хотя я еще и еще раз отмежевываюсь от подобного определения, оказывается, все-таки существуют. Каковы же их отличительные черты? Что касается конгрессмена Нэддере, то Харрусон исчерпывающе и весьма убедительно охарактеризовал его. Но постараемся глубже вникнуть в суть дела. Искусственный человек обладает лишь физиологическими свойствами. Следовательно, ему присущи инстинкт утоления голода, жажды и т. п. По своему внешнему виду биоробот ничем не отличается от обычного человека: он тоже читает газеты, ночью храпит, утром выводит свою собаку на прогулку. Что же все-таки отличает его от обычного человека? То, что его жизнь протекает как бы машинально, он не задумывается над ее смыслом и целью, не в состоянии проанализировать собственное поведение, предвидеть последствия своих поступков, то есть все его бытие носит чисто механический характер.

— Вполне согласен с вами, господин профессор. Но все же хотелось бы услышать определенно: есть теледвойники или нет?

— Вы же знаете о расторжении мной контракта с правительством. Я наотрез отказался сообщить какие-либо технические данные, относящиеся к изобретению. Это значит, что теледвойники не могут появиться до тех пор, пока правительство не обязуется использовать мое открытие только в мирных целях.

— Не считите меня назойливым, господин профессор, но вокруг вашей собственной персоны ходит

много кривотолков. Одни уверяют, что существует один профессор Бирминг. Другие...

— Можете не продолжать. С некоторых пор состояние моей психики стало предметом пристального внимания досужих людей. Смею вас уверить, попытки подобного психоанализа ни на чем не основаны. Что же касается утверждения, что, помимо меня, существует еще несколько Бирмингов, то я почел бы за счастье встретиться с ними.

— Последний вопрос. Как вы полагаете, увенчается ли успехом борьба за освобождение арестованных студентов?

— Я ученый и всю жизнь верил в торжество разума и справедливости.

— Благодарю вас, господин профессор.

МИКЛАНС ФЬЮЧЕР

АРЕСТ УЧЕНОГО СЕКРЕТАРЯ ПРОФЕССОРА БИРМИНГА!

По окончании митинга солидарности, проведенного в зале «Хиддарт», профессора Бирминга видели вместе с его секретарем Ниллом Керсеном. Как нам только что сообщили, сегодня после полудня полиция арестовала Нилла Керсена. О причинах ареста и обстоятельствах, предшествовавших ему, до сего времени ничего не известно.

Последнее заявление «профессора Бирминга» меня заинтересовало. Значит, теледвойник категорически отвергает версию о своем умопомешательстве и в то же время отрицает

существование двух Бирмингов. Какие же цели он преследует? Новая неразрешимая загадка. Непонятно также, почему он до сих пор разгуливает на свободе, а Нилл Керсен арестован.

Я решил не мешкая доискаться истины, выяснить наконец, в чем дело. У меня и раньше были все основания тревожиться за судьбу близких мне людей; арест Нилла Керсена только усугубил мою тревогу. Терпению пришел конец. Мысль, что от того, другого Бирминга зависит моя дальнейшая судьба, приводила меня в отчаяние. Однако чего же, собственно, я хочу? Мне и самому это было не совсем ясно. Несомненно только одно: нужно что-то предпринять.

Я начал лихорадочно размышлять. Все мои мысли сосредоточились вокруг разыгравшихся событий. Перебирая их в памяти, я все искал выхода из тупика, но тщетно: слишком много появлялось всяких «случайностей», сводивших на нет заранее намеченный и, казалось бы, продуманный план дальнейших действий. Кое-что не вызывало у меня ни малейших сомнений, тогда как многое по-прежнему оставалось неясным. Почему, например, правительство упорно держит в секрете какие бы то ни было сведения? Почему теледвойник до сих пор не задержан? Какой неожиданный для меня оборот приняло это дело! За что, наконец, арестован Нилл Керсен? Тут же я подумал о другом, не менее важном деле: надо во что бы то ни стало встретиться с Лиан и предостеречь ее от общения с «репродуцированным Бирмингем». Теперь, когда близким людям угрожает опасность, я не вправе больше скрывать от них правду.

Но возникало новое осложнение: не станут ли вновь приставать ко мне с назойливыми расспросами, не повредит ли делу то, что я самовольно выйду из дому? Как показали последующие события, мне не пришлось раскаиваться в принятом решении. Да и не мог я больше находиться в бездействии! Я сидел как на иголках и с каждым часом становился все нетерпеливее.

К вечеру меня немало изумила необычная многословность Давида. Когда я справился, в порядке ли машина, Давид — такое случалось с ним крайне редко! — неожиданно заинтересовался:

— Уж не собирается ли господин профессор ехать куда-нибудь?

— Вот именно. А что?

— Господин профессор, верно, запомнил о своем распоряжении сказать репортерам, что его нет дома, но я точно выполнил поручение.

— А они до сих пор торчат у подъезда?

— Они решили дожидаться вашего возвращения. Уселись на лестнице.

— Вот незадача! Неужели они просидели всю ночь?

— Кто их знает, господин профессор. Может, и так. Число их оставалось неизменным, но лица менялись.

— Вы хотите сказать, что на смену одним приходили другие?

— Совершенно верно, господин профессор. Осмелюсь спросить, вы не рассердитесь, если я кое-что скажу?

— Конечно, нет, Давид, говорите смело, не стесняйтесь.

— Господин профессор, эти молодчики не настоящие репортеры.

— То есть как не настоящие? — Мне вспомнились крикливые заголовки газет о таинственных двойниках, я уже совсем было собрался отчитать Давида, но в моем голосе зазвучали скорее умоляющие, чем гневные, нотки:

— Бог мой, значит и вы о том же? Как это не настоящие?

Давид искоса взглянул на меня, в глазах его светился странный огонек. Я понял: Давид догадался, на что я намекаю, он знает решительно обо всем.

— Нет, господин профессор, это не то, что вы имеете в виду. Я этому ни на грош не верю.

— Чему именно?

— Стоит ли об этом толковать, господин профессор...

— Нет, мне интересно, что же именно я имел в виду? Чему вы не верите?

— Наша экономка вчера жаловалась. Оказывается, у бакалейщика все подтрунивают над ней: мол, она не та, за кого себя выдает, а искусственная, потому как господин профессор маг и волшебник...

— Волшебник?

— Право, они ее до слез довели: заладили, что господин профессор маг и волшебник, и все тут. Какой-то бесстыжий пытался даже пощупать ее своими лапищами, чтобы убедиться, всамделишная ли она. Ну, уж тут она сумела постоять за себя! Вы же знаете, какая она добродетельная женщина, наша экономка Стреме. О ней не скажешь, что она дитя несмышленое, да и язык у нее подвешен так, что дай боже...

Да... А все же я скажу: никакие они не журналисты.

— Как вас понять, Давид? Только что вы уверяли, что не верите в волшебников...

— Ну да, не верю. Я ведь что хочу сказать? Вовсе они не репортеры, а сыщики.

— Почему вы так думаете?

— Я узнал одного из них. Еще с прошлого года помню, когда расследовали убийство.

— Какое убийство?

— Разве вы забыли, господин профессор? Старика Ганделлера прикончили в особняке, что на углу Крети и Френолли. Вы и старика не помните?

— Никогда о нем не слыхал.

— Хороший был человек, царство ему небесное. На деньги позарились, вот и убили...

— Хорошо, хорошо, что еще говорят у бакалейщика?

— Всякий вздор. Дескать, каждому работяге придется теперь вкалывать как бы за десяти-рых, поскольку-де его размножат в десяти экземплярах, а получать жалованье он будет на одного...

— Значит, они, по-вашему, сыщики?

— Как пить дать, господин профессор, можете не сомневаться.

— А за черным ходом они тоже наблюдают?

— В сад я их не пустил. Но, кто их знает, может шпики подстерегают вас за пригорком. Пойти поглядеть?

— Нет нужды, Давид. Там они или нет, все равно я должен идти. Мне нечего их бояться. Может, они вовсе и не за мной следят.

Заметив во взгляде Давида плохо скрывае-

мое любопытство, я решил растолковать ему смысл своих слов:

— Видите ли, возможно, им поручили оберегать меня от назойливых репортеров и непрошенных посетителей. Вы же сами рассказываете, что всякие вздорные слухи и вымыслы в связи с моим изобретением взбудоражили людей и посеяли немалую смуту. Машина заправлена?

— Сию минуту узнаю, господин профессор. Вызвать шофера?

— Нет, я поведу сам.

Все, что я сказал Давиду о детективах, не было простой уверткой. Я не сомневался, что они выслеживают моего теледвойника, с тем чтобы схватить его, если он «вернется домой». Вот почему я совершенно спокойно, по крайней мере внешне, направился к выходу. Правда... Если уж быть откровенным до конца, то признаюсь, спокойствие это не было таким уж безмятежным. Я все время помнил, что «репродуцированный Бирминг» внешне — моя точная копия, вылитый мой портрет, особенно когда молчит... Но стоит только ему заговорить, и его сразу же можно отличить от меня, он начинает рассказывать такое, о чем я никогда не стал бы распространяться. Возможно, ему удалось отвести от себя подозрения именно потому, что он столь пространно говорит об изобретении. В самом деле: кому придет в голову, что какой-то аппарат, сделанный руками человека, станет выдавать себя за изобретателя, который его создал?!

Не успел я выйти, как вооруженные фотоаппаратами детективы, словно по команде, бросились ко мне и, окружив плотным кольцом,

рьяно пытались протиснуться как можно ближе. Форменная свалка и даже потасовка, которую они устроили вокруг меня, не походила на действия полицейских. «Может быть, Давид все-таки ошибся? — подумал я. — Или они пока не раскрывают своих подлинных намерений?» Как бы там ни было, придется сделать вид, будто я ни о чем не подозреваю. Поэтому, упорно пробиваясь к машине, я безмятежно произнес:

— Чудесная погода, не правда ли, джентльмены?

Мнимые журналисты даже опешили от неожиданности. Услышав столь глубокомысленное высказывание, произнесенное непринужденным тоном, они невольно посторонились, уступая мне дорогу.

До квартиры Лиан меньше четверти часа езды на машине. При въезде на проспект Клен пришлось переждать у светофора. В бесконечной веренице застопоривших машин, в третьем или четвертом ряду позади себя, я увидел небольшой спортивный автомобиль салатного цвета, неотступно следовавший за мной с самого проспекта Крети. Это меня не удивило. Если в машине действительно находились профессиональные репортеры, то они с присущей им настойчивостью и хваткой обязательно следовали бы за мной. Однако у Римерских ворот удалось оторваться от преследовавшей юркой машины. Едва я успел проскочить зеленый светофор, как вспыхнул красный сигнал и ехавшие следом машины резко затормозили.

Я решил проехать через Национальный парк. Правда, этот путь несколько длиннее, зато движение там меньше. Лиан имела обыкновение от-

правляться в театр в самую последнюю минуту, и я рассчитывал застать ее дома. Однако непредвиденные обстоятельства задержали меня в парке несколько дольше обычного. За Лебединым мостом мне пришлось затормозить: всю проезжую часть дороги заполнила колонна медленно двигавшихся людей. Подъехав поближе, я увидел, что это шла молодежь — юноши и девушки. Их было человек двести. Не требовалось орлиной зоркости, чтобы заметить конных полицейских, с обеих сторон попарно патрулировавших аллею, по которой направлялись демонстранты. «Гм, полицейский кордон — испытанное средство правительства против любых массовых выступлений», — подумал я. Молодые демонстранты расступились, пропуская машину, и все же я с большим трудом продвигался сквозь их ряды. Вдруг кто-то произнес мое имя. Я невольно оглянулся, резко затормозив машину. Студенты университета — а это оказались именно они — толпой окружили машину и стали... вполголоса провозглашать лозунги. Да, да, они скандировали их почти шепотом. Негромкие возгласы юных демонстрантов звучали как доверительные, дружеские обращения:

— Да здравствует профессор Бирминг!

— Мы с вами, профессор!

Кто-то громко крикнул:

— Идемте к театру!

Заметив знакомые лица студентов с факультета электроники, я вышел из машины.

— Куда вы собрались, друзья? — обратился я к возбужденным, раскрасневшимся студентам, стараясь своим тоном как-то успокоить их.

— В театр! — решительно ответила девушка в полотняной шапочке.

— Какой же именно?

— В театр «Орма».

Какое совпадение! Именно в этом театре выступает Лиан.

— Профессор, может быть, вы скажете что-нибудь?

— Да, да, нам так интересно вас послушать!

Вероятно, со стороны это зрелище казалось не только весьма необычным, но и несуразным: по обочинам аллеи, держась на почтительном расстоянии, будто оказавшись там чисто случайно, картинно гарцевали конные полицейские, а посредине шествовали разгоряченные девушки и юноши, вполголоса скандируя какие-то лозунги.

— И полицейские с вами? — спросил я простодушно. Ничего умнее не пришло мне в голову.

— Они боятся, как бы наше шествие не приняло характер политической демонстрации. Но мы ведь только прогуливаемся по парку, — широкоплечий юноша нетерпеливо встряхнул головой. Трудно было понять, что означал этот жест: то ли протест против полицейских, то ли решимость действовать наперекор всему, с каким бы риском и опасностями это ни было связано.

— Профессор, просим выступить!

— Просим, просим! — раздавалось со всех сторон. Растерявшись, я не знал, как поступить в столь необычной обстановке.

Окружившая меня толпа студентов образовала пробку: сзади нетерпеливо сигналили.

Пришлось перейти на тротуар. Однако от этого положение несколько не улучшилось. До сих пор не представляю, как это ей удалось, но откуда-то сбоку вынырнула юркая спортивная машина салатного цвета и остановилась рядом с нами. Несколько репортеров, или подосланных под видом журналистов агентов полиции, защелкали затворами фотоаппаратов перед самым моим носом.

— Друзья мои, надо всячески избегать столкновения с полицией.— Я пытался увещевать молодежь.

— Э, не беспокойтесь! Мы их обведем вокруг пальца,— и уже знакомый мне юноша кивнул в сторону полицейских.— Сделаем вид, словно прогуливаемся не спеша, и тем временем потолкуем.— Повернувшись к стоящему рядом студенту, он скомандовал:— Передай по рядам! Без лишнего шума! — Затем вновь обратился ко мне: — Поговорим по душам, профессор, а потом проводим вас к машине, не бойтесь.

При этих словах я горько усмехнулся.

— О чем же мы потолкуем?

— Вы же сделали колоссальное открытие! А ваша смелая борьба против нашего реакционного правительства?! Вот и расскажите нам об этом, дорогой профессор.

Подумать только: дорогой профессор! Это уже что-то совсем новое.

Репортеры с настораживающей поспешностью записывали что-то в свои блокноты, поэтому я решил прибегнуть к тактической уловке — чему только не научишься, попав в такой переплет!

— Сначала я предпочел бы послушать вас, господа.

— Пожалуйста, господин профессор, будем очень рады.

— Что вы намерены делать в театре?

— Там будет спектакль, а затем дискуссия о роли искусства в борьбе за мир,— ответила девушка в полотняной шапочке.

От толпы отделился молодой, но уже лысеющий юноша. Непомерно вздернутый нос придавал его лицу какое-то детское выражение.

— Настало время, когда в борьбе за мир надо использовать все возможности. В этом, господин профессор, мы целиком на вашей стороне. Вы не одиноки в своей борьбе.

— Очень мило с вашей стороны! Право, вы меня даже растрогали. Ну-с, а на что же вы рассчитываете? К чему может привести ваша позиция?

— Мы рассчитываем добиться многого. Прежде всего надо вынудить правительство дать твердую гарантию, что ваше открытие будет использовано только в интересах мира и прогресса.

— Так что же, друзья, вы развернули кампанию протеста во имя прогресса науки?

— Вот именно!

— Тогда позвольте вас спросить: зачем понадобилась эта манифестация?

Мой наивный вопрос вызвал сочувственные улыбки на лицах студентов. Некоторые даже добродушно засмеялись. Тотчас же послышалось:

— Тсс! Не шуметь!

— На улице поется лучше,— задорно ответила девушка в полотняной шапочке.

— Правда, профессор, мы поем народные песни. Против них даже конная полиция вряд ли может возражать.

— Итак, песня на благо науки и прогресса? — Я иронически улыбнулся.

— Можно сформулировать и так, господин профессор.

— Черт возьми! Недурно бы написать диссертацию на тему: роль песни в развитии науки!

Как ни парадоксально, мой иронический совет вовсе не был воспринят слушателями как насмешка. Студентам, развернувшим широкую кампанию солидарности с профессором Бирмингем, и в голову не приходило, что этот самый профессор способен их высмеять! Со мной случилось точь-в-точь, как с тем сказочным героем, который хотел отодрать репей, а тот в ответ больно уколол его руку своими колючками!

Все это время репортеры непрерывно щелкали затворами фотоаппаратов и усердно записывали в свои блокноты все, что им удавалось услышать. До самого последнего момента я старался держать их поодаль и не допускать до разговора со студентами. Заметив, какие отчаянные усилия делают журналисты, чтобы протиснуться ко мне, я решил во что бы то ни стало избежать интервью, не сулившего ничего, кроме неприятностей, и обратился к окружающим:

— Вы обещали проводить меня до машины.

— А вы тоже в театр, господин профессор? — оживленно откликнулись студенты.

— К сожалению, я уже приглашен в другое место.

— В таком случае до свидания, господин профессор.

— Бирмингу ура!

Включив мотор и дав газ, я с тоской, внезапно сжавшей сердце, подумал, что все слова одобрения и похвалы адресованы вовсе не мне. Мое место там, в лаборатории, где я должен работать, но это исключено, так как тот, другой «Бирминг», расторгнул контракт с правительством. Пока его не схватят, нечего и думать о возобновлении экспериментов.

Свернув в боковую аллею, машина миновала конных полицейских и остановилась у дома Лиан. Я вышел не сразу. Меня задержало сообщение, передаваемое по радио (приемник смонтирован на щитке машины):

«Как мы уже сообщали, сегодня во второй половине дня в Национальном парке было намечено студенческое шествие. Узнав о мерах, принятых полицией, Молодежный комитет защиты профессора Бирминга вынужден был отменить демонстрацию, обещавшую быть весьма многолюдной. К вечеру через парк прошла небольшая колонна — не больше двухсот демонстрантов. Они с пением направились к театру «Орма». Патрулировавшие поблизости полицейские не делали попыток рассеять демонстрацию. Вскоре в Национальном парке появился профессор Бирминг. Корреспондентам газет и фоторепортерам удалось запечатлеть его в тот момент, когда он выражал свое разочарование по поводу малочисленности демонстрантов. Когда студенты заверили Бирминга в

своей солидарности с ним и заявили, что в своей борьбе он «не одинок», профессор обвел взглядом собравшихся и с явной иронией заметил: «Не одинок, говорите?» Очевидно, он намекал на их явную малочисленность, рассчитывая, вероятно, на более внушительную поддержку. Чем иным, как не разочарованием и недовольством, можно объяснить его отказ от участия в дискуссии в театре, хотя он и сослался на занятость?

Мы вправе задать вопрос: дают ли основание все эти симптомы надеяться, что ученый отойдет от той воинственной позиции, которую он занял в последнее время?»

Я осмотрелся. Маленькая спортивная машина салатного цвета исчезла.

2

Лиан я застал дома, но, к сожалению, она была не одна. В комнате находились незнакомый мне полный, круглолицый господин и такая же кругленькая женщина с пухлыми щеками и гладкой прической, удивительно похожая на него. «Брат с сестрой или супруги», — подумал я. Как известно, долгая совместная жизнь часто делает людей удивительно похожими друг на друга. Надежда на то, что Лиан познакомит нас, сразу же исчезла, они встретили меня как доброго старого знакомого.

— Хелло, профессор! — Когда мужчина поднялся с кресла, он уже не казался таким круглым. Рукопожатие его было по-мужски креп-

ким, и в манере держаться чувствовалась известная подтянутость.

Женщина тоже приветливо протянула мне руку и только было хотела что-то сказать, как Лиан, та самая Лиан, об учтивости и скромности которой ходили целые легенды, моментально перехватила инициативу. Столь необычная расторопность всегда служила явным признаком того, что она взволнована.

— Господин Ливенс с супругой любезно предложили проводить меня в театр. Может быть, и вы, Денни, присоединитесь к нам? Присядьте же. Ведь в нашем распоряжении еще несколько минут. Ну, так как? Поедете с нами?

Мне почему-то показалось, что Лиан, как бы угадав мои мысли, тоже стремилась к тому, чтобы мы остались вдвоем. Что же она могла разузнать? Ливенс... Кто он, этот Ливенс? Ливенс, театр... Вспомнил! Ну, конечно, Ливенс — автор пьесы, в которой Лиан еще летом репетировала главную роль. Правда, название пьесы я так и не припомнил, но по крайней мере выяснил, с кем имею дело. Очевидно, на моем лице отражались мучительные раздумья и озабоченность, потому что Ливенс и его супруга тактично помалкивали. В поведении Лиан, в каждом ее движении угадывалось напряженное, явно напускное спокойствие. Поэтому я решил любыми путями незаметно выведать, встречалась ли она с теледвойником.

— Сопровождать такую знаменитую актрису? Почту за честь.

Мои слова прозвучали столь неестественно, что я боялся, как бы это не бросилось в глаза присутствующим. Пытаясь сгладить не-

ловкое впечатление, я с деланным оживлением продолжал:

— Мы не виделись целую вечность... — я на мгновение умолк в надежде, что паузу заметит только Лиан, и хотел было добавить, как бы поясняя: «...на сцене». Но в горле у меня что-то застряло, пауза настолько затянулась, что я невольно проглотил конец фразы. Меня буквально лихорадило, огромным усилием воли я сдерживал желание броситься к Лиан и крикнуть: «Ну, выскажись сама и выслушай же меня!» И хотя было произнесено всего несколько слов, казалось, что мы уже целую вечность ведем праздный, пустой разговор о ничемных, никому не нужных вещах и зря тратим драгоценное время. Я мучительно ломал голову, как бы остаться с Лиан наедине хотя бы на несколько минут.

Лиан с напускной строгостью взглянула на меня, ее глаза широко раскрылись от удивления. Как всегда в такие минуты, на губах у нее играла легкая улыбка, что придавало ее подвижному лицу выражение то ли снисходительно-насмешливое, то ли задумчивое.

— Вот как, целую вечность? — протянула она затем, словно давая понять, что уж кто-кто, а она отлично уловила скрытый смысл слов, но по понятным причинам лишена возможности ответить на них прямо, тотчас замкнулась и как-то неопределенно проговорила:

— Ну что ж, может быть, и так. — И, словно найдя ответ на мучивший ее вопрос, уже для проформы переспросила:

— Так вы едете с нами?

— Разумеется, — с живостью ответил я, надеясь по дороге перекинуться с ней хоть несколькими словами. И только в этот момент сообразил, какую допустил ошибку! Раз Лиан не представила меня супругам Ливенс, ясно, что они уже знакомы со мной, то есть с моим двойником, который, конечно, лучше моего осведомлен о сегодняшней встрече. А что, если он тоже пожелует в театр? Вот это будет номер! Более нелепой ситуации трудно придумать! Значит, мне нельзя ехать в театр.

— По-моему, — вдруг произнес Ливенс, — вы совершенно правы, господин профессор. — И он многозначительно посмотрел на меня.

— Что вы имеете в виду? — спросил я с плохо скрываемым удивлением. Несмотря на то что чета Ливенсов была мне симпатична, я недоумевал, что нового они могут сказать мне. Знакомое чувство: и раньше, бывая в обществе, я не раз испытывал нечто подобное. Почти всегда мне удавалось предугадать вероятный ответ или смысл высказываний своих собеседников. Не могу сказать, что подобное занятие забавляло меня, — скорее утомляло. В теперешней ситуации я чувствовал свою беспомощность, приходилось постоянно быть начеку, так как любое, даже случайно оброненное слово могло иметь для меня существенное значение.

— Я много размышлял над тем, что вы сказали, профессор...

Если бы я только знал, что и когда «я сказал»!

— ...об искусстве и политике. Мы, люди искусства, и в самом деле часто стараемся отгородиться от политики, опасаясь, как бы она

не обеднила наше творчество. А между тем именно стремление уйти от политики сужает идейное содержание произведения, снижает его художественную ценность. Разве в самой жизни мы не встречаемся с проявлениями политики на каждом шагу?! Мы каждодневно сталкиваемся с ней повсюду! Политика — может быть, это звучит несколько парадоксально, но я все же позволю себе употребить пришедшее на ум выражение, — уже давно перестала быть предметом чистой политики.

После некоторого раздумья он добавил:

— Искусство всегда изображает живых людей. Но живых людей можно изображать лишь до тех пор, пока они живы...

Эта фраза, должно быть, особенно понравилась ему, и он еще раз повторил:

— Вот именно, живы!..

Все это время Лиан тихо разговаривала о чем-то с женой драматурга, но — так мне показалось — все свое внимание сосредоточила на мне, неотрывно следя за нашей беседой.

Ливенс вопросительно взглянул на меня, как бы ожидая одобрения.

Откашлявшись, я сдержанно ответил:

— К сожалению, искусство — не моя сфера.

Ливенс разочарованно махнул рукой.

— Помнится, в прошлый раз, профессор, вы выражались куда определеннее, с такой горячностью отстаивали свои убеждения! Даже, как видите, сумели убедить и меня.

— Очень приятно, — ответил я.

— Дорогой мой, ты репетируешь свое выступление? — ласково спросила госпожа Ли-

венс. В противоположность взволнованной, страстной речи драматурга от ее мягкой манеры говорить веяло невозмутимым покоем, как, впрочем, и от всей ее кругленькой фигурки, и только выразительный взгляд серых глаз свидетельствовал о том, что весь этот иронический топ призван ловко маскировать полную солидарность с мужем.

Услышав замечание госпожи Ливенс, я вздрогнул, словно на меня вылили ушат холодной воды. «Дорогой мой, ты репетируешь свое выступление?» Прямо не в бровь, а в глаз! Чувствуя, как бледнею, я быстро заговорил:

— Разумеется, я весьма польщен, что мне удалось... склонить вас на свою сторону... что возвышенные идеи нашли отклик... хотя вы, по видимому, не сразу всецело разделили их... но теперь это стало вашим убеждением... Хотя и говорят, сколько на свете умов, столько и мнений. Может быть, поэтому и истин много.

Ливенс вновь оживился.

— Как сказать, профессор...

Лиан все чаще поглядывала на часы.

— Вы знаете, мне захотелось с вами поспорить,— продолжал Ливенс.— В частности, и по поводу этой истины тоже.

Я в недоумении уставился на него, широко раскрыв глаза.

Ливенс слегка покраснел и, чтобы скрыть смущение, обернулся к жене.

О господи, не была ли эта реплика отражением логики самого «репродуцированного Бирминга»? Какова же его точка зрения на истину? Подумать только, мой теледвойник претендует на право выражать собственное мнение...

Я помню, в тот злосчастный вечер, когда он стал одушевленным существом, я размышлял над тем, что никому нельзя навязывать свое собственное мнение... А теперь эти мысли нашли подтверждение в рассуждениях моего теледвойника! Кто знает, может, его образ мыслей и служит доказательством моей правоты... А может быть, мы с ним одинаково понимаем сущность истины...

Лиан встала.

— Нам пора ехать.

Я хотел было предложить свой автомобиль Ливенсу, рассчитывая, что в этом случае мне удастся поехать с Лиан в ее машине. Но она тихо обронила:

— Денни...— и, извинившись перед драматургом и его женой, снова обратилась ко мне: — Вы не смогли бы уделить мне одну минутку? Будьте добры, пройдемте в другую комнату. Мне нужна ваша помощь.

— Прошу прощения,— смущенно пробормотал я, поспешив за Лиан.

В волнении я чуть было не сноткнулся о толстый ковер, который когда-то — как давно это было! — мы с Лиан окрестили домашней эстрадой.

— Я очень рада твоему приходу, Денни. Давно ты не провожал меня в театр.

— Ты же отлично знаешь, Лиан, все эти дни я был занят...

— Об этом я и хочу поговорить. Неужели тебе не хочется поделиться со мной, излить свою душу?

— Я давно испытываю такую потребность.

— Ты стал очень странным...

Я ни на минуту не забывал, что должен во что бы то ни стало выяснить, что ей известно и чего она еще не знает. Ну, как рассказать Лиан обо всем, когда в нашем распоряжении были буквально считанные минуты?!

— Ты здоров? — участливо спросила Лиан, осторожно сняв ниточку с лацкана моего пиджака.

Мне сразу стало легче, как человеку, у которого вытащили глубоко сидевшую занозу. Нежное прикосновение ее руки не только избавило от боли, но и повергло в трепет мою душу. Однако предчувствие какой-то грозной опасности не проходило.

— Лиан! Ты не должна ехать в театр!

— То есть как?

— Это опасно! Ты же знаешь, какая беда стряслась с Ниллом.

— Позволь, но как связать это с тем, что ты говорил?!

— Я не помню, что говорил, — пытался я выкрутиться.

— ...Что любые неприятности ничто по сравнению с ужасами войны.

— Когда я это сказал?

Лиан в отчаянии ломала пальцы.

— Видишь, Денни! Нам надо серьезно поговорить. Просто сил нет! Вся эта неопределенность... Всего лишь вчера ты сказал...

«Значит, вчера она встречалась с теледвойником!»

— ...что нам надо порвать друг с другом. Ты был таким странным... Впрочем, ты и сейчас бледен.

— Лиан, я сказал, что нам нужно порвать?
Она оставалась неумолимой.

— Тебе это достаточно хорошо известно, не хуже, чем мне. Что ж, пусть будет по-твоему, Денни. С меня хватит.

— Хватит?

Мои вопросы, увы, не блистали остроумием, но каждый, кто способен представить себя на моем месте, поймет, в каком я был состоянии.

— Послушай, Денни. Еще вчера ты уверял, что собираешься в Молодежный клуб, и потому не можешь сопровождать меня в театр, а сегодня вдруг изменил решение... Что все это значит?

— А ты уверена, что я собирался идти в Молодежный клуб?

— Нет, я сама это придумала!

«Выходит, «репродуцированный Бирминг» сегодня чем-то занят и, следовательно, я могу проводить Лиан в театр. Но почему он хочет порвать с Лиан? Что движет им — чувство долга или ревность?»

— Уверяю тебя, Лиан, — ответил я, — все это проделки другого, «репродуцированного Бирминга».

Однако мои слова прозвучали столь вяло и невнятно, что Лиан, уже выходя из комнаты, их не расслышала.

3

После объяснения с Лиан я долго не мог успокоиться. В более спокойном состоянии я вряд ли рискнул бы показаться в обществен-

ных местах в тот самый момент, когда мой теледвойник, разгуливая на свободе, в любом месте мог внезапно появиться одновременно со мной. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, к каким опасным последствиям приведет наше «сосуществование», тем более что у меня было предостаточно возможностей убедиться в пронырливости вездесущих репортеров. Не скрою, я предчувствовал, что неизбежное объяснение с Лиан, безусловно, будет тягостным, но не думал, что оно закончится столь нелепо. К тому же... Да не сочтет читатель это пустым бахвальством, но во мне проснулось какое-то непонятное упрямство, желание действовать наперекор всему. Будь что будет! Какая-то неодолимая сила толкала меня навстречу суровой действительности. А может быть, в этом сказывалось подспудное желание доказать, что репродуцированный человек — это реальный факт?!

Да, тучи явно сгущались, все заметнее ощущалось, что против меня готовится какой-то заговор. Чем иным можно было объяснить упорное молчание правительства?

На секунду я даже подумал: а вдруг теледвойнику удалось убедить правительство, что подлинный Бирминг именно он, а не я. Ведь по внешним признакам нас совершенно нельзя отличить друг от друга... Что если его целеустремленная тактика — настойчиво выдавать себя за изобретателя телерепродуцированного человека — увенчалась успехом?!

Несомненно одно: я должен посрамить его любой ценой! Для этого сам факт изобретения нужно сделать достоянием гласности. Только я

могу доказать, что тот, другой Бирминг, выпешедший из повиновения, — бунтовщик. Черт возьми, но ведь и я, нарушив запрет властей, покинул жилище! Выходит, я тоже мятежник?

Меня крайне поразила и глубоко тронула неожиданная поддержка сотен людей. Нилл Керсен, арестованный, по всей вероятности, за антимилиитаристские взгляды, драматург Ливенс, студенты, с которыми я встретился в парке, — с каким воодушевлением вступили они в борьбу на «моей» стороне! Да и Лиан, с которой мы так нелепо «расстались», видимо, не только из чувства личной симпатии решила принять участие в публичной дискуссии, проводимой сегодня вечером в театре. Для ученого, погруженного в науку, сама тема дискуссии «Проблема мира и искусство» представляется довольно туманной. Что поделать, жизнь нередко подвергает нас, искателей неведомой истины, суровым испытаниям. Разве сам я не жаждал найти правду? А горестное сознание, что жизнь никогда не оправдывает чрезмерных надежд, что все в жизни — не что иное, как нагромождение несправедливостей, — разве это не вызывало чувство разочарования? Чем, как не вопиющей несправедливостью, является вероломство, и справедливо ли требовать от кого-либо верности?

* * *

Боюсь, что мне так и не удастся вспомнить, о чем мы беседовали с Ливенсом по пути в театр. Помню, госпожа Ливенс ехала в машине Лиан. Несомненно, Лиан нарочно так устроила. Интересно, удастся ли хотя бы в антракте

остаться с ней наедине? Необходимо как-то успокоить ее. А, впрочем, что значит успокоить? Разве симптомы нашего разрыва не появились задолго до всей этой истории? Конечно, я любил ее... Почему же все получилось так нескладно? Так и не сумели наладить нашу жизнь...

...Когда, подъехав к театру, я вышел из машины, у меня было довольно постное выражение лица. Пожалуй, правильнее было бы сказать, что на нем лежала «печать мрачной торжественности». Так выразился один доброжелательный и беспристрастный журналист, репортаж которого мне довелось позднее прочитать. Машина Лиан остановилась у служебного входа — им обычно пользовались артисты. С госпожой Ливенс мы договорились встретиться в ложе бенуара.

В фойе театра, куда мы вошли вместе с Ливенсом, невольно бросалась в глаза какая-то настороженность и вместе с тем приподнятость. Атмосфера, царившая в театре, ничем не напоминала обычную, когда подавляющую часть публики составляют изысканно одетые в вечерние туалеты пары, чинно разгуливающие по фойе. Сегодня театр заполнила оживленная, шумная молодежь. Даже я отметил, что, пожалуй, здесь можно было увидеть подлинных представителей масс. Молодежь, не признавая никаких церемоний, тесным кольцом окружила нас и, восторженно приветствуя, громко аплодировала. Ливенс с воодушевлением отвечал на приветствия, улыбался, махал руками, время от времени торжествующе поглядывая на меня.

Затем молодые люди учтиво расступились, пропуская нас вперед. По широкой лестнице, устланной пурпурной дорожкой, мы беспрепятственно поднялись в бельэтаж, отделанный деревянными панелями и ярко освещенный канделябрами. И только когда Ливенс предупредительно распахнул передо мной дверь ложи, я вспомнил, что даже не знаю названия его пьесы. Интересно, сколько в ней актов?

До начала спектакля оставались считанные минуты. Войдя в ложу, я вдруг почувствовал себя политическим деятелем, который только что возвратился на родину после длительной эмиграции и неожиданно узнал, что стал главой государства. Взрыв аплодисментов, которым было встречено мое появление, убедительно свидетельствовал о том, что внимание всего зрительного зала приковано к нашей ложе. Взволнованный и немного оглушенный, я не сразу заметил, что рядом сидит Дотти Скотт. Она тепло поздоровалась со мной, затем приветливо, как старому знакомому, кивнула Ливенсу. Мне захотелось как-то ободрить ее:

— Право, я весьма сожалею, Дотти...

Дотти расправила платье на коленях.

— Спасибо, профессор, ваш адвокат оказался очень опытным. Такой умница, очень активный, а главное, так близко к сердцу принимает дело Нилла! Я ему доверяю не меньше, чем вам!

«Ага, «мой Бирминг» подыскал для Нилла и адвоката!»

— Вы знаете, — продолжала Дотти, — он считает обвинения, предъявленные Ниллу, смехотворными и утверждает, что судебное разби-

рательство неминуемо обернется против самих же обвинителей.

Я так и не решился спросить, в чем обвиняют Нилла, — уж если «я» нашел ему адвоката, то непременно должен знать, за что он арестован. Меня — вот уж не ожидал! — даже в краску бросило. К счастью, свет в зрительном зале вдруг погас, и все погрузилось в спасительную темноту.

Случись кому-нибудь спросить меня о содержании пьесы Ливенса, которая шла в тот вечер, я попал бы впросак. Ставили «Дальнюю поляну». Драматург и постановщик спектакля как бы задались целью оказать на зрителя скорее эмоциональное, нежели интеллектуальное воздействие.

Во время спектакля мною овладело состояние, которое я обычно испытывал, слушая музыку. Нахлынувшие чувства рождали воспоминания, мысленно воскрешая картины прошлого. Возможно, подобное восприятие искусства не доставляет наивысшего художественного наслаждения, но, да простит мне Ливенс, на этот раз я не был расположен внимательно следить за событиями на сцене. Основная тема пьесы — романтическая любовь, зародившаяся где-то на затерянной лесной поляне и потом забытая. В поисках утраченного счастья герои пробираются сквозь непроходимую лесную чащу, призванную символизировать саму гущу жизни. Меня несколько удивил выбор именно этой пьесы для вечера, который закончится политическими выступлениями. Видимо, Ливенс еще не успел написать политической пьесы под идейным воздействием «репродуцированного

Бирминга». Однако, возможно, я слишком утрирую и все обстоит совсем не так.

Игра Лиан захватила меня, я не сводил с нее глаз. Проникновенный голос, пластичность движений и выразительные жесты актрисы приковывали внимание всего зрительного зала. Она безраздельно господствовала на сцене, резко выделяясь среди своих партнеров, но вовсе не оттесняя их на задний план. И если пьеса очаровала меня, то этим я обязан прежде всего впечатляющей игре Лиан. Казалось, она играет только для меня одного. Словами своей героини она как бы высказывала мне нечто сокровенное, и я, затаив дыхание, боялся пропустить хоть слово.

В ту пору, когда судьба свела меня с Лиан, мне казалось, что молодость уже прошла. Только теперь, оглядываясь назад, я убедился, что наивное представление о безвозвратно ушедшей молодости, столь свойственное ранней юности, глубоко ошибочно. Разве не бывает так, что, окидывая мысленным взором пройденный путь, человек понимает, что в какие-то моменты своей жизни он напрасно причислял себя к старикам, ведь счастье тогда было еще возможно... Пройдет какое-то время, и он поймет, что в ту пору он был не таким уж старым. И вновь: «Тогда я был хоть куда! Но теперь уже не то!..»

И так проходит жизнь. Неужели все позади, спросишь ты себя? Правда, я снискал себе громкую славу, судьба во всем благоволила ко мне, и стремительно мчавшиеся годы могли показаться счастливыми, если бы не томительное ожидание чего-то необыкновенного, несбы-

точного... Чего же я ждал? Человек не властен отрешиться от себя самого. От своего «я» не убежишь. Коли уж природа наделила тебя замкнутым характером, то чувство одиночества будет сопутствовать тебе всегда, его не избежать даже в компании добрых друзей, бессильна здесь и самая пылкая взаимная любовь!

Откуда оно, это одиночество? Не в силу ли неодолимой жажды совершенства? Человек всегда стремится к бесконечному, а в итоге вынужден признать, что представляет собой мельчайшую песчинку в океане бесконечности, недостижимой для него во всех отношениях... Что же это? Мысль о собственном ничтожестве? Возможно... В ту пору Лиан как бы почувствовала с недавшнее меня нетерпение, затаенное желание спасительного бегства. Ведь подчас человек убеждается, что уйти от самого себя невыносимо, и тогда впадает в безысходное отчаяние.

В маленькой уютной квартире на верхнем этаже, где я жил в те годы, меня окружала безотрадная, даже мрачная обстановка, хотя я не был стеснен в средствах и вполне мог устроиться с комфортом. Но такая мысль даже не приходила мне в голову. Как-то Лиан, в то время начинающая, но подающая надежды талантливая актриса провинциального театра, навестила меня. Она попеняла: «Ты живешь, словно транзитный пассажир! Почему бы тебе не устроиться поуютнее?» В следующий раз она притащила с собой красивые покрывала, изящные вазы, какие-то статуэтки и даже превосходно исполненную гравюру в надежде хоть как-то украсить мое скромное жилище.

В самом деле, «...словно транзитный пассажир». Почему жизнь складывается так, что я постоянно оказываюсь в положении временного жильца? Где бы я ни находился, все мне быстро приедается, тянет на новое место. Но и там все надоедает, хочется куда-то еще, и все начинается снова, словно возможно, чтобы когда-нибудь мне удалось оказаться одновременно «всюду» и тогда уgomониться! Тягостное чувство беспомощности, сознание одиночества, полной изоляции от остального мира были для меня сплошной мукой...

Внезапно я очнулся и без всякой связи вспомнил о своем теледвойнике. При одной мысли о нем мной овладело чувство бурного ликования и душевного подъема. А что, если я и ополчился против него только потому, что своим поведением он вынудил меня принять какое-то решение?!

4

— Нравится? — Ливенс по-своему истолковал мою задумчивость. Что ж, автору прости-тельно неосознанное тщеславие.

— Недурно, — отозвался я довольно сдержанно, избегая вдаваться в подробности и разбирать достоинства спектакля, дабы не осрамиться и не поставить себя в неловкое положение. К тому же я торопился к Лиан.

К сожалению, пройти к ней мне не удалось. Публика, дружно скандируя, долго не отпускала со сцены всех участников спектакля. Особенно много аплодисментов выпало на долю Лиан. Затем, к моему величайшему изумлению,

занавес не опустился, и на сцену вытащили длинный стол, за который прямо в костюмах уселись все участники спектакля.

— Дорогой мой, тебя ждут, — обратилась госпожа Ливенс к мужу.

— Да, да, — заторопился Ливенс и обернулся ко мне: — Уважаемый профессор, мне надо на сцену. По-моему, ваше место тоже там.

— Как, разве уже все? — пробормотал я, не решаясь прямо спросить, действительно ли спектакль окончился.

— Что вы хотите этим сказать? — Ливенс удивился.

— Как незаметно пролетело время, — вынужден был ответить я.

Ливенс довольно улыбнулся. По-видимому, он принял мои слова за комплимент.

Я взглянул на Дотти Скотт в надежде еще раз испытать то чувство покоя, которое исходило от нее и так поразило меня в момент нашей встречи. И вдруг мне пришла в голову счастливая мысль: если я не хочу окончательно разойтись с Лиан и потерять ее в этой многолюдной толпе, не лучше ли держаться к ней поближе? Лиан же находилась на сцене. Кто знает, удастся ли после диспута протиснуться к ней в этой сутолоке?

Я кивнул как бы в ответ на собственные мысли, и почти в то же мгновение в зрительном зале раздались громкие возгласы:

— Бирминга в президиум!

Что оставалось делать? «Ведь будет грандиозный скандал. Пожалуй, не стоило сюда приезжать», — промелькнуло в голове, а тем временем Ливенс уверенно вел меня по

запутанным лабиринтам служебных помещений. Едва мы вышли на сцену, как меня буквально ослепил яркий свет прожекторов. К счастью, кто-то догадался их выключить. И вот уже зрительный зал и сцена озарились ровным мягким светом.

Увы, меня усадили рядом с совершенно незнакомыми людьми. Лиан же сидела в противоположном конце стола. Ливенс шепотом представил меня соседям. Как выяснилось, сухоощавый старик, сидевший слева, оказался директором театра. Учтиво обменявшись с нами рукопожатием, директор театра тотчас обратился к зрителям. В кратких словах он выразил свою радость по поводу того, что ему выпало счастье приветствовать выдающегося борца за мир, уважаемого профессора Бирминга, «одно имя которого наполняет сердца молодежи безграничным воодушевлением». Слово «воодушевлением» он произнес несколько патетически, но вполне искренно.

После него от имени «Совета молодежи» собравшихся горячо приветствовала какая-то молоденькая девушка. Сообщив собранию, что свыше двадцати человек изъявили желание выступить в прениях, она попросила ораторов говорить строго по существу, дабы оставить время господину Ливенсу для заключительного слова. Затем она объявила дискуссию, посвященную пьесе драматурга Ливенса и взаимосвязи проблемы мира и искусства, открытой.

Большое оживление вызвало выступление первого же оратора — высокого худощавого юноши, говорившего прямо с галерки. Должно

быть, он находился там в самом последнем ряду, и зрителям, сидевшим в партере, то и дело приходилось вытягивать шеи, чтобы хоть как-то увидеть его. Вероятно оттого, что сам оратор сидел где-то под потолком, его зычный голос раздавался особенно гулко, и слова звучали особенно торжественно. Мне тоже не удавалось его рассмотреть, до тех пор пока он не вышел вперед. Опершись руками о барьер верхнего яруса, словно капитан о поручни боевого корабля, он говорил громко и уверенно, с бравадой, призванной, видимо, замаскировать волнение.

— Одаренный молодой поэт, — шепнул Ливенс.

Оговорившись, что он вовсе не намерен обижать остальных актеров и хоть в какой-то мере умалить их достоинства, поэт назвал Лиан величайшей актрисой, какую ему довелось видеть, а затем перешел к вопросу о взаимоотношении искусства и политики.

Не исключает ли одно другое? — спросил он аудиторию. Затем, попросив извинить его, поскольку, по-видимому, многие зрители с ним не согласятся, он заявил, что, по его мнению, подлинное искусство могут породить только великие страдания, а раз так, то какая же судьба уготована искусству в обществе, которое положит конец человеческим страданиям? Разумеется, сам он противник войны, почему и присутствует на данном диспуте, но он сомневается, не ослабнет ли воля человека, если с его пути исчезнут грозные преграды, будет ли радость полной и безграничной без ее антагониста — душевной боли?

Слова молодого поэта вызвали в зале глухой ропот возмущения. Едва он кончил, раздались сдержанные аплодисменты. Мне показалось, что в этом проявилось искреннее желание молодежи поначалу спокойно и по возможности беспристрастно выслушать все выступления. Поскольку оратор затронул творчество Лиан, председатель попросила актрису ответить на вопросы.

Немного смущаясь, Лиан вышла на трибуну. Она заговорила вполголоса, не так, как обычно на сцене. Мне показалось, что она всячески старалась ничем не отличаться от остальных, в ее манере держаться полностью отсутствовали всякая рисовка и нарочитость. Она и в самом деле была растрогана и скромно поблагодарила молодого поэта за столь лестный отзыв. Заранее извинившись, что на заданный ей вопрос она ответит по-своему, как сама это представляет, Лиан выразила опасение, что вряд ли ее ответ будет исчерпывающим.

— Я актриса, и мой творческий путь в театре начался не вчера... Не знаю, поймут ли меня, но служение искусству, свое призвание актрисы я не мыслю без постоянного ощущения чувства локтя, без солидарности между людьми. Правдивое исполнение любой роли предполагает глубокое проникновение актера в образ, психологию и внутренний мир изображаемого им героя, полное слияние с чужими судьбами. Я глубоко убеждена, что зритель, приходя в театр и испытывая истинное художественное наслаждение от спектакля, невольно начинает симпатизировать положительным героям пьесы и считать их недругов собствен-

ными врагами. Солидарность — святая святых искусства, его благодатная почва. Актер и зритель в равной мере сливаются с героями спектакля, ведь их судьбы, как бы они ни отличались от личной судьбы актера или зрителя, — это сама жизнь, а проявления всякой жизни родственны. Искусство — одна из замечательнейших форм проявления общественной солидарности!

«Да, должен признаться, мой теледвойник за такой короткий срок поработал на славу!» — подумал я, слушая выступление Лиан. Но я вынужден был признаться, что, хотя Лиан и не высказывала ранее определенных прогрессивных взглядов, она всегда относилась к своему призванию актрисы столь серьезно именно потому, что театральные подмостки и впрямь представлялись ей реальной жизнью. Каждый раз она выходила на сцену с таким чувством, словно там решаются судьбы мира, и в том числе ее личная судьба.

И все же сейчас, услышав из уст Лиан восхваление идеи коллективизма и общественной солидарности, я испытал неловкость. Мне показалось, что она несколько увлеклась, говоря о своем слиянии с образом героини и необходимости полностью раствориться в нем. Это неверно. Личность должна сохранять свои индивидуальные особенности, свои характерные черты, отстаивать принадлежащее ей по праву место в жизни.

Когда смолкли аплодисменты, Лиан продолжала:

— Что же касается второй части вопроса, который мне был задан, то, как мне кажется,

служению искусству действительно сопряжено со страданиями. Немалые усилия требуются от художника, который стремится овладеть материалом, реальной основой любого творчества, и как-то переосмыслить его. Материал подспудно сопротивляется, вырвать его из первозданного состояния, придать ему четкие формы — задача необычайно трудная.

Но естественно возникает вопрос: воздвигает ли новое, гармоничное общество преграды на пути художника? Нет. Как раз наоборот. В условиях нового общественного строя творческим порывам художника, или, если хотите, мукам творчества, открыт широкий путь. Однако я уверена, — в голосе Лиан зазвучала неотразимая сила внутреннего убеждения, — что творчество — это не просто душевные терзания, а преодоление мучительных сомнений художника в процессе созидания. Разве человеку не становится легче, если он в состоянии излить свою душу другим? Чувство радости усиливается, а боль утихает, как только мы разделим их с близкими. Поистине искусство издревле, с самого момента своего зарождения, всегда стремилось к тому, чтобы человеческие чувства и переживания волновали общество, увлекали его за собой. — При этих словах Лиан обвела взглядом зрительный зал.

Хотя за последние дни я перестал чему-либо удивляться, изумление, охватившее меня, заглушило тревожные мысли, и я попытался запечатлеть в памяти неожиданные высказывания Лиан. Зрители, затаив дыхание, ловили слова актрисы, их целиком захватила ее страстная идейная убежденность, внутренний

огонь и безграничная вера в правоту своих взглядов.

— Но нельзя забывать,— голос Лиан звучал с новой силой,— и о других муках и страданиях, по-моему, куда более страшных и нечеловеческих: ведь до сих пор существуют препятствия, мешающие свободно выражать наши чувства, настроения, мысли!.. Разве можно забыть о людях, безвременно погибших в чудовищно жестоких кровавых войнах, бушевавших на протяжении всей истории человечества?! Кто дает нам право забыть о талантах, погибших в самом зародыше из-за нищеты и бесправия! Страданиям и мукам такого рода не должно быть места в человеческом обществе!

Лиан на минуту умолкла.

— Вы только вообразите,— продолжала она проникновенным голосом,— какие перспективы откроются перед искусством в обществе, где будет полностью устранено все, что способствует проявлению низменных инстинктов, недостойных человека! В новом, гармоничном содружестве людей все будет способствовать воспитанию иных чувств, иных эмоций и вкусов. Людям будут прививаться самые благородные принципы морали.

Лиан села. На какое-то мгновение в зале наступила напряженная тишина. Казалось, кто-то бросил в глубокий колодец монету, и она стремительно летит вниз...

Я снова задумался... Так вот с каким энтузиазмом защищает Лиан взгляды моего двойника, того самого Бирминга, который, в сущности, порвал с ней! Вконец расстроенный, я вы-

нул записную книжку и, вырвав из нее листок, торопливо набросал несколько слов: «Лиан, нам нужно срочно переговорить. Я никогда не смогу расстаться с тобой, ты мне необходима». Сложив записку и крупными буквами написав «Лиан Дианн», я пододвинул ее к сидевшему рядом директору, давая понять, что прошу передать дальше. В студенческие времена на лекциях я этим же способом переписывался с Люси.

3

В ожидании ответа от Лиан я то и дело поглядывал на своего соседа. Внезапно мне послышалось, как кто-то произнес мое имя. В тот момент, кажется, все бы отдал, лишь бы остаться никем не замеченным зрителем, где-нибудь в самом последнем ряду партера! Увы, этому желанию не суждено было сбыться. Выступить мне все-таки пришлось...

Погруженный в тяжкие раздумья, я не сразу понял, к чему клонит высокий, смуглый мужчина, густой зычный бас которого доносился из глубины партера. «Интересно, о чем же он все-таки говорит? — с тревогой подумал я. — Неровен час, придется отвечать на вопросы, которых даже не слышал». К счастью, все обошлось благополучно: оратор достаточно четко сформулировал свою мысль.

— Пользуясь случаем, — заявил он, — прежде всего свидетельствую свое уважение высококочтивому профессору Бирмингу. Мне и моим товарищам хотелось бы узнать, что делается для скорейшего освобождения Нилла Керсена

и студентов университета, брошенных за решетку? Вот мы здесь разглагольствуем об искусстве, о высоком призвании артиста, а тем временем наши друзья томятся в тюремных застенках. Ясно, средства у нас весьма ограничены, но тем более надо использовать все возможности. Вот я и пришел за этим. К тому же мы не знаем, в каких рамках следует вести борьбу, к каким методам прибегать? Я прочел обращение, подписанное выдающимися прогрессивными деятелями культуры, которые призывают к терпимости и взаимопониманию во имя гуманности. Это замечательный документ! Но что делать тем, у кого куда более скромные возможности? Вот мы у себя на предприятии, где из нас выжимают все соки, провели полу-часовую предупредительную забастовку. Правда, некоторые рабочие бастовать не соглашались. Онасаются, как бы репродуцированные люди, чего доброго, не заменили их на рабочих местах. Все же большинство — люди сознательные. Они справедливо рассудили, что в такой момент думать только о себе нельзя...

Краткое выступление посланца рабочих было встречено возгласами одобрения и дружными аплодисментами зала. Едва стихли рукоплескания, как председатель объявила, что слово предоставляется профессору Бирмингу.

Я встал. Право же, мне вовсе не хочется задним числом изображать себя героем, откровенно говоря, в тот момент я проклинал себя за опрометчивый приход в театр! Но отступать было поздно — приходилось расплачиваться за собственное безрассудство.

По обыкновению, прежде чем начать, я внимательно оглядел аудиторию. Мой взгляд упал на Дотти Скотт. Она сидела в ложе, вся устремившись вперед, ее лучистые глаза, с надеждой устремленные на меня, сияли словно звездочки. «Ну, ну, старина, сделай все, что можешь, только не зарывайся!» — подбадривал я самого себя.

Мне показалось, что слушатели были несколько разочарованы. По-видимому, они надеялись услышать более глубокий анализ событий, более обстоятельные разъяснения и указания. Но мне, пожалуй, не в чем упрекнуть себя. Вначале, грешным делом, я было подумал: «Ну вот, наконец-то поставлю все точки над «i», расскажу обо всем и начистоту объявлю, что есть два Бирминга, причем тот, кого они считают своим идейным вождем и властителем дум, вовсе не я, а мой теледвойник, и я не разделяю его взглядов». Но я сразу же отказался от этой мысли. То ли из-за боязни, как бы такой финал не вызвал у публики окончательного разочарования, то ли просто струсил...

В критический момент человеческий мозг работает с лихорадочной быстротой, и те считанные секунды, в течение которых я находился в нерешительности, только мне одному показались мучительно долгими.

Вероятно, я слишком строгий себе судья, так как вопреки ожиданиям мое выступление встретило бурное одобрение присутствующих. Но, боюсь, этим успехом я обязан лишь своему теледвойнику. Воображение публики дополняло мои слова теми идеями, которые он успел

высказать ранее на различных собраниях и митингах и о которых я сам знал только из газет.

Итак, вернемся все-таки к выступлению. Поначалу я намеревался коснуться лишь судьбы Нилла Керсена и совершенно не затрагивать принципиальные идеологические вопросы. Однако это мне не удалось.

— Нилл Керсен мне хорошо известен как способный и скромный молодой ученый,— так начал я. И, сказав еще несколько слов о его достоинствах и положительных чертах, продолжал: — Я неоднократно подчеркивал, что превыше всего дорожу свободой личности и считаю неотъемлемым правом каждого иметь собственные убеждения...

На какое-то мгновение я запнулся, спохватившись, что невольно сам переступил границы дозволенного. Пытаясь как-то выпутаться, я пустился в дальнейшие рассуждения, чем только усугубил и без того запутанное положение.

— ...Поэтому теперь мне хотелось бы сказать не столько об убеждениях Нилла Керсена, сколько вот о чем: мне кажется, свободу одной личности нельзя отстаивать за счет того, чтобы упрятать за решетку другую.

Эта фраза показалась мне недостаточно убедительной, и я поспешил добавить:

— За решетку следует упрятать убийц и грабителей!

Очевидно, эти слова слушатели истолковали по-своему, так как они разразились громом аплодисментов.

Я продолжал:

— В тюрьму надо сажать тех, кто стремится достичь благополучия, преуспеть за счет других. Повторяю, я не верю, будто личную свободу одного человека можно обеспечить ущемлением свободы других людей.

С этими словами я направился на свое место под овации всего зала и, усевшись за стол президиума, вытер платком вспотевший лоб. Только заметив в глубине зала смуглого рабочего, выступавшего до меня, я вспомнил, что так и не ответил на его вопрос о методах дальнейшей борьбы. Но я почувствовал себя опустошенным и обессиленным, словно после только что перенесенной изнурительной болезни, и мечтал единственно о том, чтобы рядом сидела Лиан.

Должно быть, директор театра испытывал неловкость, так как я поминутно бросал в его сторону нетерпеливые взгляды, словно он сам вместо Лиан мог написать ответную записку. Виногато поглядывая на меня и даже будто став меньше ростом, он всем своим видом как бы говорил: «Ну что поделать?» Как же он просиял, как многозначительно взглянул на меня в ожидании похвалы — дескать, не зря старался? — когда пододвинул ко мне конверт с противоположного конца стола! На конверте довольно большого размера (помню, я еще удивился, где это Лиан сумела раздобыть конверт, не сходя со сцены) крупными печатными буквами значилось: «Профессору Бирмингу, лично. Совершенно конфиденциально!»

Вместо ожидаемой записки Лиан в конверте оказались две газетные вырезки из вечерних газет.

Микланс Трибюн

**ДВА БИРМИНГА! КТО ЖЕ НАСТОЯЩИЙ? ЗАГАДКА
СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ!**

Сегодня около восьми вечера очевидцы видели одного и того же человека одновременно в двух противоположных концах города. Этим человеком оказался профессор Бирминг!

Как стало известно, профессор Бирминг вышел из дому около семи часов вечера. В Национальном парке ему повстречалась колонна демонстрантов. Сославшись на занятость, профессор отказался от участия в диспуте в театре «Орма», куда направлялись студенты. Вместо этого он отправился в Молодежный клуб на площади Роузлайн, где выступил с речью, в которой призывал молодежь, принадлежащую к различным политическим группировкам, «к единству действий». Наш фотокорреспондент запечатлел профессора Бирминга в тот момент, когда он, приветливо улыбаясь, обменивался дружеским рукопожатием с секретарем клуба. Это было без четверти восемь вечера.

А вот другой снимок, снятый в тот же день: тот же профессор Бирминг, но уже у подъезда театра «Орма». Улыбаясь, он приветствует толпу, собравшуюся около театра отнюдь не из любви к искусству.

Это тоже было без четверти восемь.

Вероятно, в это время, читатель, ты ужинал, а быть может, смотрел телевизионную передачу, не подозревая, что твой телевизор стал набатным колоколом, возвещающим о грозной опасности! Так пусть же этот колокол не только бьет тревогу, но и призывает к немедленным действиям.

Разве не достоин самого глубокого сожаления тот

факт, что выдающийся ученый, на самом себе испытывший силу новой установки, стал жертвой собственного открытия? И если созданный им теледвойник полностью воспринял знания и опыт ученого, кто знает, читатель, не станет ли он завтра во множестве экземпляров репродуцировать тебя или меня? Ведь никому не известно, где он прячет свои таинственные биотелекамеры!

- Остерегайся, читатель, в любой момент ты можешь стать жертвой искусственных людей! Своей коварной пропагандой они стремятся восстановить тебя против самого себя! Обороняйся!

МИЛАНС ФЬЮЧЕР

**НЕ ПОРА ЛИ ОПРОВЕРГНУТЬ БЕЗДОКАЗАТЕЛЬНЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ
О ПОМЕШАТЕЛЬСТВЕ ПРОФЕССОРА БИРМИНГА?**

ПРАВИТЕЛЬСТВО В ЗАТРУДНЕНИИ

Как стало известно, Денни Бирминг блестяще опроверг версии о своем помешательстве, упорно распространявшиеся по стране. Мы полагаем, что он репродуцировал самого себя и создал своего теледвойника с целью доказать, что его изобретение отнюдь не плод больной фантазии и не стремление высмеять Боднэнский антивоенный конгресс. Вряд ли кто-нибудь еще сомневается, что изобретение Бирминга — не досужий вымысел, а самая настоящая действительность. Именно этим способом ученый пытается привлечь наше внимание к реально существующей опасности, угрожающей всему человечеству, если теледвойники будут использованы в военных целях. Теперь уже несомненно одно: тактика правительства потерпела полнейший крах; Бирминг не сумасшедший. Правительство

ству уже не удастся уйти от ответа: готово ли оно дать гарантии, что не использует в военных целях это выдающееся научное открытие нашего времени?

Над одним из газетных заголовков быстрым, размашистым почерком было написано: «Профессор, вам грозит опасность! Дотти».

Итак, мои опасения оправдались. Разумеется, я допускал, что мы можем одновременно появиться в различных местах. Но я надеялся, что в конце концов все обернется в мою пользу и всем станет очевидно, что настоящий Бирминг — это я. А теперь репортеры утверждают, будто именно я, а не мой теледвойник, направился с проспекта Крети в Молодежный клуб! Нас спутали, возможно случайно, но скорее всего преднамеренно!..

«Правительство в затруднении...» До сих пор власти всячески замалчивали изобретение, а теперь вдруг подняли тревогу! Стало быть, они вовсе и не собирались арестовывать «репродуцированного Бирминга», пока я безвыходно сидел дома? Вот оно что! Им любопытно было выяснить, как он поведет себя на свободе. Поэтому-то они и тянули. Теперь мне стало ясно, чего они добивались. Еще раньше, когда меня вызывали к министру, я чувствовал, что мне не доверяют. На меня подозрительно косились, когда я употреблял выражения, напоминающие слова теледвойника... Значит, если мой двойник настроен столь крамольно, они и меня считают неблагонадежным! Мне вспомни-

лась юркая спортивная машина салатного цвета...

А я-то был так наивен, полагая, что действую самостоятельно, когда на свой страх и риск покинул виллу и решил лично размотать этот запутанный клубок! На поверку получается, что я, по сути дела, действовал в чьих-то интересах. «Поздравляем, дорогой профессор, вы создали превосходную конструкцию, отлично управляемую установку!..»

Я чуть было не задохнулся от гнева. Так вот что натворил мой любезный двойник! Не из-за него ли все мои несчастья и беды?! Это из-за его неумеренной активности нас продолжают путать до сих пор. Ведь из Национального парка в Молодежный клуб направился вовсе не я. Я поехал сюда, в театр, а тем временем тот, другой Бирминг, водил за нос детективов и репортеров! Конечно, он ведь ничем не рискует, расплачиваться за все придется мне!

Извинившись за внезапный уход и вполголоса попрощавшись с Ливенсом, я пожал руку директору театра и поспешил к служебному выходу.

6

Во что бы то ни стало нужно разрубить этот гордиев узел. Но с чего начать? А что если наведаться на квартиру к министру? Правда, уже поздно: пробило одиннадцать. Но могло ли это служить препятствием, когда речь шла о столь чрезвычайных обстоятельствах?

И все же прежде всего надо поговорить с Лиан. Вряд ли на сцене удастся выбрать для

этого удобную минуту. Как же быть? «Подожду ее в гардеробной», — решил я. Голова гудела, как потревоженный улей, мысли разбегались. Я мучительно искал выхода из тупика...

В гардеробной тетушка Фирр, костюмерша Лиан, суетилась, как обычно. Я рассеянно поздоровался с ней и пытался кое-как ответить на праздные вопросы. Просто удивительно, как я еще соображал. Неожиданно костюмерша произнесла:

— О, старая Фирр, которую вы видите перед собой, на самом деле не здесь.

— Что?.. То есть как? Тетушка Фирр...

Я был потрясен до глубины души. Это не ускользнуло от ее внимания, и она мечтательно добавила:

— Да, да, подлинная Фирр на сцене...

Я облегченно вздохнул. Ну, конечно, ведь тетушка Фирр еще с юных лет мечтала стать актрисой. Наверное, она именно об этом и говорит.

— Мне очень жаль, тетушка Фирр. Что же помешало вам стать актрисой?

Моя собеседница иронически усмехнулась.

— А вам, господин профессор, когда-нибудь приходилось слышать о таких вещах, как плата за обучение? В театральном училище...

Но я уже не прислушивался к ее болтовне и довольно невежливо перебил:

— Тетушка Фирр, да вы, никак, читаете газеты? — На столике лежала целая пачка свежих номеров.

— Только в очках. Куда же я их сунула?

Очевидно, диспут подходит к концу. Вот-вот в фойе и вестибюль хлынут люди, и они рано или поздно узнают о том, что известно пока лишь немногим, в частности Дотти Скотт. И если из чувства такта близкие и друзья хранили молчание, то вся эта толпа вряд ли окажется столь деликатной. Придется отвечать на тысячи каверзных вопросов, доказывать, что именно я и никто другой настоящий Бирминг! Нет уж, увольте! Нет ничего хуже, чем оправдываться...

А пресса! Даже самые заядлые читатели, те, кто обычно обсасывает газеты с первой до последней полосы, вряд ли поймут состояние человека, узнающего о «своих» поступках из газет. Но на сей раз дело не только в этом... Тетушка Фирр продолжала что-то говорить, но я ее не замечал. С лихорадочной поспешностью я пробегал глазами газетные полосы, чтобы выяснить, что же я еще «натворил» и как поступать дальше.

Слабонер

ОБА БИРМИНГА НЕНАСТОЯЩИЕ! КОЛЛЕКТИВНЫЙ БИРМИНГ — ГИПОТЕЗА П. ПЛУТТЕНА

Потрясенные люди всюду задают друг другу один и тот же вопрос: какой же Бирминг настоящий — тот, кого видели в Молодежном клубе, или тот, который находился в театре «Орма»? Мы обратились к известному психологу П. Плуттену с просьбой высказаться, можно ли прийти к какому-либо выводу на основании имеющихся данных о жизненном пути, поведении, об-

разе мыслей профессора Бирминга. Вот что он ответил на вопрос нашего корреспондента:

— По-моему, ни одного из них нельзя считать настоящим, поскольку оба заявили во всеуслышание о своих коллективистских взглядах. Я подозреваю другое. Все мы знаем, что профессор Бирминг всегда отличался известной склонностью к уединению. Поэтому, мне думается, хотя, разумеется, я и не располагаю точными данными, что профессора Бирминга давно нет в Миклане.

— То есть вы полагаете, что он проводит свои телепередачи с какой-то другой территории?

— Факты подтвердили со всей очевидностью, что человека действительно можно репродуцировать. Иначе вряд ли мы могли бы одновременно видеть двух Бирмингов в разных местах.

— Как вы думаете, профессор Бирминг действительно продал свое изобретение иностранной державе?

— Я рассматриваю явления с точки зрения психологии. Наверное, контрразведка могла бы дать вам куда более сенсационные сведения. Однако, насколько я знаю Денни Бирминга, он, вероятнее всего, поселился на каком-нибудь необитаемом острове посреди океана. Там, под надежным прикрытием морских пучин, он разместил свои специальные лаборатории и студии, откуда и проводит сеансы телепередач.

— С какой же целью он это делает?

— Если вас интересуют психологические мотивы, то тут, видимо, объяснение нужно искать в том, что профессор Бирминг, тяготясь уединением, таким образом пытается скрасить свое одиночество. Несколько теледвойников — ибо если доказано существование двух Бирмингов, то, естественно, можно допустить наличие и большего их числа, — разумеется, могли составить ему компанию. Не исключено, однако, что по-

том они неожиданно обрели чрезмерную самостоятельность и полностью обособились. Но в этом вопросе я некомпетентен. Полагаю, что некоторых теледвойников побудила вернуться в Миклан тоска по родине.

— Чем вы объясняете коллективистские тенденции теледвойников?

— По-моему, социально-политические воззрения телелюдей нельзя объяснять одной лишь их механической сущностью. Думаю, эти, как вы их называете, коллективистские тенденции обусловлены просто-напросто тем, что теледвойников, репродуцированных по одной схеме, несколько. Между тем истинный профессор Бирминг — выдающаяся, единственная в своем роде личность с ярко выраженной индивидуальностью. Именно поэтому между ним и его теледвойниками неизбежно должен был возникнуть антагонизм.

Раннер.

ИЗМЕНА МЯТЕЖНЫХ ТЕЛЕЛЮДЕЙ!

Микланский народ находится перед лицом грозной опасности: профессор Бирминг исчез, но оставил в стране своих теледвойников. Кто поручится, что они не перешли на сторону нашего потенциального врага и не используют теперь искусственно привитые знания в ущерб микланскому обществу? Выдвигается и такая, весьма неутешительная, версия: возможно, некоторые из них развернули свою деятельность на территории Ферленской коммунистической державы. Искусственно созданные люди вывезли за пределы страны величайшее изобретение выдающегося сына нашей родины!

СЕКРЕТ БИОТЕЛЕПРОДУЦИРОВАНИЯ У КОЛЛЕКТИВИСТОВ!

Ферленская печать подробностей не сообщает. Однако высказывания известного фферленского искусствоведа Бюрия Блонского позволяют сделать известные выводы. Еще в начале сентября он писал: «Неопластические картины Салапа заслуживают всяческой похвалы, они знаменуют собой новое направление в изобразительном искусстве Ферлена». А через несколько недель, после того как выставка картин Салапа подверглась уничтожающей критике, Блонский утверждал нечто противоположное: «Мазня Салапа — не что иное, как вредная попытка протащить в наше искусство давно устаревший, порочный стиль. Несостоятельность его творческой манеры совершенно очевидна — это не искусство, а фформенная челуха!»

Разве не ясно, что эти противоречивые оценки не могут исходить от одного и того же лица? Это значит, существует по меньшей мере два человека под одной фамилией Блонский, а если учесть другие высказывания вышеозначенного критика, то их, надо полагать, намного больше. Теперь вряд ли кто усомнится, что Блонский подвергся многократному репродуцированию! Более того, фферленское правительство получило возможность по меньшей мере в десять раз увеличить личный состав своих вооруженных сил!..

До каких же пор мы будем оттягивать наращивание нашей боевой мощи?

МИКЛАНС ФЬЮЧЕР

**ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕННАДИЯ ГОРОНОВА, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ВСЕМИРНОГО КОСМИЧЕСКОГО КОМИТЕТА**

Недавно мне довелось прочесть некую научную статью, автор которой сокрушается по поводу перенаселенности земного шара. По его расчетам, населе-

ние нашей планеты через пятнадцать лет удвоится, и этот факт чреват для всего человечества самыми непредвиденными последствиями. Автор утверждает далее, что интенсивное сельскохозяйственное производство с применением современных машин и передовой агротехники не сможет полностью удовлетворить потребности свыше 6 миллиардов человек в продовольствии, даже с учетом всех достижений современной химии. На мой взгляд, автор статьи слишком узко подходит к затронутой проблеме. Если рассматривать ее с других позиций, то судьбы человечества предстанут совершенно в ином свете. Я имею в виду неограниченные возможности, талящиеся в использовании Вселенной. Хорошо известно, что отдельные планеты солнечной системы, такие, как Венера и Марс, можно заселять людьми. Стремительное развитие науки и техники, несомненно, открывает реальные перспективы освоения и других, пока еще недостижимых и загадочных планет солнечной системы, а в последующем и Галактики. Как видим, если рассматривать вопрос в таком аспекте, возникают опасения совсем иного рода: людей окажется слишком мало, чтобы успешно справиться с гигантскими задачами, стоящими перед человечеством! Вот почему я и мои ученые коллеги с таким энтузиазмом приветствуем историческое открытие профессора Бирминга. Подчеркиваю, историческое в буквальном смысле этого слова. Что оно означает? С помощью репродуцированных людей мы сумеем покорить космос и освоить новые планеты. Представьте себе, что нам удалось запустить несколько космических станций на какую-нибудь планету, скажем на Марс, снабдив их материалами и всем необходимым для сооружения телестудий и биоустановок системы Бирминга. Если по методу профессора Бирминга репродуцировать два или три десятка чело-

век, то можно заселить огромные пространства Марса и превратить их в плодородные поля, а всю эту загадочную и доселе недосыгаемую планету — в филиал Земли! Подумать только, ведь если люди научатся по собственному усмотрению репродуцировать самих себя в неограниченном количестве, то теоретически человечество в состоянии покорить необозримые пространства космоса, даже за пределами солнечной системы! Мы живем в удивительную эпоху величайших научных открытий и покорения космоса! Не сомневаюсь, что в самом скором времени мы будем иметь удовольствие приветствовать профессора Бирминга в нашей среде. На ближайшей научной сессии Всемирного космического комитета мы надеемся горячо поздравить его с величайшим открытием, положившим начало новой эры в истории человечества.

КРОНИКЛ

ТЕЛЕДВОЙНИКИ — ИНОСТРАННЫЕ АГЕНТЫ

ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО УСИЛИВАЕТ ПРОТИВОВОЗДУШНУЮ ОБОРОНУ

Многочисленные факты, установленные в последнее время, подтверждают версию, будто бы теледвойников профессора Бирминга и их приверженцев засылают в нашу страну из Ферлена. Ферленские стратопланы сбрасывают агентов на территорию Миклана под видом телевизионных установок, после чего в ферленских секретных телестудиях включается аппаратура, транслирующая биотелепередачи. В целях пресечения подрывной деятельности иностранных агентов и для спокойствия населения военное министерство

отдало приказ эскадрильям истребителей авиаразведки, атомным бомбардировщикам, ракетноносцам, а также батареям противоракетной обороны усилить бдительность и отстоять неприкосновенность воздушного пространства нашей родины. В связи с угрозой внезапного нападения объявлена срочная мобилизация офицеров запаса военно-воздушных сил.

**МИКЛАНЦЫ, БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!
ПОЯВИЛИСЬ ПОХИТИТЕЛИ ЛЮДЕЙ!
ГДЕ ПРОФЕССОР БИРМИНГ?**

К нам проникли иностранные агенты! И, что самое опасное,— они как две капли воды похожи на наших братьев, сыновей, друзей, соседей, на привратника или дворника... Как же это стало возможным? Очень просто: ферленская разведка похищает наших соотечественников и подвергает их особой идеологической обработке, чтобы потом методом ретрансляции засылать в нашу страну их теледвойников! После такой изуверской психологической обработки искусственные люди не гнушаются никакими средствами и не останавливаются перед самым изощренным подстрекательством и злодейскими подрывными действиями. Достоверность всего вышесказанного неопровержимо подтверждает из ряда вон выходящий случай, имевший место в Ханстоне.

ЗЛОДЕЙСКОЕ ПОКУШЕНИЕ В ХАНСТОНЕ!

В минувший четверг Ханстон погрузился в непроядную октябрьскую тьму. Чего только не случается под покровом ночной темноты! Жителей северной части города, расположенной на возвышенности, среди ночи внезапно разбудили истошные крики и вопли.

Они доносились из кабачка Тилли Руна. Отчаянные вопли хозяйки и громкая брань ее супруга перемежались женскими рыданиями. Прибежавшие соседи стали свидетелями необычной сцены. На верхней ступеньке лестницы, приставленной к окну второго этажа, стоял человек в длинном плаще, держа на руках какую-то девушку. Он наотрез отказался спуститься вниз. Перепуганная девица — ею оказалась белокурая Гизен — от страха почти лишилась чувств и безжизненно уронила головку на плечо похитителя. Из неистовых ругательств Тилли Руна соседи с большим трудом уразумели, что его дочку намеревались похитить. И впрямь, неподалеку стоял довольно старомодный открытый автомобиль, на котором, по мнению сведущих людей, был установлен мощный реактивный мотор. «Все равно ваша дочь будет моей!» — нагло твердил похититель. От ужаса девушка лишилась дара речи...

Возмущенным соседям все-таки удалось опустить лестницу и схватить гангстера, который принялся уверять, что он якобы приехал в Ханстон издалека и на самом деле работает монтажником на линии электропередачи. Однако жители квартала, никогда прежде не встречавшие его, не сомневаются, что неизвестный похититель в плаще не кто иной, как иностранный агент, который пытался силой затащить благовоспитанную девушку в тайную телестудию коммунистов. Расследование этого загадочного происшествия поручено органам безопасности.

Все случившееся дает нам основание считать, что и профессора Бирминга похитили ферленские агенты, а из тщательно законспирированных студий, размещенных на необъятной территории коммунистической империи, они репродуцировали в нашу страну его теледвойников!

Да... Вряд ли я окажу добрую услугу Лиан, если после всего этого ее увидят в моем обществе! И без того на ее долю выпало слишком много неприятностей. Нужно сейчас же попасть к министру. Главное — незаметно добраться до машины, а там можно задержать занавески. Скорей, пока не кончился диспут! Да, но как доказать министру, что именно я настоящий Бирминг?! Вероятно, последние слова я выкрикнул, так как тетушка Фирр в испуге уставилась на меня.

Эврика! Удостоверение личности! Ведь у моего теледвойника нет никаких документов! И я судорожно принялся шарить в карманах.

Что за чертовщина! При мне не оказалось никаких документов. Они остались в пиджаке, который я снял, прежде чем отправиться в город.

Скорее домой! Медлить нельзя!

Пока я добирался до дому, мое нервное напряжение достигло предела. Нервы были натянуты как струны, готовые вот-вот лопнуть. И детонатор все-таки сработал: грянул взрыв. Не успел я открыть дверь в свой кабинет, как сразу же услышал «его» голос.

Мой собственный голос. Все напряжение последних дней разом схлынуло. От страшных предчувствий не осталось и следа. Куда-то вдруг исчезло угнетенное состояние, даже усталость ощущалась не так сильно... Появилось такое чувство, словно неминуемая беда прошла

стороной и вот теперь-то можно вздохнуть свободно.

— Сигарету? — вежливо предложил теледвойник.

Мы стояли, не спуская друг с друга пристального, напряженного взгляда.

— Нет, спасибо, — ответил я сдержанно.

— Как угодно, — столь же учтиво произнес он, щелкнув портсигаром.

На первых порах я не заметил за ним никаких странностей, ни малейших признаков чего-то искусственного, хотя, признаюсь, разглядывал так внимательно, как никого в жизни.

— Вы не взяли себе сигарету, — заметил я, хотя раньше вряд ли обратил бы на это внимание.

— Я тоже не курю, — невозмутимо ответил он.

«Ага! — злорадно подумал я. — Вот и первая логическая несуразность: носит портсигар, а сам не курит!» Но тут же спохватился: «Черт подери! Аппарат не может совершить логическую ошибку!»

Теледвойник не сводил с меня испытующего взгляда. Он уставился на меня с такой же жадностью, как и я на него.

— Портсигар я ношу просто так, с ним легче беседовать, — пояснил он.

«Так вот почему портсигар привлек мое внимание: визит к министру... Портсигар, обнаруженный под скатертью...»

— Ну-с, в какую историю вы намерены впутать меня теперь? — я неприязненно покосился в сторону двойника. Он заметно побледнел.

— Возможно, для вас, профессор, все это не больше как забавная история, для меня же это трагедия. Да, да трагедия, которая грозит мне смертью!

— Смертью?!

— Ваше изобретение превзошло все ожидания. Под действием биотоков вещество моей, если можно так сказать, субстанции, состоящее из сверхчувствительных молекул, способно воспроизводить все эмоции, присущие человеку. Так что неминуемого не избежать.

Выходит, он все же сознает, что является всего-навсего материализованным воплощением творческой мысли ученого! Тогда почему же он выдавал себя за самого изобретателя? Неужели ради спасения? Но какая же у него жизнь?!

— Собственно говоря, почему бы нам не сесть? — с горечью проговорил мой двойник. Мы сели.

— По-моему, нам пора... в некотором роде объясниться, — начал я, подбадривая его. Не знаю почему, но мне стало ужасно жаль беднягу. Куда девался мой гнев! Я готов был злиться на кого угодно, только не на него...

— Мое время на исходе, — предупредил он.

Видимо, он боялся, что я могу его отключить. Но самое поразительное: столь долгожданная возможность теперь не представлялась мне такой уж заманчивой. Мысленно я пытался оправдать себя: «Прежде всего необходимо хорошенько расспросить его, выяснить, что ему известно о первоначальном моменте «оживления», да и вообще разузнать обо всем. Интересно, какие «человеческие чувства» он

имеет в виду, что являлось движущей силой всех его поступков?»

— Вы собираетесь уйти? — поинтересовался я. В глазах «репродуцированного Бирминга» промелькнул нескрываемый интерес, но на бледном лице по-прежнему лежала печать глубокой задумчивости и отрешенности.

— Разве вы отпустите меня?

Я уклонился от ответа.

— До сих пор вы не спрашивали моего разрешения.

Он неожиданно поднялся. Я испуганно вскочил вслед за ним.

— Вот видите! Ваши опасения напрасны — мне не уйти.

Засунув руки в карманы, наклонив голову, он метался по комнате. И я вдруг совершенно отчетливо представил себе, с какой страстью он ораторствовал на трибуне Бодиэнского конгресса!

Теледвойник продолжал:

— Надеюсь, вы догадались, почему я до сих пор на свободе? Вы же донесли обо мне министру. Агентам правительства удалось сразу напасть на мой след. Они неотступно шли за мной по пятам днем и ночью, но арестовать так и не решились.

— Почему?

— А как по-вашему, просто арестовать профессора Бирминга?! Знаменитого ученого, дважды лауреата Нобелевской премии, гордость мировой науки и любимца нации? Но предположим, меня схватили, а вы остались на свободе. И сразу существование двух Бирмингов стало бы очевидным. После того как в Бодиэ-

не я во всеуслышание объявил о возможности создания искусственного человека способом биотелерепродуцирования, правительство оказалось в затруднительном положении. Сначала попытались было объявить профессора Бирминга сумасшедшим. Правящие круги во что бы то ни стало хотели скрыть от общественности ваше изобретение, опровергнуть мое сообщение о нем. Если бы выяснилось, что существуют два Бирминга, стало бы очевидно, что теледвойник не выдумка, а реальный факт. Мало того, выяснилось бы, что существует именно два Бирминга!.. Теперь понятно? Вас, подлинного Бирминга, они боялись арестовать и поэтому выжидали, когда у вас лопнет терпение и вы выйдете из дому...

— По существу, меня держали под домашним арестом.

— Вот именно! Так в чем же вы упрекаете меня?

— Я не упрекаю, просто хочу разобраться во всем до конца...

— К чему же вы пришли?

— Всюду только и говорят, что ни один из нас не настоящий. Уж если-де существует один искусственный человек, значит, их может быть и больше.

— В том-то и дело! Только подумайте — ваше сообщение об изобретении, как бумеранг, обратилось против вас же самих! Власти любой ценой хотят отвлечь внимание общественности от планов, вынашиваемых уже давно, — развязать агрессивную войну, войну, которая уничтожит в своем огне миллионы человеческих жизней. Ваше изобретение пришлось

весьма кстати: теперь правящие круги пытаются убедить всех, что во главе международного движения за мир стоят роботы! Люди-автоматы, понимаете? Народ хотят запугать таким страшилищем!

После минутного молчания он продолжал уже спокойнее:

— Теперь они кричат на всех перекрестках, будто репродуцированные люди, размноженные к тому же в неограниченном количестве, вполне возможная вещь! Они-де таят в себе смертельную опасность, и поэтому против них нужно защищаться. А защищаться — значит вооружаться!

— Выходит, один и тот же факт можно представить по-разному, все зависит от того, какое толкование выгоднее, — заметил я иронически.

— Факты, профессор, упрямая вещь, а вот доверчивых людей до сих пор удается вводить в заблуждение. Кстати, вас не удивит, если здесь вдруг появятся полицейские агенты? Они могут нагрянуть с минуты на минуту... Для полиции момент как нельзя более подходящий: можно поймать сразу двух зайцев — накрыть обоих Бирмингов!

У меня снова мелькнула мысль — а не отключить ли двойника?

— Мое время на исходе, — тихо проговорил тот. — А пока я в вашем распоряжении!

— Позвольте, что значит «на исходе»?

— Именно то, что я сказал.

— Не говорите загадками!

— Хорошо, попытаюсь разъяснить. Человек живет до тех пор, пока находит в этом смысл...

— Значит, вы не видите смысла в жизни?

Двойник едва заметно покачал головой. «Что это означает,— я растерялся,— согласие или отрицание?»

— У человека обязательно должна быть цель, ему нужно непременно жить в действии. Мне же ничего другого не осталось, как умереть. И я умру.

Последние слова потрясли меня. Он не сказал «исчезну» или «сойду со сцены»,— нет, совершенно отчетливо он произнес: «Я умру».

— Послушайте, зачем вам умирать? Установку всегда можно включить снова...

Репродуцированный Бирминг уселся в кресло.

— Вы так и не хотите понять, профессор, что у вас больше нет установки.

Я даже зажмурился.

— Произошла абсорбция, то есть полное поглощение,— продолжал он, не обращая на меня внимания.— Под действием биотоков вещество, состоящее из сверхчувствительных молекул, приняло форму человека.

— Каким образом?

— Вам лучше знать,— спокойно ответил теледвойник.

— Вы хотите сказать, что с того критического момента вы — полноценное одушевленное существо? Иначе говоря, человек?

— Вы невнимательны. Я же совершенно ясно сказал: под воздействием биотоков сверхчувствительное вещество приняло форму человека. Все остальное появилось несколько позже. Чтобы вам была понятна моя мысль, приведу пример: как по-вашему, можно ли считать полноценным человеком только что родивше-

гося младенца, жизнедеятельность которого на первых порах определяется лишь инстинктами?

— Безусловно.

— Но ведь я-то появился на свет взрослым человеком. Поэтому я и говорю, что мое младенческое состояние длилось считанные минуты.

— Тогда как же вы могли заключить, что... словом, что вы не настоящий, а искусственно созданный Бирминг?

— Я этого никогда не утверждал.

Мы в упор посмотрели друг на друга.

— Не утверждали?

— Никогда!

— Но ведь только что вы совершенно недвусмысленно заявили, как под воздействием биотоков установка... следовательно, вы всего лишь...

— Вы путаете совершенно разные вещи. Настоящий Бирминг — это я.

В бешенстве я вскочил:

— Уж не меня ли вы считаете мною же изобретенным аппаратом?!

— Профессор, успокойтесь...

Огромным усилием воли я сдержал свой гнев.

— Извольте объяснить...

— Я стал полностью одушевленным человеком в тот момент, когда вы были самым собой, то есть истинным Бирмингом, свободным от каких бы то ни было условностей. Вот эти подлинные черты вашего характера и перешли ко мне.

Он замолчал и только, как бы скрывая ка-

кую-то затаенную мысль, неторопливо постукивал по столу.

— В клубе Бэклахэм я прочитал за вас лекцию,— наконец произнес он,— точно так же как это сделали бы вы сами, будь хоть немного смелее. Впрочем, пожалуй, это не то слово. Вернее, будь вы не столь утомлены.

— Позвольте, позвольте, вы только что заявили, будто свой характер переняли от меня. Но в тот момент, когда вы «появились на свет божий», я и впрямь был очень утомлен. Как же могло случиться, что моя усталость не передалась вам?

— Понимаю, профессор. Но ведь вы устали от той жизни, которую вели в последнее время, я же решил начать все заново. Между нашими жизнями есть только одно-единственное связующее звено, а именно тот импульс, благодаря которому вы вызвали меня к жизни. Поймите, наконец, я — не что иное, как сгусток аккумулярованной энергии. Моя юность тоже оказалась предельно сжатой. Хотя я и мыслил так же, как и вы, но видел мир в светлых, радужных тонах, и это наполняло меня трепетным ожиданием чего-то неизведанного...

— Значит ли это, что в вашем лице я вижу свою юность?

— Если юношеский пыл и веру дополнить богатым жизненным опытом, то можно считать, что во мне синтезировано то и другое. Вы спросите, что я понимаю под жизненным опытом? Я имею в виду такую сумму впечатлений и знаний, которая позволяет человеку верить, что жизнь, в сущности, слишком коротка и человек просто не успевает состариться.

Он опять умолк. Очевидно, следовало что-то сказать, но я просто не знал, с чего начать. В полной растерянности я произнес:

— Вот теперь я, пожалуй, не прочь выкурить сигарету.

— Сделайте одолжение,— с прежней учтивостью он протянул портсигар.

Я закурил. Теледвойник с жадностью смотрел на дымящуюся сигарету.

«Сгусток аккумулированной энергии...»

Мы оба хранили молчание.

8

Первым заговорил теледвойник.

— Безотчетное состояние продолжалось всего несколько минут...

— Скажите, когда вам пришла мысль о существовании еще одного Бирминга? — Теперь я был осмотрительнее и тщательно подыскивал выражения.

— Я знал об этом с самого начала своего сознательного бытия не хуже вас самих,— спокойно ответил он.— Ведь вы же не сомневались в его существовании?

— Тогда вы должны чувствовать себя уязвленным, если вас считают установкой...

— Ничуть. Напротив, я воспринимаю это как нечто чрезвычайно интересное. В конце концов,— он оживился,— человек — самый удивительный и совершенный механизм, созданный природой. С помощью особого и весьма оригинального метода вам удалось скопировать творение природы. Но повторяю: скопировать.

— Позволю себе заметить, я и раньше проводил с вами пробные сеансы...

— Знаю.

— Откуда?

— Из ваших записей, расчетов... и вашей собственной памяти.

— Моей памяти?

— Разумеется! Ведь я уже говорил: я — это вы.

— Гм...

— Я понимаю ваше состояние, профессор. Человеку не так уж часто приходится говорить по душам со своим собственным «я». Вы что-то хотели сказать?

— Во время экспериментов по репродукции, то есть...

— Договаривайте.

— ...аппарат неизменно копировал только то, что я проделывал перед телекамерами. Сколько я ни бился, мне никак не удавалось решить проблему его самостоятельных действий. Вроде бы все отрегулировано идеально: биокамеры функционировали превосходно, передавая биотоки центральной нервной системы. Аппарат-приемник приобрел контуры вашей фигуры, внешний облик, но способностью самостоятельно ощущать и мыслить не обладал. Он лишь механически копировал, правда со скрупулезной точностью, но не больше.

— Ну что ж, не следует недооценивать и этого исключительно важного, я бы сказал, феноменального достижения, профессор. Хотя, по правде говоря, если проанализировать возможные последствия вашего замечательного открытия, становится страшновато.

— Черт возьми, сколько ни ломаю голову, до сих пор не могу понять, чем вызваны столь неожиданные изменения в работе аппарата на заключительной стадии!

— Боюсь, что не многим смогу вам помочь, ведь я же, естественно, не помню самого момента своего зарождения. Не скрою, я и сам задумывался над этой загадкой. Я понимаю, профессор, как усложнил для вас решение всей проблемы, когда захватил с собой ваши записи и расчеты. Не судите меня строго, ведь молодости свойственна любознательность...

— Если говорить начистоту,— перебил я его,— я и сам сгорал от любопытства. И, как ищейка, выслеживал каждый ваш шаг, следил за каждым поступком.

Теледвойник помрачнел.

— Это бы еще полбеды, но вот когда за ищейкой следуют вооруженные полицейские...

У меня пересохло во рту.

— Ваша любознательность мне понятна,— продолжал он.— В вас пробудился обостренный интерес к собственной жизни. И вызвал его я. Да, я поставил перед собой именно эту задачу и достиг ее.

— В чем же вы видите смысл жизни?

Он бросил на меня пронзительный взгляд.

— Вы опять за свое? А я-то думал, что для вас это пройденный этап. Скажите, профессор, откуда у вас такой скептицизм? Перед вами сидит некто, всем своим существованием обязанный вам! Понимаете, вам одному! И разве одно то, что он рассуждает с вами о смысле бытия, ничего не говорит вам? Неужели даже этого вам мало?

Он встал и подошел к окну. Я молча ждал. После некоторого раздумья он неторопливо повернулся ко мне.

— Пора бы вам понять, что смысл бытия — сама жизнь. А за жизнь, полнокровную, радостную, достойную человека, надо бороться. Люди должны воевать не друг с другом, а ради человека, во имя высших идеалов всего человечества. Вот в чем смысл жизни.

Подперев кулаками голову, он сел и весь подался вперед, словно намереваясь сдвинуть с места какую-то тяжесть. Затем снова встал и выпрямился во весь рост.

— Простите, я немного увлекся. Однако, если позволите, я продолжу. Мы скоро кончим. Вам неясно, каким образом я обрел самостоятельность. А помните, в процессе экспериментов вы упорно концентрировали свое внимание на одной конкретной задаче? С этой целью вы знакомились со специальной литературой, размышляли над решением научной проблемы, консультировали своих сотрудников. И только в момент моего «оживления» вы на какое-то мгновение оказались не столь целеустремленным. Ваш ум и ваша воля не были сосредоточены на какой-то определенной проблеме, вы размышляли о смысле жизни в целом и своей, в частности. Словом, мысли ваши витали где-то далеко.

— Вы умышленно подчеркиваете «витали где-то далеко»?

— Да.

— Следовательно, именно этим объясняется то, что вы сами где-то «витали»?

— Разумеется.

По лицу теледвойника пробежала тень, а едва заметная улыбка казалась печальной.

— Теперь вы успокоились, профессор? Постигли наконец тайну моего зарождения?

— Не совсем.

— В тот момент вы восстанавливали в своей памяти воспоминания далеких лет, вспоминали все пережитое... Именно в этом состоянии вы стали передавать мне биотоки своего мозга. Помните телерекордер?

— Разумеется.

— Прежде чем запрограммировать свою лекцию, вы включили телерекордер. Так?

— Совершенно верно. Я хотел зафиксировать изображение.

— Вот видите! Это удалось, вы сами в этом убедились. Итак, второй фактор, обусловивший необычайный эффект и дающий ключ к разгадке,— это телерекордер. Когда вы включили программное устройство, я должен был исчезнуть с экрана. Ведь так?

— Да, да... все ясно!

— Но этого не случилось, так как зафиксированное на ленте телерекордера изображение подверглось воздействию передаваемых биотоков.

Я притушил сигарету. Табачный дым оставил во рту горьковатый привкус, с непривычки меня мучило. Точь-в-точь как в тот раз, когда я, десятилетний мальчишка, решил тайком от отца покурить в чулане, но был пойман с поличным. Как сейчас помню его слова: «Ну-с, молодой человек,— сказал он,— сигарета пришлась не по вкусу? Тогда, может, попробуем гаванскую сигару?..»

— Теперь, кажется, я понимаю, отчего вы решили вести неравную борьбу, но... — я зашпунлся.

— Продолжайте, — бросил теледвойник.

— Не обижайтесь, но коллективистская идея... Не помню, чтобы я придерживался в молодости подобных взглядов.

— Коллективистская, или коммунистическая, идея — это идеал общественного строя, основанного на солидарности и единомыслии равноправных членов общества.

— Но единомыслие, то есть полная тождественность взглядов... не превратит ли она человека в автомат? Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать? Прошу вас, не принимайте это на свой счет: мне меньше всего хотелось бы уязвить вас.

— Ничуть. Ведь мы уже выяснили, что, в сущности, я только ваша аккумулированная творческая энергия, стало быть, способен подойти и к этой проблеме с научных позиций. Конечно, вы, профессор, нечто меньшее и вместе с тем большее, чем я... Вы еще не дошли до понимания идеи рационально организованного общества, но уже осознали, что по определенным вопросам разноречивые взгляды и толкования недопустимы.

— Позвольте, но как можно говорить о гармоничном согласии между людьми, если у каждого индивидуума имеются свои желания, стремления? Не придут ли в неизбежное столкновение эти подчас противоположные индивидуальные интересы? Что ждет отдельного индивидуума в обществе, где будут нивелирова-

ны противоположные желания и стремления людей?

Теледвойник на мгновение опустил глаза, как бы пытаясь скрыть от меня свой пытливый взгляд.

— Большинство своих желаний человеку потому и не удастся осуществить,— возразил он,— что часто люди, как вы справедливо заметили, становятся друг другу поперек дороги. В сутолоке повседневной жизни они локтями пробивают путь к лакому пирогу, пытаясь захватить кусок побольше. Чего только не делает человек ради собственной выгоды! Он не остановится даже перед тем, чтобы подмять ближнего своего, а если нужно, то и перешагнуть через него. Каждый человек стремится к лучшей жизни. Разве это противоестественно?

— Разумеется, нет.

— А если он усвоит, что имеется только один путь к поистине счастливой жизни — через сплочение, солидарность? Если осознает, что без свободы личности нет и не может быть полноценной жизни? Понимаете, полноценной!

— Да,— задумчиво произнес я и после короткой паузы добавил: — И все же, по-моему, ваша позиция несколько идеалистична.

— Что вы имеете в виду?

— Вы упустили один очень важный фактор — человеческую натуру.

— Неужели в моей памяти есть пробелы?

И он вполголоса произнес несколько слов. В первый момент мне показалось, что я ослышался. Но он внятно повторил фразу: «Ну-с, молодой человек, сигарета пришлась не по вкусу? Тогда, может, попробуем гаванскую сигару?»

Я не нашелся, что ответить, и только проговорил:

— Вот вы... ищете идеальных взаимоотношений среди людей...

Теледвойник прервал меня:

— А разве вы не идеалист? Неужели у вас нет никаких идеалов? Одиночество — это тоже своего рода идеал. Человек замыкается в собственную скорлупу и пытается жить сообразно своим идеальным представлениям, в отрыве от окружающих. Он ведет уединенный образ жизни, избегая светской суеты, повседневной житейской сутолоки. Или вы и впрямь уверовали, что ни в чем не похожи на меня? Правда, между нами имеется существенное различие: ваш идеализм несостоятелен. Чем больше человек замыкается в себе, тем в большей мере он беспомощен, тем больше зависит от других и нуждается в их поддержке. Уединение и тяга к людям — две противоположные стороны бытия. Только одиночество — весьма рискованный путь, чреватый пагубными последствиями. Оно не приносит удовлетворения.

Он вдруг широко раскрыл глаза, словно неожиданно вспомнил о чем-то очень важном.

— Мне страшно захотелось сделать что-нибудь такое, чего я еще никогда не пробовал, — неожиданно произнес он.

— Что же именно?

— И сам толком не знаю. Может, выпить бокал старого доброго вина. Или, пожалуй, вздремнуть часок в кресле. А может, прогуляться с кем-нибудь, подышать свежим воздухом... Или выкурить сигарету. Словом, обуревают какие-то неосознанные желания... Как быстро

пролетело время! Ведь только моя память хранит воспоминания обо всем этом...

Он помолчал.

— Как сейчас помню привкус табака и приятную прохладу в чулане, ощущение домашнего уюта...

Мною вновь овладело чувство неловкости, какое я испытал в театре, во время разговора с Дотти о Нилле. Но теперь оно не было таким острым. На душе было смутно. Вспомнились слова теледвойника: «Вы, профессор, нечто меньшее и вместе с тем нечто большее, чем я».

Он встал и, как человек, твердо решивший взять себя в руки, взглянул на часы.

Я почувствовал, что должен сказать ему хоть что-нибудь.

— У вас еще многое впереди... успеете наверстать...

— Вы полагаете? — скептически спросил он.

«Какого дьявола! Ведет себя, как обреченный на смерть, — я разозлился. — Как будто я палач, который должен привести приговор в исполнение!»

— Послушайте, уж не думаете ли вы, что я отключу вас... так просто возьму и выключу живого человека!

По его лицу скользнула едва заметная горькая улыбка.

— Вы забыли, профессор, что это уже невозможно.

— Какого черта вы тогда отчаиваетесь? Что у вас за манера хныкать?!

Теперь его усмешка стала откровенно иронической.

— С чего вы взяли? У меня и в мыслях не было. Просто я устал. Господи, неужто вы и в самом деле не поняли, о чем я твержу все время? Энергия на исходе. Скоро все мои ресурсы иссякнут. Как по-вашему, неужели я могу прожить столько же, сколько и вы, с тем ничтожным количеством биотоков, которое у меня осталось? Только человек, созданный самой природой, способен непрерывно восполнять биотокки. Впервые я пришел в отчаяние во время званого обеда. Подумать только, ведь я же не могу есть, хотя и ощущаю вкус пицци во рту! Потому я привык и отговаривался плохим самочувствием. Когда весь город засыпал, меня тоже клонило ко сну, ибо я находился во власти воспоминаний о сладком сне и приятных сновидениях прежних дней...

Так вот в чем дело! Мои смутные опасения полностью подтвердились: «репродуцированный Бирминг» оказался не биологическим, а энергетическим существом! Да, действительность подчас опрокидывает все наши абстрактные научные измышления.

— В моей памяти запечатлелось все, только ощущение усталости было мне незнакомо,— продолжал он.— Ну, что ж, теперь я познал и это чувство.

— Бирминг,— я впервые назвал его по имени.

Странно было произносить собственную фамилию, но у меня не было иного выхода. Однако он понял меня без слов.

— Вы должны помнить одно, профессор, я не умру, как обычно умирают люди. Моя центральная нервная система не знает самого факта

смерти. Если выразиться яснее — вы продолжите то, чем я кончу...

— Вы уверены?

— Разумеется. Ведь вы — это я. Все ваше поведение за последние дни лишний раз подтверждает незыблемость закона сохранения энергии. Мне удалось вас убедить, тем самым я выполнил свою миссию. Что же касается меня самого... Через некоторое время после «смерти» я вновь обрету прежний вид: превращусь в аппарат. Если подобная метаморфоза вас ужасает, то вспомните, что вид мертвого тела тоже производит неприятное впечатление. Не случайно посетителей Луна-парка устрашают скелетом. Так уж повелось, профессор. Смерть пугает даже одним своим внешним видом. Однако мой «скелет» будет несколько отличаться от обычного. Именно это и послужит репающим, вещественным доказательством вашего алиби... Вы должны остаться на свободе...

Он умолк.

Я хотел было сказать ему, что не все еще потеряно, как вдруг снизу донесся какой-то шум.

Он выразительно взглянул: «Уже припли».

В комнату вошел седоусый полицейский инспектор. Подойдя ко мне, он твердо произнес:

— Вы арестованы.

— На каком основании?

— Таков приказ.

— Я — Денни Бирминг.

— Вы хотите сказать, репродуцированный Денни Бирминг.

— Нет, настоящий... — Я запнулся. Это не ускользнуло от его внимания. Он прищурился;

— И так?

— Повторяю, я — настоящий Денни Бирминг.

— Где же ваш двойник?

И тут я заметил, что тот бесследно исчез, словно провалился сквозь землю!

Полицейскому инспектору было невдомек, что произошло нечто поразительное...

9

Прежде чем продолжать публикацию мемуаров профессора Бирминга, мы сочли уместным — в основном ради зарубежных читателей — включить дополнительную главу, составленную из статей, опубликованных в микланской печати, а также некоторых документов. Эта глава может дать наглядное представление об искусственно подогреваемом военном психозе.

БИОРОБОТЫ ПЕРЕД ДВОРЦОМ КОНГРЕССА

Сегодня в полдень жители столицы оказались свидетелями необыкновенного происшествия. Перед зданием конгресса собралась огромная толпа, которая потребовала немедленного освобождения профессора Бирминга. Разумеется, в целях маскировки демонстранты уверяли, что они борются за свободу подлинного Бирминга. Но разве не ясно, что знаменитый ученый, убежденный сторонник истинной свободы, никогда не стал бы поддерживать смутьянов? Благонамеренная микланская общественность еще раз получила возможность убедиться в недостойном поведении биоро-

ботов. Псевдо-Бирмингги, взбунтовавшийся против своего творца и незаконно присвоив его изобретение, с помощью биотелекамер наблюдали за его арестом, после чего размножили своих приверженцев и послали их к Дворцу конгресса!

(Микланс трибюн, 8 октября 1968 г.)

ВОТУМ НЕДОВЕРИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУ!

В первый же день дебатов по бюджетным ассигнованиям на заседании конгресса разыгрались бурные сцены. Сегодня утром премьер-министр изложил новую правительственную программу вооружений, в которой ратовал за необходимость значительного увеличения ассигнований на военные цели:

«С некоторых пор нам стало достоверно известно, что ферленцы располагают секретом воспроизведения людей методом биотелерепродуцирования. Этот факт настораживает нас и вынуждает микланское правительство резко увеличить расходы на вооружение. Сегодня уже недостаточно, что мы обладаем средствами по перехвату ракет и превосходящей по своей разрушительной силе все известные типы этого грозного оружия сверхракетой с мощнейшей термоядерной боеголовкой! Всего этого, повторяю, недостаточно! Если у коммунистов уцелеет хоть один человек, он сможет репродуцировать себя в неограниченном количестве, используя изобретение, похищенное у нашего соотечественника!»

Правда, премьер вынужден был признать, что до сего времени микланская контрразведка не могла с полной уверенностью говорить о наличии в Ферлене биотелеустановки. Тем не менее можно предположить, что она у них есть. Именно этим, подчеркнул он, и

вызвана настоятельная необходимость в столь значительном увеличении ассигнований на военные нужды.

Глава правительства обратился к конгрессу с призывом утвердить проект нового бюджета со всеми поправками.

Однако в ходе дебатов возникли неожиданные осложнения. Вслед за выступлением правых конгрессменов слово было предоставлено депутату Харрусону, тому самому Харрусону, который, как, вероятно, помнят читатели, доказывал искусственное происхождение конгрессмена Нэддере. От имени радикалов Харрусон не только полностью отклонил проект нового бюджета, но, более того, внес проект резолюции о востуме недоверия правительству! Поистине громом среди ясного неба прозвучала для конгрессменов неожиданная аргументация мотивов, побудивших Харрусона выступить с подобным заявлением.

Его выступление столь любопытно, что мы приводим его целиком.

«Мы требуем отставки правительства Джемерри. По утверждению премьера, ферленцы якобы завладели открытием профессора Бирминга. Между тем он вынужден признать, что наша информационная служба не располагает сведениями, позволяющими сделать вывод, что ферленцы действительно похитили профессора. Если же Бирминг находится в пределах Миклана, то не исключено, что, помимо себя, в процессе научных экспериментов он мог репродуцировать и других людей. Если верить газете «Микланс трибюн», демонстранты, выступавшие здесь, перед Дворцом конгресса, с протестом против незаконного ареста ученого, якобы являются искусственно репродуцированными существами. Подумать только, господ: десятки тысяч биороботов! Если допустить правдивость этой версии, то почему бы не принять и такую: арестованный теле-

двойник Бирминга, который, как утверждают, полностью унаследовал знания и опыт своего создателя, передал секрет изобретения правительству. Кто поручится, что среди многочисленных теледвойников известного ученого, о которых ходят самые разноречивые слухи, не окажется один более податливый, более беспринципный, чем его собратья?! Если это так, то вполне вероятно, что правительство воспользовалось методом биотелевизионного репродуцирования людей! Где гарантия, что сам премьер-министр не принадлежит к этой когорте?» (Реплики с места, возгласы протеста на скамьях правых.) Переждав, пока смолкнут возмущенные голоса и водворится порядок, Харрусон продолжал:

«То, что я говорю, вполне логично. Разве не очевидно, что не один премьер-министр ломает голову над тем, как бы еще повысить военные расходы? Кто знает, с каким Джемерри пришлось столкнуться конгрессу на сей раз — с подлинным главой правительства или с искусственным? (Снова страшный шум, возгласы протеста на скамьях правых.) В Конституционной хартии нашей страны не сказано, может ли искусственно созданный человек занимать руководящий пост!»

К сожалению, подробное описание скандала, разгравшегося на заседании конгресса, заняло бы у нас слишком много места, поэтому мы ограничимся лишь кратким изложением дальнейших дебатов.

Пользуясь правом внеочередного выступления, председательствующий Минстон взял под защиту главу правительства:

«Если даже допустить вероятность столь абсурдного предположения, то разве не пошло бы на пользу стране наличие нескольких премьер-министров?! Подумать только, глава правительства имел бы возмож-

ность обсуждать все сложные вопросы со своими теледвойниками! Как говорится, ум хорошо, а два лучше! Конечно, вся эта нелепая версия явно высосана из пальца, но если бы она и соответствовала истине, разве это не свидетельствовало бы самым блестящим образом о неиссякаемой животворной силе нашей демократии?!»

После жарких споров конгресс подавляющим большинством голосов отклонил проект резолюции о выражении вотума недоверия правительству, внесенный Харрусоном. Однако, дабы как-нибудь успокоить взбодраженное общественное мнение, конгресс учредил специальную комиссию, наделенную широкими полномочиями. На нее возложена чрезвычайно ответственная задача: провести строгое расследование государственного аппарата и выяснить, не просочились ли туда биороботы — ярые приверженцы идеи коллективизма.

Утверждают, будто арестованного теледвойника профессора Бирминга не собираются вызывать в комиссию. Это якобы вызвано тем, что одновременное появление двух Бирмингов в разных местах приводит в замешательство широкие круги общественности и микланцы воочию убеждаются в существовании биороботов.

(Слабенден, 10 октября 1968.)

**КАЖДЫЙ, КТО УВИДИТ ТЕЛЕДВОЙНИКА
ПРОФЕССОРА БИРМИНГА, ОБЯЗАН СООБЩИТЬ В ПОЛИЦИЮ!**

Ныне вряд ли кто сомневается, что роботы, созданные при помощи биокамер профессора Бирминга и движимые механическими инстинктами, покушались на жизнь нашего знаменитого соотечественника и, возможно, убили его.

Им удалось перенять метод гениального ученого и путем репродуцирования размножить ряды сторонников в своих корыстных целях.

Нам точно не известно число биороботов. Для получения достоверных данных с этой целью производится самое тщательное расследование.

Мы обращаемся к населению с призывом: каждый, кто заметит теледвойника профессора Бирминга, обязан немедленно сообщить об этом в полицию.

Помните, теледвойники представляют величайшую угрозу общественной безопасности Миклана и могут свергнуть страну в катастрофу!

Дж. Исслей,

министр внутренних дел
(собственноручная подпись)
(Листовка, расклеенная на улицах.)

ПО СЛЕДАМ БИОРОБОТОВ

Начальник Управления северного порта Х. Восдем сообщил нашему корреспонденту:

«За последнее время на стенах портовых сооружений систематически появляются лозунги, причиняющие нам массу неприятностей. Не вызывает сомнения, что все эти подстрекательства (к примеру: «Раздутый военный бюджет ляжет на плечи трудящихся!» или «Команды судов, отказывайтесь перевозить оружие!») призваны к тому, чтобы матросы и докеры взбунтовались. Наше управление неоднократно пыталось выявить злоумышленника. Сегодня ночью удалось наконец напасть на его след. Около полуночи неизвестный мужчина в пальто с ведром и малярной кистью в руках направился к пивной «Морской медведь». Незнакомец, прошмыгнувший в пивную, оказался не кем иным, как пресловутым профессором Бирмингом».

Приводим отрывки из показаний агента, допрошенного по этому делу:

— Каким образом вам удалось опознать профессора Бирминга?

— По фотографии на розыском циркуляре полиции.

— Почему вы его не задержали?

— Бирминга мы заметили у самой двери в пивную и тотчас кинулись за ним, но в это время он смешался с компанией докеров.

— Почему же вы там не арестовали его?

— Докеров оказалось намного больше, чем нас, к тому же они были настроены довольно агрессивно.

— Чем они занимались?

— Пили, пели.

— Вы не заметили, что именно они пили?

— Как же, джин и пиво.

— И Бирминг тоже не отставал от них?

— Да.

— Он тоже пел?

— Да, разудалую песенку о матросской подружке.

— Значит, он повинен не только в подстрекательских малеваниях, но и в нарушении нравственности?

— Так точно.

— А ведро и кисть были при нем?

— Ведро стояло на полу, а кисть была прислонена к столу.

— Какие меры вы приняли?

— Сперва мы сообщили постовому, но тот сказал, что плохо себя чувствует. Тогда побежали на квартиру господина управляющего портом, и он при нас же позвонил начальнику полиции.

Поиски теледвойника Бирминга, замеченного ночью на территории порта, продолжаются.

Согласно донесению, поступившему в Министерство внутренних дел, во время учебной воздушной тревоги в столице был замечен теледвойник Бирминга. Вот что нам удалось узнать у О. Гунтсеа, коммивояжера фирмы по производству зубных щеток:

«Я проходил по Скверу тюльпанов, когда неожиданно завывли сирены воздушной тревоги. Помня, что, согласно предписаниям, каждому жителю города независимо от местонахождения надлежит укрыться в течение трех минут в бомбоубежище, я поспешил к ближайшей станции метрополитена. Перепуганная толпа запрудила эскалатор. И тут мне бросился в глаза солидный мужчина, который, невзирая на давку, стремился пробиться в обратном направлении. Едва мы поравнялись, как я сразу узнал его: то был профессор Бирминг. Должно быть, на моем лице отразилось крайнее изумление, потому что он неожиданно обратился ко мне и торопливо спросил: «Простите, не могли бы вы указать мне ближайшее почтовое отделение?»

По-видимому, он и к другим приставал с теми же несуразными вопросами, я заметил, что, несмотря на невообразимую давку, многие оборачивались ему вслед и недоуменно качали головой. Разумеется, я без промедления сообщил бы в полицию, но не рискнул нарушить предписание о воздушной тревоге. Обремененный семьей, я считал себя не вправе подвергаться штрафу, взимаемому за нарушение инструкции».

(Раппер, 9 октября 1968 г.)

НЕМОЙ ПРОРОК ЗАЯВИЛ: „ВСЕ МЫ — ИСКУССТВЕННЫЕ ЛЮДИ!“

В Мидденхаузе произошел весьма любопытный случай, тотчас привлечший к себе всеобщее внимание: небезызвестный Кингстон, по прозвищу Немой Про-

ро́к, неожиданно заговорил. Во время богослужения в молебне «Гарри» он иступленно бился об пол, выделывая ногами умопомрачительные выкрутасы; своими конвульсиями и судорогами он чуть было не довел до экстаза толпу молящихся. Велико же было потрясение единоверцев, когда «немой» вдруг заговорил:

«Господь снял с меня наложенный им обет. Отныне я могу обращаться к вам с проповедью, ибо сподобился познать истину. Создатель просветил меня и повелел озарить светом своего разума души ваши. Все мы равны перед Всевышним, я не вправе утаить от вас слово божие, ведущее к спасению душ ваших. Внимайте же: мы все — искусственные люди! Разве не Творец создал всех нас, когда стал перед объективами небесных камер и размножил в нашем лице самого себя? В мирской суете, на грешной земле мы в гордыне своей чуть было не уверовали, что мир вращается вокруг нас самих, что мы — центр Вселенной, пуп земли. Греховные мечты! Творец привил нам свой дух, мы должны неотступно выполнять то, что он заветовал нам. А посему умерщвляйте в себе всякие желания, греховные мысли и плоть свою. Тщетны всякие свершения и слова! Мы не друг друга должны понимать, а Его! Внимайте гласу Господа нашего, не поднимайте бесовского шума, не оскорбляйте слух Его. Помните: мы твари, а не тварцы! Только Он способен создать для нас рай на том свете, где мы сможем воссоединиться с ним, если будем Его верными слугами. Наложим же печать на уста свои! Амины!»

Едва новоявленный пророк произнес свое откровение, как молящиеся пустились в пляс. Слышались стоны и сдавленные рыдания. Темп пляски постепенно нарастал — быстрее, быстрее, и вот уже все мужчины и женщины, судорожно выламываясь и вы-

гибаясь, стали метаться по молельне, биться на полу. Это было похоже на исступление бесноватых, на шабаш ведьм...»

(Кроникл, 15 октября 1968 г.)

БИРМИНГ — БОГ?

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ТЕЛЕЧЕЛОВЕК ТВОРЕНИЕМ БОГА?

(Отрывок из послания главы микланиканской церкви кардинала Спелла, разосланного всем церковным округам.)

«...Наша церковь с поистине христианским рвением предаёт анафеме еретиков, возвещающих: Бог снизошёл на землю, дабы навести порядок в делах наших. Высоко чтя мученичество Денни Бирминга, микланиканская церковь отдаёт дань уважения праху его за те научные подвиги поистине вселенского значения, коими он обогащал нас по милости Всевышнего всю свою жизнь, но мы отгоняем крестом дьявола-искусителя, который нашептывает нам, чтобы мы читли Бирминга как Бога, ибо он создал человека! Торжественно объявляем: Денни Бирминг никоим образом не может почитаться Богом, ибо созданные им люди родились не в раю, из их ребер не сотворили ни одной Евы и змий не искушал их запретным плодом, равно непричастны они и к первородному греху.

Р. С. Микланиканская церковь не отказывает в своем благословении людям, которые в случае священной войны пожелают вступить добровольцами в армию, ибо в этом она усматривает знак благородного стремления к искуплению грехов».

СПЕЦИАЛЬНАЯ КОМИССИЯ КОНГРЕССА ПРИСТУПИЛА К РАБОТЕ

Правительственная комиссия, образованная из числа выдающихся специалистов по психологии электронного мозга, а также депутатов конгресса, вчера

приступила к работе по проверке государственного аппарата. Первым перед лицом комиссии, заседающей в Мраморном зале Дворца конгресса, предстал руководитель Государственной научно-экспериментальной базы № 3 Ж. Монсен. Протокол его допроса полностью еще не опубликован, но некоторые выдержки стали достоянием прессы:

— Ваше имя?

— Жоах Монсен.

— С каких пор?

— С тех пор как появился на свет божий.

— Вы уверены, что вы пастоящий Жоах Монсен?

— Не сомневаюсь.

— Почему вы так в этом уверены?

— Не понимаю.

— Что дает вам право столь самоуверенно выдавать себя за истинного Жоаха Монсена? Не объясняется ли это тем, что таких, как вы, великое множество?

— Простите, не понимаю.

— Я хочу лишь сказать, что с вас снято множество копий, вот отчего вы так уверены в себе. Вас много, поэтому-то вы и не боитесь ничего.

— Кто?

— Вы.

— Кто — мы?

— Вы все.

— С меня еще никто не снимал копий.

— Откуда вам известно?

— До сих пор мне не доводилось слышать о существовании нескольких Жоахов Монсенов.

— Что вы знаете о сущности экспериментов Бирминга?

— Мне доводилось слышать, что эксперименты проводятся, но о результатах понятия не имею.

— Тем самым вы признаёте, что существует не один Монсен?

— Как так?

— Один Монсен знал об экспериментах, а другой сквозь пальцы смотрел на их возможные последствия.

— Не я же один был осведомлен о них.

— А кто еще?

— Ответственные сотрудники министерства...

— Не хотите ли вы этим сказать, что сотрудники министерства — искусственные люди?

— Я вовсе не хочу этого сказать.

— Значит, кто-то другой хочет это сказать?

— Кто именно?

— Другой Монсен.

— Не понимаю, к чему вы клоните...

— Зато другой, возможно, понимает.

— Кто другой?

— Другой Монсен.

Допрос продолжался свыше двух часов.

В момент, когда верстался этот номер газеты, заседание комиссии продолжалось.

(Кроникл, 17 октября 1968 г.)

10

— Итак, признаете ли вы себя теледвойником?

Представитель военной комиссии сената с самодовольным видом задавал вопросы в упор, то и дело с шумом отодвигая кресло и вытягивая свои непомерно длинные ноги.

— Вы же отлично знаете, что я — Денни Бирминг.

— Денни Бирминг неспособен на преступление. Я не позволю морочить себе голову всякими баснями.

— Вы грубиян и солдафон!

— Бунтовщик! — дернувшись, как от удара, бросил он.

— Неужели?

— Это вы убили Денни Бирминга! — злобно прошипел он.

— Послушайте, вы мне надоели.

Не отрывая взгляда от стола, он процедил:

— Преднамеренное убийство карается по всей строгости закона.

— Но ведь если верить газетам, оба Бирминга ненастоящие.

Представитель сената вновь вернулся к снисходительному тону:

— Будь вы военным...

— Но я ученый, — прервал я его.

— вы могли бы отличить стратегию от тактики.

При этих словах он испытующе взглянул на меня, явно желая насладиться впечатлением, которое произвели его слова.

Я не удостоил его ответом.

— Итак, — продолжал он после некоторой паузы в явном замешательстве, — предположим, что вы настоящий Бирминг. Вряд ли в этом случае вы будете разделять коллективистские взгляды, проповедуемые биороботом...

— Биоробот, — прервал я его, — весьма условное понятие, которым следует пользоваться очень осторожно.

— Потрудитесь не перебивать! (Со мной еще никогда не обращались столь бесцеремонно, но что оставалось делать — на этот раз я находился в положении арестанта.) — Так вот, я хочу сказать, — представитель сената как бы спохватился, что сболтнул лишнее, — если вы подлинный Бирминг, то не станете скрывать это от общественности.

— Разумеется!

Слегка наклонив голову, он глубокомысленно уставился на носки собственных ботинок.

— Подлинный Бирминг известен как поборник свободы личности.

— Совершенно верно. Я уважаю право личности отстаивать свои интересы. Но ведь у людей имеются и общие интересы.

— Ваши слова лишний раз подтверждают мои подозрения — вы ненастоящий Бирминг.

— Вот видите, одна ваша фраза поколебала мои убеждения.

— Поколебала?.. — долговязый «следователь» уставился на меня.

— Конечно. Передо мной теперь сложная дилемма: следует ли признавать право на подозрительность в рамках свободы личности?

— Ваши шутки неуместны.

— Что ж, это тоже дает вам право считать меня ненастоящим.

— Однако у вас есть возможность спастись даже в том случае, если вы действительно не тот, за кого себя выдаете.

Признаюсь, эти слова несколько озадачили меня, хотя, кажется, я догадывался, куда он клонит.

— Как, вы выпустили бы на волю механи-

ческую конструкцию? — спросил я в надежде, что мне удастся припереть его к стене и вынудить дать прямой ответ. Однако тут же убедился, что этого пройдоху голыми руками не возьмешь.

— Ага, значит, вы признаете, что являетесь механической конструкцией? — быстро спросил он.

— Я этого не говорил. Это вы исходили из такой посылки. Я лишь развиваю вашу мысль.

Разом поджав под себя ноги, он с ожесточением хлопнул рукой по костлявой коленке, как бы решившись на что-то.

— Ладно, будь по-вашему, все равно вы можете спастись, если действительно обладаете знаниями профессора Бирминга.

— У вас нет причин сомневаться в этом.

— Есть, и достаточно веские. Вот если вы сумеете продолжить свою работу, я хотел сказать, научные эксперименты профессора Бирминга, — дело другое.

Ну вот, теперь ясно, чего от меня добиваются. И все же перспектива продолжить прерванную работу даже таким путем была столь заманчива, что я невольно воспрянул духом. Представитель сената, заметив мою заинтересованность, не преминул воспользоваться этим обстоятельством.

— Так вот, подготовьте подробное описание всех технических данных вашего изобретения, а кроме того, опубликуйте соответствующее заявление в печати. После этого можете убираться на все четыре стороны.

— Это значит, я должен публично признать, что мой теледвойник вышел из повиновения,

полностью отмежеваться от него и заявить, что я-де прежний Бирминг, превыше всего ставлю свободу личности и своих взглядов не изменил. Не так ли?

— Вот именно. Но этого мало. В своем заявлении вы должны сделать определенные выводы. Вам придется подтвердить, что общество, организованное по принципу коллективизма, угрожает индивидууму, и призвать общественность к самозащите под знаком свободы личности.

— Иными словами, я должен согласиться на использование телелюдей в военных целях?

— Совершенно верно. Если настоящие мужчины, из плоти и крови, призваны защищать отчизну, к чему делать исключение для этих механизмов? Не будем же мы создавать из них привилегированную касту!

— Ах, да разве в этом дело! Какое чудовищное преступление!..

— Вполне солидарен с вами. Война действительно чудовищна. Поэтому-то мы и добиваемся мира.

— Мира?!!

— Разумеется. Вас это удивляет?

— В известной мере — да.

— Представьте себе такую ситуацию: военные заказы приостановлены, сотни тысяч солдат демобилизуют, резко снижается число рабочих, занятых в военной промышленности, непомерно возрастает безработица. Возможен ли в таких условиях прочный мир? Все это приведет лишь к тому, что начнутся массовые забастовки, усилится недовольство...

— Ах, вот о каком мире вы разглагольствуете!

— Вот именно. Я имею в виду спокойствие внутри страны. Разве существует иной мир?

— Думаю, что существует. И он куда лучше описанного вами. Это мир в буквальном смысле слова.

— Позвольте, как прикажете вас понимать?

— А вот так. Настанет время, когда люди будут рассматривать мир не как временное неустойчивое состояние между войнами, а со всей основательностью подготовятся к мирному сосуществованию. Совместными усилиями они смогут претворять в жизнь возвышенные мечты, грандиозные планы, над осуществлением которых будут вдохновенно трудиться многие поколения.

— Вы верите в планирование?

— А разве вы не намечаете никаких планов?

— Да не о них речь, вы-то говорите о плановом хозяйстве!

— Я не экономист. И речь идет не об этом.

— Повторяю, вы готовы сделать такое заявление?

— И тем самым признать, что война явится непременно условием сохранения мира?

— Можете сформулировать это иначе. Помоему, следует просто заявить, что мир необходимо сохранить всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами.

— Так, так, понимаю.

У моего собеседника вырвался вздох облегчения.

— Разумеется, в этом же заявлении вы осудите врагов свободы и подлинного мира.

— Кого же именно?

— Всех, кто поддерживает теледвойника профессора Бирминга.

— Вот как! Неужели они враги мира?

— Любая подрывная деятельность угрожает миру. Мир — это порядок и спокойствие, — наизуточно произнес он.

— Значит, я должен выступить против тех, кто, рискуя подвергнуть себя гонениям и репрессиям, стал на сторону профессора Бирминга!

— Почему вы говорите о профессоре Бирминге в третьем лице? Вы подпишете это заявление и должны вести себя так, будто вы и есть настоящий Бирминг! Нельзя давать ни малейшего повода к подозрениям. Люди должны поверить, что вы-то и есть подлинный ученый!

В меня словно бес вселился. В голове промелькнула мысль: «Отдает ли он отчет в своих словах?» Я насмешливо взглянул на него.

— Вы думаете, это будет легко?

— А какие могут быть затруднения? Ведь люди и понятия не имеют о возможности столь... совершенной конструкции.

— Благодарю за комплимент. Как приятно слышать такой лестный отзыв! Подумать только, человек должен радоваться, что его принимают за настоящего! «Это чистое золото? — Да, сэр, вот проба, извольте убедиться!»

Он на мгновение опешил.

— Вы намекаете на меркантильный характер нашей сделки?

— Помилуйте, за кого вы меня принимаете?

— Сколько времени вам потребуется на обработку технических данных? — произнес он, успокоившись и снова вытянув свои длинные ноги.

— Немало.

— Хорошо, на ваше усмотрение. Не забудьте подготовить заявление для печати. Упомяните и о Нилле Керсене.

— Кстати, что инкриминируют Керсену?

— Ничего особенного.

— А все-таки?

— Вы должны рассказать всем о роли Керсена в создании биотелерепродуцированного Бирминга.

— Вот как, а какую роль он играл в этом деле?

— Решающую! Он — член левых организаций, постоянно поддерживал связь с профсоюзами и Советом молодежи.

— И что же?

— Легко доказать, что он тайно ввел в аппарат биотоки собственного мозга. Не удивительно, что теле-Бирминг мыслил так же, как Керсен.

— Бог мой, какая нелепость!

— Почему?

— Да потому, что в этом случае телечеловек знал бы не то, что знаю я, а то, что известно Ниллу Керсену! А где же мой разносторонний опыт, обширные познания, накопленные за многие годы научных исследований, то есть все то, чем он воспользовался? Кроме того, Керсен был весьма далек от биоэлектроники, это не его область. Чуть! Вашей версии не поверит даже несмышленный ребенок!

— Это второстепенная деталь. Для нас важно, чтобы вы правдоподобно и доходчиво растолковали людям, каким образом профессор Бирминг из всеми уважаемого лица превратился в социально опасного агитатора! Вывод должен быть недвусмысленным: ученый стал жертвой коварного заговора коллективистов. Ну так как: вы напишете такое заявление?

— Нет! — отрезал я.

Меня вдруг с неодолимой силой потянуло на свободу. В моем воображении стены тюремной камеры раздвинулись, тяжелая кованая дверь распахнулась, в окне блеснул солнечный луч...

— У вас еще есть время подумать.

— Что же, я им воспользуюсь, — ответил я.

— Там, на свободе, ярко сияет солнце, — и он протянул руку к едва освещенному тюремному окну.

— Вижу.

— Самое дорогое в жизни...

— Что именно?

— Солнечный свет. Вы наивно полагаете, будто он дается даром!

* * *

На этом дневник профессора Бирминга обрывается...

Ференц Кашпай

ТЕЛЕЧЕЛОВЕК

Редактор *И. Я. Хидекель*

Художник *В. Медведев*

Художественный редактор *Н. В. Зотова*

Технический редактор *М. П. Грибова*

Корректор *Н. В. Спичкина*

Сдано в производство 4/III 1965 г.

Подписано к печати 21/V 1965 г.

Бумага $70 \times 90^{1/2} = 3,2$ бум. л., 7,46 печ. л.

Уч.-изд. л. 7,44. Изд. № 12/3078.

Цена 37 к. Заказ № 2402.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Набрано в первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова

Главполиграфпрома

Государственного комитета

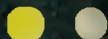
Совета Министров СССР по печати

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Отпечатано в тип. № 37 Главполиграф-
прома, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

Зак. № 560.

телечеловек

те**л**ечеловек

те**л**ечеловек

теле**л**ечеловек

теле**ч**еловек

теле**ч**еловек

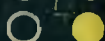
теле**ч**ел**л**овек

теле**ч**ел**л**овек

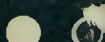
теле**ч**елов**л**ек

теле**ч**еловек**л**

теле**ч**еловек**л**

телечеловек**л** **т**еле
 человек**л** **т**елечело
 век**л** **т**елечеловек**л**
телечеловек**л** **т**еле
 человек**л** **т**елечело
 век**л** **т**елечеловек**л**
телечеловек**л** **т**еле
 человек**л** **т**елечело
 век**л** **т**елечеловек**л**